

С. УСПЕНСКИЙ

ЖИВУЩИЕ ВО ЛЬДАХ

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

С. УСПЕНСКИЙ
ЖИВУЩИЕ ВО ЛЬДАХ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1978

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Фото С. М. Успенского, Е. В. Арбузова,
В. С. Грекова, И. И. Зайцева, А. Я. Кон-
дратьева, Э. В. Назарова, В. К. Орлова,
А. П. Панкратова, С. Я. Харина, Г. Грён-
даль, Дж. Ленгфера, М. Нордерхауга*

Их называют «ископаемыми завтрашнего дня», но пусть он не придет к ним, этот день.

ВВЕДЕНИЕ

Говорят, что существует особый «полярный микроб». Стоит-де человеку хоть раз побывать в Арктике, как он «заболевает» ею, и она зовет его к себе вновь и вновь... Это действительно так.

Когда меня спрашивают, как я «заболел» Арктикой, мне вспоминается такой случай.

Несколько дней подряд бушевала пурга, а когда стих ветер, я вышел из избушки и осмотрелся. Все исчезло: и море, покрытое кочковатым ледяным припаем, и берег, и прибрежные увалы. До горизонта, насколько можно было охватить взглядом, словно гряды на гигантском огороде, протянулись аккуратные полосы заструг. Гребни их нестерпимо горели и искрились на солнце, будто усеянные алмазами.

В звенящую тишину морозного воздуха вплетались размеренные звуки, похожие на скрип или шорох. Это шел по гряде большой золотисто-желтый зверь, а рядом с ним по неправдоподобно белому снегу, раскачиваясь в такт его шагам, стлалась густо-синяя тень. Движения зверя были удивительно мягкими, будто он плыл, и что-то плыло, переливалось внутри него, отчего мех, особенно на загривке, тоже играл и переливался. Я впервые видел белого медведя на воле так близко. Хорошо различались движения его лопаток, черневшие «ладони» и «пятки» поднимаемых лап. Были видны пряди длинной шерсти, волочившиеся по снегу за его задними лапами, облачка пара, что вырывались при дыхании из полуоткрытого рта, и даже иней, осевший на губах и ресницах.

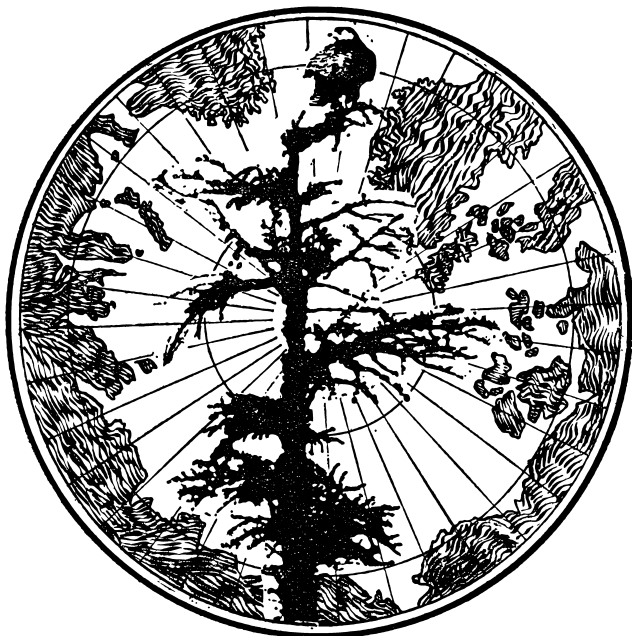
Передо мной разыгрывалась какая-то торжественная феерия, и я замер, пораженный ее полнотой и совершенством. Потом, вспоминая об этом случае, я пытался разобраться: почему он так захватил меня? Постепенно пришел ответ. Дело, конечно, заключалось в гармоничности этой картины: яркое солнце, голубое небо, белейший снег, тишина — и могучий, неторопливый зверь. Выпади из этой цепи любое звено, и не было бы никакой феерии, никакого торжества. И я понял тогда, как нужен Арктике белый медведь, как он украшает эти просторы и как много они потеряют, его лишившись!

Но нужны здесь не только белый медведь, не только розовая чайка, эта подлинная жар-птица Севера, или великолепный кыталык — замечательный белый журавль. Так же как без сполохов в зимнем небе, Арктику нельзя себе представить без шумных многотысячных птичьих базаров на прибрежных громадах скал, без скрипучего гогота гусей, без троп, проложенных стадами северных оленей, без пуночки, которая первой приносит сюда весть о приближении весны.

Арктика быстро осваивается людьми, здесь развивается промышленность, растет население. И человек в этих краях не меньше, чем где-либо, нуждается в общении с природой — полнокровной и богатой, нуждается и долго еще будет нуждаться в ее дарах.

Между тем северная природа очень уязвима. Наиболее слабое ее звено — животный мир; судьба же некоторых четвероногих и пернатых обитателей высоких широт особенно тревожит. Они значатся в Красных книгах — международных и государственных списках редких, исчезающих и нуждающихся в особой тщательной охране видов фауны. Чтобы их сохранить, принимаются многие меры. Ведь выжить в суровых условиях Арктики — значит примириться с недостатком тепла, неудобствами полярного дня и полярной ночи, ураганными ветрами, нехваткой убежищ. Не случайно поэтому проблема «жизни на пределе» вот уже более ста лет волнует биологов, привлекает внимание просто пытливого человека.

Мне пришлось видеть Крайний Север в разных его частях, в разное время года, и с большинством обитающих в высоких широтах зверей и птиц у меня был случай познакомиться довольно близко. Однако я намеренно ограничиваюсь рассказом преимущественно о видах, включенных в Красную книгу СССР. Именно к ним мне хотелось привлечь интерес и симпатии, особенно полярников, нынешних и завтрашних, — людей, которые живут в Арктике сейчас и которым предстоит жить здесь в будущем. Ведь они больше других заинтересованы в сохранении этих животных и должны внести в их охрану собственный вклад.

В НЕУСТОЙЧИВОМ РАВНОВЕСИИ

Меня всегда поражает стремительный приход весны на Крайний Север. Кажется, еще вчера плели в небе свои затейливые узоры сполохи, тишину нарушал вой ветра да шорох снежинок на гребнях заструг. А сегодня уже нестерпимо светит солнце, там, где белели сугробы, журчат ручьи, и им вторит неумолчный птичий хор. В нем и гогот пролетающих гусиных стай, и вопли гагар, и нелепый хохот куропаца — самца белой куропатки, звонкие трели куличков, пуночек, лапландских подорожников.

Но ручьи быстро умолкают, тише и как-то незаметнее становятся птицы, обремененные своими семейными заботами. А там незаметно подкрадывается осень, сначала с утренними, а потом и с дневными заморозками, за ней еще незаметнее, тайком, наползает зима... Смена этих времен года удивляет уже не так сильно. Гаснет солнце, и земля и морской лед покрываются прочной снежной коркой. До следующей весны жизнь замирает. Она, правда, не прерывается полностью. То встретишь в тундре ажурную цепочку песковых следов, то попадутся на сугробе

большие овальные отпечатки медвежьих лап либо бисером шитая стежка копытного лемминга — невидимки в его белой зимней шубке. Но, конечно, все это ни в какое сравнение не идет с суетой и гомоном, что царят здесь весной.

Крайний Север разнообразен. Это ледники и каменистые пустыни Арктики, дрейфующие льды арктических морей, полоса тундр, то унылых, низменных и заболоченных, то сухих, покрытых летом пестрым ковром цветущих трав. Это заросли кустарников и одиночные деревья, рощицы лиственниц, елей, корявых изогнутых берез. Это и северные рубежи тайги, где деревья еще невысоки и отстоят довольно далеко одно от другого. Крайний Север — это и бесконечные вереницы озер, густая сеть ручьев, речных протоков и рек, это и морские побережья — то крутые, сглаженные волнами скалы, то бесконечные пляжи с завалами плавника — выброшенных морем древесных стволов.

Есть ли во всем этом разнообразии что-то общее? Да, есть. Солнце здесь никогда не поднимается высоко над горизонтом и несет мало тепла. Только Крайнему Северу (как и крайнему югу) свойственны такие явления, как полярный день и полярная ночь, постоянно мерзлые грунты (вечная мерзлота). Ощущая недостаток тепла, живые организмы здесь направляют много усилий на его экономию, на борьбу с холодом. Словом, жизнь в этих районах развивается уже «на пределе» возможного, и отсюда хрупкость, неустойчивость, особая уязвимость местной природы.

Летом солнце непрерывно странствует невысоко над обтаявшей тундрой, над гладью морских вод, над ледяными полями. Человек, впервые попавший в высокие широты, к своему удивлению, замечает, что ночью здесь не только светит солнце, но, как и днем, с цветка на цветок перепархивают бабочки, басовито гудят шмели, летают, кормятся и поют птицы. Действительно, с приходом лета и полярного дня многие животные начинают вести здесь деятельную жизнь в течение большей части, если не круглых суток.

Пуночки — мелкие зерноядные птицы, что живут в каждом арктическом поселке, на каждой полярной станции, спят в середине летней ночи всего лишь один-два часа. Хотя, если быть более точным, арктическим пернатым свойствен так называемый диффузный сон. Они и в дневные часы, если позволяют условия, нет-нет да и задремлют на несколько минут. Кайры, как и другие обитатели птичьих базаров, вообще не отдают предпочтение какому-нибудь определенному времени суток. Круглосуточное солнечное освещение позволяет северным птицам использовать для добывания корма наиболее благоприятные

периоды суток. Многие кулики, чайки, гаги, добывающие корм в приливно-отливной полосе моря, наиболее деятельны во время отлива, а в прилив (безразлично, происходит дело днем или ночью) они отдыхают.

Многие животные, особенно птицы, имеют поэтому на Крайнем Севере большие преимущества. Они удлиняют на несколько часов свой «рабочий день» и нередко получают здесь возможность откладывать больше яиц, выкармливать больше птенцов. Например, в гнездах сокола-сапсана (о нем речь впереди) в тундрах чаще встречается по четыре яйца, в средней полосе Европы — обычно по три, а в Средней Азии — по два яйца. Скорее всего именно в связи с более продолжительным «рабочим днем» у родителей птенцы северных птиц часто растут и оставляют гнезда быстрее, чем в средних широтах (жалко, что «механизм» этого явления пока еще изучен слабо). У того же сокола-сапсана молодые в тундре вылетают из гнезд примерно на десять дней раньше, чем в лесной полосе. У белой трясогузки рост птенцов ускоряется на Севере на один-два суток, но даже и этот «выигрыш» дает здесь птицам большие преимущества.

Конечно, для животных, ведущих ночной образ жизни, круглосуточный день представляет большие неудобства. Скорее всего именно по этой причине на Крайнем Севере нет летучих мышей (хотя корма — комаров и других мелких насекомых — для них здесь достаточно), так малочисленны совы. В высоких широтах обитает лишь одна белая сова, но и она пытается вести летом в какой-то мере «ночной» образ жизни и не удлиняет, а вынуждена укорачивать свой «рабочий день».

Но все эти «выгоды» (к ним можно отнести и пониженное содержание в атмосфере Крайнего Севера углекислого газа) большинство живых организмов получают здесь летом. Тяготы зимы — продолжительная полярная ночь, очень плотный снежный покров; замерзание, а иногда и промерзание до дна водоемов — сводят для многих видов эти «выгоды» на нет. Поэтому-то столь медленно растут в Арктике кустарники и кустарнички: ствол толщиной в спичку подчас вырастает за десятилетие. Многие виды бабочек завершают цикл своего развития не за год, как это бывает в средних широтах, а за два и даже за три года. Медленно растут и созревают многие северные рыбы (ведь они деятельны всего три-четыре месяца в году!). А значит, биологическая продуктивность и суши, и вод на Крайнем Севере не так уж высока.

Из-за изменения условий обитания, количества и доступности кормов и меняется столь резко состав, весь облик арктической фауны по сезонам года. Поэтому-то большинство птиц и

значительная часть млекопитающих высоких широт принадлежат к числу мигрирующих видов, оставляют на зиму пределы Арктики.

Условия обитания живых организмов различны также в разных частях Арктики. Этим вызвано крайне неравномерное распределение видов и особей животных как на суше, так и в море. Жизнь здесь летом сосредоточена преимущественно в долинах рек и межгорных котловинах, где растительность наиболее пышна и разнообразна, где, следовательно, больше кормов для растительноядных животных, укрытий для гнезд птиц. Склоны речных долин весной первыми освобождаются от снега и зеленеют раньше, чем другие участки.

Крутые берега рек — подчас единственные в тундре возвышения, необходимые для гнездования хищных птиц — сокола и мехонозого канюка. По склонам речных долин на большую глубину протаивает почва, песцам здесь легче рыть норы, а кроме того, этих хищников привлекает сюда обилие грызунов и птиц. И наоборот, большие участки, занятые ледниками, каменные россыпи почти безжизненны. Очень мало животных обитает в сухих, лишь местами покрытых чахлой растительностью пятнистых тундрах. При определении, скажем, возможных биологических ресурсов и путей их использования эти площади вообще нельзя принимать во внимание.

В арктических морях также есть и пустыни, и свои оазисы, в которых жизнь бьет ключом. Особенно богаты органической жизнью те области морей, где происходит усиленное вертикальное перемешивание вод, где водная толща насыщается необходимыми для развития жизни минеральными солями, поднимаемыми с грунта, и кислородом, захватываемым с поверхности. В первую очередь здесь бурно развиваются непосредственные потребители минеральных солей и кислорода — мельчайшие растительные организмы; их объединяют под общим названием «фитопланктон». Обилие фитопланктона делает возможным массовое развитие мелких ракообразных и других животных, образующих зоопланктон, которым в свою очередь питаются рыба и морские звери. В этих же областях обычно скапливаются и морские птицы.

Резко меняется облик животного населения Арктики и от года к году. На суше эти изменения обусловлены главным образом климатическими причинами. Если лету предшествует относительно теплая зима, разливы рек невелики, не было гололедец, то обычны или даже многочисленны лемминги, а местами и другие мелкие грызуны. От их мельтешения, пока идешь по тундре, рябит в глазах. Ими кормятся здесь все хищные звери и

птицы. Но не только хищники. Не упустят случая поймать и проглотить лемминга гага и стерх и даже такой, казалось бы, вегетарианец, как северный олень. Поэтому в годы массового размножения грызунов усиленно размножаются и бывают многочисленны питающиеся ими белые совы, хищные чайки-поморники, мохноногие канюки. Больше того, в такие годы успешно размножаются гуси, куропатки, кулики и другие птицы: хорошо обеспеченные кормами хищники меньше обращают внимания на их яйца и птенцов.

Когда же климатические причины не благоприятствуют развитию грызунов, белые совы, поморники, канюки вообще не размножаются. Песцы переключаются на питание яйцами, птенцами, а при случае — и взрослыми птицами, чем сильно сокращают пернатое население. «Урожай» леммингов обычно случаются один раз в два — четыре года; с такой же периодичностью меняется и весь облик животного мира тундр. Точно так же благополучие многих морских животных в высоких широтах Арктики определяется подходом и обилием полярной трески — сайки. Этот подход зависит в основном от температуры воды в море. В те годы, когда сайка у берегов не появляется, — не размножаются морские птицы, в прибрежных водах становятся редки тюлени; тогда здесь нечего делать и белому медведю.

Даже не очень наблюдательный человек может заметить, что по мере продвижения к северу суша в высоких широтах становится все менее гостеприимной и бедной кормами, что жизнь все больше и больше тяготеет к водоемам. Уже на юге тундровой полосы количество кормов на суше становится ограниченным, в то время как многочисленные пресноводные водоемы и прибрежная полоса моря отличаются богатством жизни. Не случайно поэтому в местном птичьем населении преобладают водные или полуводные пернатые — чайки, утки, кулики. В высоких широтах Арктики в общем уже немногочисленные животные существуют в основном за счет моря. Например, пуночки, на юге Арктики вполне наземные птицы, на крайних северных участках суши прокормиться не могут и весной вынуждены вести «полуморской» образ жизни — собирают у польней и разводий под берегами выплеснутых на лед рачков. Северные олени и те на островах Арктики кормятся зимой «дарами моря» — водорослями, выброшенными на берег штормом.

Большие изменения произошли в животном мире высоких широт за последние пятьдесят — шестьдесят лет. Причиной было общее потепление Арктики. Оно оказало в общем благоприятное влияние на местный органический мир. За эти годы, как считают многие исследователи, к северу продвинулась кустарниковая

и древесная растительность. Лето здесь хотя и не намного, но удлинилось, и по этой причине богаче и пышнее стала растительность, увеличилось количество насекомых и в общем улучшились условия обитания многих зверей и птиц.

В связи с потеплением на Севере распространились животные, которых тут прежде не было. В тундрах все чаще видят лосей, а лисица за последние сорок — пятьдесят лет продвинулась к северу более чем на сто километров. Даже на далеких арктических островах появились и стали размножаться новые виды птиц, в том числе переселенцы из лесной полосы. Всего их вселилось в высокие широты не менее тридцати видов. Чаще всего «южане» проникали в тундру по речным долинам, где они встречали более благоприятные для себя климатические условия и где им было легче добывать корм. Лишь закрепившись здесь, новоселы распространялись и на водоразделы.

Однако «южане» при своем расселении нередко теснили и вынуждали отступать к северу местные виды животных. Например, там, где появлялись лисы, исчезали песцы: лисица, зверь более крупный и сильный, выживала песцов из их нор (места для их устройства здесь найти нелегко), а при случае просто загрызала своего арктического родственника.

Отступление «северян» и сокращение их численности было и прямо связано с климатическими изменениями. Особенно, конечно, это касалось видов, проводящих в высоких широтах зиму. Повышение температуры воздуха в зимние месяцы сопровождалось гололедицами, а это затрудняло добывание корма северным оленям, овцебыкам, куропаткам и нередко вызывало их массовую гибель.

Что же из всего этого следует?

Немногим более ста лет назад известный русский исследователь Севера А. Ф. Миддендорф писал: «Условия жизненных явлений в Сибири (т. е. на Крайнем Севере.— С. У.) гораздо проще, главные, друг друга обуславливающие климатические причины, от которых они зависят, проявляются там гораздо резче, тем, что самый недостаток в разнообразии животных форм способствует лучшему пониманию общих законов жизни». Лучше ответить на заданный вопрос, быть может, и нельзя.

До недавнего времени Крайний Север Евразии, как и Северной Америки, был слабо заселен и освоен человеком. Бытовало даже мнение о «никчемности» этих земель и вод, о том, что перспективы развития производительных сил здесь ничтожны. В плену гипноза оказался сам Карл Бэр, один из крупнейших русских естествоиспытателей прошлого столетия. Это он воскликнул, глядя на мрачные, пустынные скалы Новой Земли:

«Здесь положен предел исканиям человека, никогда не сможет он укрепиться на этих суровых скалах!» Местные жители — саамы, ненцы, чукчи, эскимосы, — хотя и поселились на Севере тысячелетия назад и жили за счет того, что давала им природа, лишь приспособлялись к ней, к ее капризам, не внося в нее больших изменений.

Однако в последние десятилетия взаимоотношения человека и природы на Крайнем Севере складываются иначе. В этих районах открыты и разрабатываются месторождения нефти и газа, каменного угля, руд, железа и цветных металлов. Особенно это относится к северу СССР, где в последнее время интенсивнее развивались и традиционные отрасли хозяйства — оленеводство, охотничий промысел, рыболовство. В Советском Заполярье выросли большие города с широкими проспектами, многоэтажными зданиями, и их электрическое зарево виднеется в тундре за десятки километров; на сотни и тысячи километров протянулись от них шоссейные и железные дороги.

Именно в последние десятилетия и стало очевидным, что северная природа очень хрупка, что «нормальная» для более южных районов нагрузка, такие же формы и размах человеческой деятельности вызывают в ней глубокие, часто нежелательные и необратимые изменения. При этом особенно пострадавшим оказывается органический мир — животные и растительность. Поэтому не случайно в те же десятилетия так усилилась тревога о судьбе белых медведей и розовых чаек, стерхов, моржей, водоплавающих и хищных птиц, даже о судьбе оленьих пастбищ и лесов на северном пределе их произрастания.

Как эхо, докатываются до Крайнего Севера последствия человеческой деятельности в других, более южных краях. Прежде всего потому, что там проводит зиму большинство здешних зверей и тем более птиц. В мире повсеместно растет число охотников, и это очень ощущают на себе тундровые утки и гуси во время своих миграций и зимовок. А такие пернатые, как кулики, вообще считаются дичью только за пределами их родины. Даже значительная часть песцовых шкурок, несмотря на то что сами песцы размножаются только в тундрах, добывается в лесотундре и лесной полосе.

Еще сильнее «северяне» ощущают косвенное воздействие человеческой деятельности. Изменение ландшафтов на местах зимовок арктических птиц — распашка земель, осушение болот или, наоборот, обводнение земель, — умеренное применение здесь химических средств борьбы с вредителями сельского и лесного хозяйства нередко ведут к резкому уменьшению численности или даже к полному исчезновению пернатых. Так

случилось, например, с эскимосским кроншнепом. Эти изящные кулики из канадских тундр — со своей родины — улетали зимовать в Южную Америку. По пути, особенно в Соединенных Штатах, их нещадно истребляли охотники. Жирные, отъевшиеся на ягодах кулики пользовались среди турманов славой «сдобных птичек». К тому же с каждым годом сокращались и площади целинных степей в Аргентине — их зимних местобитаний. Еще в середине прошлого столетия эту дичь привозили на американские рынки фургонами. В конце прошлого века они стали редкостью, а в 1932 году на Лабрадоре была убита последняя одиноко летевшая птица. (Много лет спустя опять видели одиночных эскимосских кроншнепов, но это уже не меняет сути дела.) Очень может быть, что по этим же причинам сто — сто пятьдесят лет назад в материковых тундрах Сибири исчезли громадные колонии белых гусей — птиц, проводивших зиму в прериях Дальнего Запада Северной Америки.

Одно из последствий «хозяйственной» деятельности человека — гибель птиц от нефти, мазута и других загрязнений морских вод. Например, в 1957 году вблизи шведского острова Готланд в Балтийском море погибло, попав всего лишь в одно нефтяное пятно (а сколько таких пятен плавают сейчас на поверхности морских вод!), более тридцати тысяч зимующих морянок. Не удивительно, что в последующие годы заметно уменьшилось число этих тундровых уток на их родине, в шведской Лапландии.

Еще больший урон человек наносит животным и растительности непосредственно на Крайнем Севере. И не только потому, что здесь тоже растет число охотников (а это обстоятельство, конечно, следует принимать во внимание). Необходимо учитывать невольный ущерб, который наносят местным животным люди, даже полные самых добрых чувств к «братьям меньшим», но незнакомые с их правами. Здесь особенно сильно проявляются вредные последствия так называемого «фактора беспокойства»: достаточно вспугнуть наседку, и гнездо пропало: ведь в тундре оно всегда на виду у хищников! Часто находятся любители сфотографировать вблизи лежбище моржей, вообще посмотреть на этих исполинов, потрогать их. А между тем не требуется больших усилий, чтобы вызвать панику на моржовом лежбище, и она нередко заканчивается тем, что животные давят друг друга, на месте залежки остаются десятки их трупов.

Человек двинул сюда могучую технику и использует ее, причем не учитывая особенностей местной природы. Ведь даже след проехавшего летом трактора или вездехода оставляет в тундре на десятилетия незаживающий шрам. Гусеницы сдирают

с грунта моховую дернину, в коленях быстро протаивает мерзлота, в них зарождаются и растут овраги. С этого начинается эрозия почв. А если тракторов много?

Хотя в этом не обязательно есть нужда, человек нередко сводит или изреживает северные леса. А ведь здесь, на северном пределе произрастания древесной растительности, эти леса не только украшают пейзаж, дают приют многим пернатым и четвероногим обитателям, но и смягчают климат. Срубить такое дерево — значит открыть доступ ветру и пурге. Пожары часто тоже плод человеческой деятельности. И они приносят тундре не меньший урон, чем лесу. Больше того, в отличие от леса сожженные здесь ягельники — важнейший компонент оленьих пастбищ — уже не восстанавливаются, и на их месте образуются скудные пятнистые тундры.

С развитием промышленности на Севере возникают неожиданные проблемы. Так, газо- и нефтепроводы иногда оказываются препятствием на пути мигрирующих стад северных оленей. Поэтому при их сооружении устраиваются специальные проходы для оленей, более тщательно изучаются пути миграций оленьих стад.

Вот несколько хрестоматийных примеров — порой полезно бывает вспомнить о них лишний раз! В штате Висконсин в США местное орнитологическое общество установило бронзовую мемориальную доску с надписью: «В память последнего висконсинского странствующего голубя, убитого в Бабконе в сентябре 1899 года. Этот вид вымер из-за алчности и легкомыслия человека».

И не только странствующий голубь. Меньше чем за триста последних лет в мире исчезло по крайней мере семьдесят пять видов одних только птиц. И это неповторимая утрата, поскольку любой вымерший вид исчезает навсегда, и никакими усилиями воскресить его нельзя. А между тем очень часто исследователи открывают в животных, казалось бы «бесплезных», нечто очень нужное и ценное для человека.

Особенно реальна опасность исчезновения тех видов, которые распространены на очень небольших площадях или представлены малым числом особей. Не случайно так сильно обеднели именно островные фауны: за короткое время, например, на острове Бонин вымерло не менее трети, а на островах Лайзсан и Мидуэй (все эти острова находятся в Тихом океане) — более половины местных птиц и млекопитающих. Гавайские острова потеряли около половины, остров Гваделупа (Малые Антильские острова) — около трети аборигенных видов пернатых. Да и дронг, нелетающий голубь, стоящий во главе траур-

ного списка утерянных человеком животных (он был окончательно истреблен в 1681 году, и с него началась документально засвидетельствованная хроника потерь. Именно в связи с ним родилась английская поговорка «Мертв, как дронг», то есть мертв действительно, по-настоящему), тоже был ограничен в своем распространении лишь несколькими островами в Индийском океане.

Фауна Севера тоже понесла утраты, и они особенно тяжелы, потому что здесь вообще обитает относительно немного видов животных.

На Таймырском полуострове, возможно, еще двести — триста лет назад были истреблены последние из евразийских овцебыков, но подробности этой печальной истории остаются неизвестными. Известна зато и поучительна судьба стеллеровой морской коровы и очкового баклана. Они были открыты в 1741 году на ранее необитаемом острове Беринга (Командорские острова) участниками русской Великой Северной экспедиции. Особенно замечательными животными были морские коровы.

Судя по сохранившимся описаниям и рисункам, по нескольким скелетам, что хранятся в зоологических музеях, длина тела морских коров достигала девяти-десяти метров, окружность тела — пяти метров, а вес — четырех тонн. Передние конечности их были коротки и недоразвиты, задних конечностей не было; туловище, как у китов, заканчивалось плоским, расположенным в горизонтальной плоскости хвостом. «До пупа это животное похоже на сухопутных, — писал Георг Стеллер, натуралист экспедиции, — а далее до хвоста — на рыбу». Во рту у них помещались роговые пластины, выполнявшие роль терок.

Морские коровы держались стадами, оседло, по тихим морским заливам, особенно часто у устьев рек, причем в середине стада помещались детеныши. Корм их составляли бурые водоросли («морская капуста», отчего матросы экспедиции окрестили самих животных «капустниками»), густые заросли которых и теперь окружают Командорские и Курильские острова, значительную часть Камчатки. Коровы были малоподвижны, очень доверчивы и вовсе не обращали внимания на людей. Мясо их оказалось вполне съедобным. «Когда приготовлено оно, хотя его и приходится долго варить, удивительно сочно и почти неотличимо от говядины», — свидетельствует Стеллер. Какими бы они могли стать ценными домашними животными!

Вскоре острова стали посещать промышленники, и уже к 1768 году — всего за двадцать семь лет! — морские коровы здесь (а они, по-видимому, были распространены только на Командорских островах) исчезли. Правда, в 60-х годах нашего века

появлялись сообщения о том, что у берегов Камчатки якобы встречали животных, напоминавших «капустников», но, к сожалению, эти слухи не подтвердились.

Очковые бакланы селились только на скалах острова Беринга. Это были большие птицы (они весили пять-шесть килограммов) в черном, отливавшем зеленью и золотом оперении. Крылья у них были невелики, и бакланы, по-видимому, летали плохо. Мясо их было съедобно, и, как пишет Стеллер, одного баклана «с избытком хватало на троих измученных голодом людей». Птицы лишь ненадолго пережили морских коров и исчезли в середине прошлого столетия. Не исключено, что кроме человека в этом повинно и какое-то массовое заболевание. Памятью о них служат теперь шесть чучел, два из которых хранятся в музеях СССР.

Не менее печальна судьба бескрылой гагарки и лабрадорской гаги.

Бескрылая гагарка исчезла с лица земли примерно в одно время с очковым бакланом, однако в отличие от него она была известна человечеству гораздо дольше. Эта очень крупная птица, достигавшая в высоту семидесяти — восьмидесяти сантиметров, не могла летать. Но зато ее крылья, короткие и узкие, похожие на ласты, помогали ей плавать и нырять в море быстро и маневренно. Внешне гагарка очень походила на пингвина (кстати, она так и называется по-латыни — *Pinguinus impennis*), а образом жизни напоминала кайра. Как и кайры, гагарки не строили гнезд, откладывали по одному крупному яйцу и насиживали его стоя, на голых карнизах скал.

Когда-то колонии бескрылых гагарок встречались на Фарерских островах, в Исландии, Гренландии, на побережье Лабрадора, а в очень далеком прошлом были распространены на севере Атлантики еще шире. Охота на птиц не представляла труда, и бескрылых гагарок помногу добывали как местные охотники, так и моряки, которые специально приходили к гнездовьям птиц, чтобы заготовить провиант. «Матросы загоняют их по доске в шлюпку сразу по сотне, будто господь сотворил это жалкое существо столь простодушным, дабы оно служило человеку превосходным подкреплением его сил» — так рассказывает об «охоте» на них один из очевидцев.

Последним прибежищем гагарок была Исландия, но случившаяся здесь в 1830 году вулканическое извержение приблизило их гибель. В 1844 году на острове Элдей, у побережья Исландии, была убита последняя пара бескрылых гагарок. Вот как пишет об этом событии американский зоолог Мак-Кланг: «Элдей, вулканическое нагромождение скал, встает из холодных зеленых

вод Северной Атлантики как грозная крепостная башня. Только его западный склон в одном месте довольно полого спускается к морю — и лишь там к нему может пристать лодка. Именно туда на заре 4 июня 1844 года пристал вельбот, и трое исландцев начали карабкаться вверх по вулканическому склону в поисках бескрылых гагарок. В Рейкьявике некий коллекционер обещал сто кроп за каждый доставленный ему экземпляр.

Вскоре охотники заметили впереди пару гагарок — птицы неуклюже прыгали с камня на камень, балансируя крыльями. Быстро догнав драгоценную добычу, люди пустили в ход дубинки. Один из них нашел яйцо, но оно было надтреснуто, и он разбил его о скалу...»

Теперь сохранились скорлупа нескольких яиц и около семидесяти чучел этих птиц, два из которых хранятся в коллекциях зоологических музеев СССР.

В 1975 году исполнилось сто лет со дня гибели последней на земном шаре лабрадорской гаги. К ее несчастью, она принадлежала к числу самых нарядных морских уток. Хотя в окраске оперения самца участвовали всего два цвета — черный и белый, сочетание их было необыкновенно изящно: на белой голове птицы красовалась узкая черная «шапочка», бархатисто-черный «галстук» кокетливо выделялся на белом фоне груди, на крыльях видны были белые «зеркальца». Поэтому, как пишет Мак-Кланг, «лабрадорские гаги были слишком соблазнительной мишенью, и никакой охотник не упускал случая подстрелить их. Хотя мясо этих гаг не было особенно вкусно, они постоянно появлялись на рынках Нью-Йорка и других восточных городов. Нередко они подолгу висели в лавках, пока не портились, и тогда их выбрасывали».

Об образе жизни, даже о распространении этих птиц мало что известно. Предполагают, что они гнездились на побережьях Лабрадора и, быть может, залива Святого Лаврентия, на зимовке же их встречали у большей части восточного побережья Соединенных Штатов и юга Канады. По-видимому, вплоть до середины прошлого столетия они не были особенно редки. Но, как уже говорилось, в 1875 году выстрел охотника прервал жизнь последней из птиц. Убита она была совсем рядом с Нью-Йорком. Шкурка этой гаги попала в коллекцию Смитсоновского института в Вашингтоне; всего же в зоологических музеях мира сохранилось сорок восемь экспонатов, изготовленных из шкурок лабрадорских гаг.

Немного цифр. С середины XVI до середины XIX века, то есть за четыреста лет, на земном шаре исчезло по крайней мере

сто тридцать видов диких млекопитающих и птиц. Иными словами, мировая фауна теряла тогда примерно по одному виду каждые три года. С середины XIX века до наших дней потери составили не менее ста видов (ежегодно исчезало по одному виду), причем только за последние пятьдесят лет вымерло не менее семидесяти видов (каждые восемь месяцев истреблялось по одному виду).

Большую группу животных сейчас красноречиво называют «ископаемыми завтрашнего дня». Это они признаны редкими и исчезающими, это их судьба вызывает особое беспокойство, и они включены в международную Красную книгу. Всего в 1971 году насчитывалось 292 вида таких млекопитающих, 341 вид и подвид птиц. В фауне Советского Союза к ним отнесены (числятся в государственной Красной книге) 126 видов и подвидов птиц и млекопитающих; среди них четырнадцать «северян» — животных, которые обитают только или преимущественно на Крайнем Севере.

Хотя в нашей стране все эти животные охраняются, положение их далеко не равноценно. Особенно большое внимание привлекает к себе категория исчезающих видов. Из «северян» это гренландский кит, атлантический морж, стерх. И численность, и область их распространения сократились уже до критического уровня. Чтобы сберечь их, необходимы неотложные и самые решительные меры: строгая охрана, а в тех случаях, когда это осуществимо, организация в местах обитания животных специальных заповедников и даже питомников для их разведения. Немногим лучше положение угнетенных или сокращающихся в числе видов, к которым относится, например, краснозобая казарка. Они встречаются в природе еще в достаточном для размножения и существования количестве, однако их численность и область размножения склонны уменьшаться. Это ближайшие кандидаты в исчезающие виды, они нуждаются не только в более действенной охране, но и в специальных мерах по восстановлению.

Более устойчиво положение редких видов. К ним относят животных, которые всегда и везде были немногочисленны, например кречета. Как правило, для их охраны пока не нужны какие-либо дополнительные меры, однако за ними необходим постоянный надзор. Сюда же относятся виды, распространенные в очень ограниченных областях, такие, как розовая чайка, кулик-лопатынь. И этих животных необходимо держать в поле зрения, а кроме того, особой заботы требует сохранение их местообитаний. Наконец, к категории редких относятся также виды, распространенные в СССР на небольшой территории,

хотя они обитают, и подчас в значительном числе, за пределами нашей страны. Из «северян» такова, например, белощекая казарка. Охрана этих видов должна осуществляться не только советским законодательством, но и международными соглашениями.

Зоологи называют даже количество особей вида или подвида, при котором вид еще может быть восстановлен. Таким рубежом считают две тысячи. Из «северян» рубеж «жизни или смерти», увы, перешагнули и атлантический морж, и гренландский кит, и стерх. Но это, конечно, не значит, что за них не следует больше бороться. Известно, например, что в 1945 году, когда началась работа по восстановлению зубров, их насчитывалось в СССР лишь шесть особей, а сейчас в нашей стране обитает больше пятисот зубров! Приступая в 1950 году к восстановлению численности гавайских казарок (нене), английские орнитологи располагали всего лишь тремя птицами, а в 1976 году общая их численность составляла 1170 особей!

Следовательно, пока еще не все потеряно. За спасение даже, казалось бы, безнадежно исчезающих «северян» бороться можно, нужно, необходимо!

Арктика невелика, и при определении ее хозяйственных возможностей это обстоятельство обязательно нужно учитывать, поскольку здесь тоже кроется причина особой уязвимости арктической природы.

Широко распространенный взгляд на Арктику как на страну бескрайних просторов на самом деле ошибочен. Еще со школьной скамьи мы привыкаем к географическим картам, составленным в проекциях Меркатора и ей подобных. На всех этих картах Арктика представляется нам искаженной и чрезвычайно увеличенной. Северный Ледовитый океан и окружающие его побережья мы как бы постоянно рассматриваем через лупу, в то время как на другие области планеты смотрим невооруженным глазом. В доказательство достаточно привести несколько цифр. Площадь всего Северного Ледовитого океана исчисляется в тридцать с небольшим миллионов квадратных километров и примерно равна площади Европы. А площадь всех островов советской Арктики — менее двухсот тысяч квадратных километров, или значительно меньше среднего по размеру европейского государства.

Однако, какую бы она ни занимала площадь, Арктика (вообще полярные страны) остается на Земле последним еще не исчерпанным земельным ресурсом. Население здесь растет и будет расти впредь. Но нельзя допустить, чтобы с увеличением

на Севере числа людей его природа нищала; техногенные, антропогенные пустыни на земном шаре теперь не редкость, но на Севере они пустынно и безрадостны, как нигде. И как раз органический мир, особенно — редкие и исчезающие виды животных, о которых пойдет речь дальше, могут служить хорошим показателем того, насколько правильно, разумно хозяйничает пришедший на Север человек. Будут они сохраняться, процветать — значит, хозяйство ведется правильно. Положение их пошатнулось — значит, дела идут плохо, необходимо срочно исправлять ошибки...

СЛЕДЫ ВЕДУТ В ТОРОСЫ

На нашей планете найдется не много видов животных, которые привлекали бы к себе такое большое внимание, как белый медведь. О нем пишутся многочисленные статьи и книги, ему посвящаются научные конференции и даже международные совещания, издаются специальные законы о его охране.

Замечателен уже сам факт, что этот крупнейший из современных наземных хищников (а вес его может достигать тонны) постоянно обитает в ледяной пустыне Арктики, что он сумел приспособиться к жизни в этих, казалось бы, невероятно тяжелых условиях, где климат так суров и так трудно добывать корм. Он мало осторожен и, конечно, достаточно заметен. Однако, если учесть все те препятствия, которые встречает здесь естествоиспытатель: дрейф льдов, хаотические нагромождения торосов, бесчисленные трещины и развodia между ледяными полями, морозы и метели, темноту полярной ночи,— станет ясно, что вести наблюдения за белым медведем трудно, а часто и невозможно. Поэтому он изучен недостаточно, но даже из

того, что мы знаем о нем, ясно, что это не только один из наиболее характерных, но и один из «совершеннейших» представителей арктической фауны.

Он состоит в близком родстве с медведем бурым и в самостоятельный вид выделился относительно недавно — в течение ледникового периода (при совместном содержании в неволе эти медведи могут скрещиваться между собой и приносить вполне жизнеспособное потомство). Однако как сильно он успел измениться!

Белый медведь приспособился к питанию практически лишь одним видом корма — тюленями: ведь ничего другого здесь и не найдешь. Его когти хорошо служат ему для удерживания крупной живой добычи: они относительно коротки, слабоизогнуты и покрыты невероятно прочными роговыми чехлами. Закономерно, что коренные зубы у белого медведя мельче, чем у бурого, но зато клыки выдают в нем хищника: они более крупные и мощные. Как у типично плотоядного животного, у него короче кишечник, и вообще пищеварительная система хуже, чем у его бурого собрата, приспособлена к перевариванию растительных кормов.

Арктика — это не только суша или лед, это еще и открытое море, и он в отличие от всех медведей земного шара вынужден вести полуводный образ жизни. Полярные летчики и моряки встречают белых медведей плывущими в удалении на десятки километров от ближайшей тверди.

Потребность в преодолении водных рубежей, конечно, не могла не отразиться на телосложении зверя. Узкое, обтекаемой формы туловище, узкая голова с высоко расположенными глазами, длинная подвижная шея, широкие лапы — «весла» — все это признаки хорошего пловца и ныряльщика. Не только взрослые животные, но и медвежата могут подолгу плыть со скоростью до пяти и даже шести километров в час. Ныряет он с открытыми глазами, но со сжатыми ноздрями и может пробыть под водой около двух минут, что для наземного зверя очень много. Кстати, и мех у него, как и у тюленей, бобра или выдры, равномерно густой на всем теле, а удельный вес туши близок к весу воды. Недавно было изучено строение его глаза. Установлено, что в отличие от чисто сухопутных животных белый медведь хорошо видит как в воздухе, так и под водой.

Конечно, особенно уверенно он чувствует себя во льдах — широкие лапы и прочные когти здесь тоже очень кстати. С необыкновенным мастерством звери преодолевают хаос торосов, карабкаются на отвесные скользкие стены ледяных гор, идя по гребням торосов, перепрыгивают с одной вершины на другую.

Они прекрасно разбираются в особенностях льда, безошибочно находят самые легкие и проходимые пути среди, казалось бы, непролазных нагромождений. Мне не раз приходилось забираться в торосы. То проваливаясь по пояс в снег, то карабкаясь на скользкие ледяные кручи, я с надеждой смотрел по сторонам и, если замечал след медведя, путь которого хотя бы частично совпадал с моим, всегда выходил на медвежью тропу. Дорога эта была самой легкой.

В зависимости от времени года, поверхности и величины ледяных полей медведи охотятся на тюленей по-разному.

В ровных, сплоченных льдах медведи с удивительным терпением часами подкарауливают тюленей у их лунок. На фоне заснеженной льдины лежащий мишка сам выглядит большим сугробом снега; как и сугроб, охотник неподвижен и молчалив. Свой предательски чернеющий нос, как утверждают многие очевидцы, он тщательно прикрывает лапами. Стоит тюленю хотя бы на мгновение показать голову, как медведь схватывает его лапой или одновременно и когтями, и зубами. Зимой тюлень прилагает немало усилий к тому, чтобы поддерживать лунку открытой, и тем не менее это отверстие во льду обмерзает; подчас сквозь него проходит на поверхность только кончик тюленьей морды. Впрочем, это обстоятельство мало смущает медведя. Захватив добычу, он с такой силой тянет ее из лунки, что ребра и тазовые кости поднятого на лед тюленя оказываются раздробленными. Это и не удивительно: зверь, например, в состоянии поднять на высокий и крутой берег тушу моржа или белухи весом более тонны.

Весной и в начале лета нерпы, наиболее многочисленные в Арктике тюлени, не прочь понежиться на солнцепеке, но ложатся они на ровных, гладких ледяных полях, часто поднимают головы и осматриваются. При малейшей опасности, мелькнув в воздухе задними лапами, тюлень скатывается в лунку и исчезает. В таких случаях медведь высматривает добычу с вершин торосов. К намеченной жертве он бесшумно подкрадывается, искусно прячась за каждым небольшим укрытием (иногда охота длится много часов подряд), и настигает ее одним-двумя могучими прыжками. К тюленю, лежащему среди разреженных льдов, медведь нередко подбирается с воды, подплывает, глубоко погрузившись, ныряя или даже, по рассказам полярников, толкая перед собой для маскировки небольшую льдинку.

Всю свою жизнь белый медведь кочует среди льдов в поисках корма и по протяженности миграций соперничает с птицами. Так же как и пернатые, он безошибочно ориентируется в пространстве. Однако каков механизм этой ориентации, осо-

бенно зимой, полярной ночью (птицы при перелетах определяются благодаря свойственному им «чувству времени» и способности учитывать положение солнца и звезд), остается загадкой. А поскольку эти кочевки происходят среди дрейфующих льдов, можно предполагать, что белый медведь обладает способностью даже к навигации, он может вносить в свой путь поправки в зависимости от направления и скорости дрейфа ледяных полей.

Нельзя не вспомнить здесь и о поразительной способности зверя точно определять, где располагается ближайший участок открытой воды. Полярные мореплаватели в тех случаях, когда их суда оказываются затертыми среди льдов, стремятся продолжить курс на «водяное небо» — к отблескам полыней на небосводе. Не исключено, что тем же ориентиром пользуется и белый медведь.

Белых медведей не страшат морозы, и они, за исключением беременных самок, не залегают на зиму в берлоги. Следовательно, у них весьма совершенная теплоизоляция, и достигается она сочетанием самых разнообразных приспособлений. Например, кожа у белого медведя немного толще, чем у бурого, и в ней могут накапливаться жировые клетки. У него более густой и длинный мех (особенно это относится к подпуши), а каждый волос белого медведя больше способствует сохранению тепла, чем волос бурого медведя, поскольку в нем толще сердцевинный слой, содержащий воздух (а он-то и «греет»). К зиме белый медведь накапливает толстый слой подкожного жира. Густым мехом у него покрыты и уши, и подошвы лап. Уши его — они намного меньше, чем у бурого медведя, — тоже показатель борьбы с холодом, один из путей сокращения теплоотдачи. Немалую роль играет здесь и поведение зверя: в холодную погоду спящий белый медведь сворачивается клубком, в жаркую — ложится на спину, брюхом вверх.

Белизна меха, наверное, облегчает медведю охоту на тюленей; считалось также, что она способствует уменьшению теплоотдачи, однако здесь еще далеко не все ясно.

Дело в том, что ни в одном другом районе земного шара, кроме Арктики, не распространено так широко прилагательное «белый» (или «черный») в сочетании с названиями птиц и млекопитающих. Белая сова, белая чайка, белый гусь, белая и тундряная куропатки, песец и некоторые другие обитатели высоких широт, как и белый медведь, имеют круглый год или большую часть года белую дико почти белую окраску оперения или меха. Следовательно, «полярное побеление» теплокровных животных (или «почернение», как у некоторых гусей — казарок, чистиков) представляет собой общую закономерность. Но в

чем же его биологический смысл? Например, белой сове цвет одеяния летом скорее в тягость, чем на пользу. За километр и дальше выделяется она на фоне бесснежной тундры. Демаскирующая окраска, надо полагать, затрудняет сове добычу леммингов — ее основного корма, требует от птицы дополнительных усилий, упорства и настойчивости в подкарауливании у нор осторожных зверьков. Трудно себе представить большее несоответствие общей гамме цветов летней тундры белого гуся или самца белой куропатки. Впрочем, в последнем случае польза демаскирующей окраски ясна. Самец куропатки словно нарочно привлекает к себе внимание хищников, он как бы жертвует своей жизнью ради сидящей на гнезде самки, ради продолжения куропаточьего рода.

До сих пор довольно распространенное мнение о том, что светлоокрашенные животные, в том числе и белый медведь, излучают меньше тепла и не так быстро остывают, не подтверждается специально поставленными опытами. Лишь не так давно было установлено, что белая (либо преимущественно черная) окраска в какой-то мере обязательна для арктических птиц и млекопитающих: она отражает высокую интенсивность протекających в организме окислительных процессов и вообще обмена веществ, служит суммарным выражением приспособленности этих животных к жизни в высоких широтах.

Тюлени распределены в Арктике очень неравномерно; не всегда они и доступны медведю, поэтому дни удачных охот нередко чередуются с неделями голодовок, и к ним медведь тоже неплохо приспособлен. Поражает объем его желудка: он может вместить колоссальное количество корма — пятьдесят и даже семьдесят килограммов жира и мяса. Очевидно, большую роль играет здесь способность белого медведя очень быстро накапливать запасы жира, а затем медленно и экономно их расходовать. Сам жир белого медведя тоже необычен: ему свойственна очень высокая химическая активность, и он, следовательно, легко вовлекается в обменные процессы. Удивительна его печень: витамина А, который способствует усвоению организмом питательных веществ, в ней содержится в десять, а то и в сто раз больше, чем в печени трески или акулы.

Ну а когда все эти ресурсы исчерпаны, а добыть корм так и не удастся? Тогда у белого медведя в запасе еще одна удивительная возможность. Он может залечь в спячку независимо от времени года. Эта особенность его биологии недавно была выявлена канадскими зоологами. На побережье Гудзонова залива голодные звери, оказавшиеся на суше после летнего таяния льдов, залегают в ямы, вырытые среди песчаных обрывов или

на прибрежных косах. Спят они чутко, гул пролетающего самолета заставляет их покидать убежища. Несколько таких медведей осенью были пойманы. Шерсть на подошве их лап сильно отросла, значит, они провели в «летней спячке» много времени.

Так необычен этот зверь. Поэтому-то исследователи считают его хорошей «биологической моделью», и изучение белого медведя помогает им вскрывать общие биологические закономерности.

Что еще известно о белом медведе?

Звери обитают только в Арктике и в своем распространении почти не выходят к югу, за пределы плавучих льдов и узкой полосы арктических побережий. Достигают они даже северного полюса; в ближайших его окрестностях, по наблюдениям полярников с дрейфующих исследовательских станций, появляются не только взрослые медведи — как самцы, так и самки, но и медведицы с медвежатами.

Наиболее многочисленны они в тех районах Арктики, где чаще бывают участки открытой воды: здесь скорее можно встретить и легче добыть тюленя. По этой причине звери тяготеют либо к южной кромке дрейфующих льдов, либо к полыньям, круглый год существующим в высоких широтах Северного Ледовитого океана.

Основная масса льдов, среди которых проходит жизнь медведей, находится в почти постоянном движении, и скорость их дрейфа достигает иногда десяти — пятнадцати километров в сутки. Льды дрейфуют главным образом в направлении по часовой стрелке и выносятся из Северного Ледовитого океана в Гренландское море. С той же скоростью и в том же направлении льды переносят белых медведей, хотя, конечно, звери кочуют и самостоятельно, разыскивая корм и задерживаясь там, где он более доступен.

Летом в Арктике, когда льды становятся разреженными, равномернее распределяются и медведи. К зиме большинство зверей вновь собирается к открытой воде. Странствуя, они не так уж редко оказываются на суше, а в том случае, если льды от берегов отходят, звери надолго задерживаются на островах или материке, питаются отбросами, которые им удается собрать у подножий птичьих базаров, леммингами, даже веточками и корешками карликовых ив.

Поскольку размеры Арктики относительно малы, невелика и область обитания на земном шаре белого медведя. Собственно же родина зверей и вовсе мала. Это отдельные островки — гористые, слабо освоенные человеком и расположенные на путях

обычных медвежьих миграций. На них осенью собираются медведицы. Здесь они залегают в берлоги, рожают медвежат, а весной пускаются с ними в привычное путешествие. Одиночные берлоги можно встретить во многих частях арктической суши и даже, как было недавно установлено, иногда на дрейфующем льду. Но некоторые острова оказываются особенно удобными для залегания зверей, и сюда, словно в «родильные дома», каждый год приходит большое количество медведиц. Эти места, где родилось подавляющее большинство белых медведей, в зарубежной Арктике находятся на востоке Шпицбергена, на северо-востоке и западе Гренландии, на восточных островах Канадского арктического архипелага. В СССР это главным образом Земля Франца-Иосифа и особенно остров Врангеля.

Медвежьи горы на острове Врангеля внешне ничем не примечательны. Скорее это щебнистые увалы. Летом с самолета или вообще с большого расстояния на фоне желтовато-зеленоватой равнинной тундры они выглядят невысокими серыми холмами. Зимой, сглаженные снежными наносами, горы становятся еще более приземистыми и неприметными. На многих картах и в обиходе местных охотников они значатся также как горы Дремхед. Название это английское * и в переводе означает нечто вроде «вершины мечты» (от dream — «мечта», «грезы» и head — «голова», «головной»). Не знаю, каков был истинный смысл, вложенный в это поэтическое название при «крещении» гор, но меня они действительно манили долгие годы.

Еще из разговоров с пионерами освоения острова — Г. А. Ушаковым и А. И. Минеевым можно было заключить, что именно здесь находится самое главное «отделение» медвежьего «родильного дома». Об обилии берлог на склонах Дремхеда мне позже рассказывали многие островитяне. Потом я все-таки попал сюда, и именно весной, когда это было нужно, но нам (моим спутником был местный охотник) не повезло с погодой. И хотя мы провели тогда в горах около суток, из-за начавшейся пурги обследованию их я смог уделить всего лишь несколько часов.

И вот спустя еще несколько лет у меня наконец появилась возможность подробно познакомиться с этой удивительной частью острова Врангеля. В конце марта трактор прибуксировал сюда довольно вместительный балок с железной печкой, запасом угля, продуктов, необходимым снаряжением и сразу

* Английские названия на карте острова многочисленны; они были даны американскими мореплавателями еще в прошлом столетии.

же ушел в поселок. До прибытия остальных участников экспедиции мы остались в балке вдвоем с Александром Александровичем Кищинским, тоже зоологом.

Утро следующего дня, тихое и ясное, застало нас в маршруте. И в этом году горы вполне оправдывали название Медвежьих. Уже в ближайших окрестностях балка нам встретилась, относительно недалеке одна от другой, три берлоги — две полузанесенные снегом и, следовательно, пустые, покинутые семьями, и одна жилая. Ее хозяйка глухо рявкнула, показав на миг свою голову, и тут же скрылась. Ненадолго останавливаемся около каждой берлоги, чтобы описать ее и нанести на карту. Рядом втыкаем в снег проволочный штырь с небольшим красным флажком на конце. В дальнейшем нам предстоит облететь остров Врангеля на самолете и провести учет берлог с воздуха; флажки будут служить ориентирами, помогут решить, насколько точными окажутся авиаучеты и вообще оправдывают ли они себя.

О том, что эта часть острова особенно приглянулась медведям, свидетельствует и обилие их следов. Цепочки отпечатков овальных ступней тянутся вдоль нашего пути, пересекают его во всех направлениях. Следы принадлежат и одиночным животным, и семьям; местами они сливаются в настоящие медвежьи тропы. Среди них есть совсем свежие, вчерашние или даже сегодняшние. Есть и старые, оставленные неделю назад и еще раньше. Кстати, следы — зверя, человека или машины — «старятся» в Арктике совсем иначе, чем, скажем, в лесу. Там, где только что прошел медведь (если, конечно, это не рыхлый снег, выпавший в тихую и теплую погоду), можно заметить лишь слабые отпечатки когтей. Однако снежный покров в тех местах, где ступают медвежьи лапы, уплотняется, и в пургу следы разрушаются медленнее, чем остальной снежный покров. После каждой выюги след проявляется все сильнее, поднимается на высоту до десяти сантиметров и более и постепенно принимает форму гриба. Но «гриб» уже недолговечен. Следующая же пурга перепахивает его ножку, и след исчезает окончательно...

Солнце клонилось к закату, когда на одном из склонов был обнаружен целый медвежий «городок». Он состоял из четырех вскрытых и пока еще жилых берлог, расстояние между которыми не превышало двадцати — двадцати пяти метров (как выяснилось позже, на этом же пятачке зимовали еще две самки с детенышами, а в следующем году мы нашли на этом склоне две берлоги, разделенные снежной перемычкой лишь в полметра толщиной). Хозяек трех убежищ увидеть так и не пришлось, но с четвертой мы познакомились довольно близко.

Мы были еще метрах в двухстах от берлоги, когда медведица показала из узкого лаза и, вытягивая свою и без того длинную шею, стала присматриваться к пришельцам. Три черные точки среди ярко-желтого меха — глаза и нос — то опускались, то поднимались. На поверхность снега ложилась, повторяя медленные движения животного, густая тень, в косых закатных лучах особенно отчетливо выделялись полосы больших и малых заструг, вход в берлогу, разбросанные вокруг него снежные обломки. Складывались почти идеальные условия для фотосъемки, и, приготовив аппараты, мы не спеша направились к берлоге. Карабин, который висел теперь на груди у Саши, он предусмотрительно перевел на боевой взвод.

До берлоги метров пятьдесят. Медведица втягивает голову в убежище, но продолжает изучать нас, пока еще спокойно и вроде даже миролюбиво. Теперь выясняется, что это жилище имеет два входа, устроенные один над другим примерно на расстоянии метра. В нижнем виднеется обращенная к нам физиономия матери. Через верхнее, отпихивая друг друга, попеременно выглядывают любопытствующие медвежата.

В аппаратах уже по несколько кадров — и с медведицей, и со всей семьей. Но хочется снять их крупнее, и мы продолжаем приближаться. До берлоги остается метров двадцать, затем пятнадцать, наконец — десять. Здесь терпение медведицы иссякает. Она показывает лобастую голову, опять прячется, снова высовывает голову и шею и неожиданно, обломив тонкий снежный свод, прыжком выскакивает наружу.

Я шел первым и теперь останавливаюсь. Зная, что рядом Саша и с ним карабин, стою спокойно, рассматривая зверя. Медведица явно «берет нас на испуг». Из вытянутых дудочкой губ слышится ее сердитое шипение. Вздвигив на загривке шерсть, она пытается показать себя большей, чем есть на самом деле; видимо, с этой же целью она подпрыгивает на одном месте раз, другой. Опять шипит и, пятясь задом, уходит в берлогу. Оборачиваюсь к Саше и вижу, что карабин мирно покоится на его груди, а сам «оруженосец» замерзшими пальцами тщетно пытается переварядить кассету в аппарате.

Так же как и медведица, пятясь, отходим от берлоги, оставив семейство в покое. Поскольку хозяйка следующего жилища может оказаться не столь миролюбивой, карабин перемещается на мое плечо. Впрочем, уже наступают сумерки, и мы поворачиваем обратно к балку.

Уже первый маршрут по Медвежьим горам показал, что снега этой зимой очень мало. Берлоги поэтому неглубоки, и, чтобы вскрывать их, самкам не приходится прокапывать длинные ко-

ридоры. Звери иногда просто проламывают свод и сразу оказываются «на улице». По этой же причине снежные выбросы у входов в берлоги невелики и убежища зверей заметны плохо. Подчас их удается обнаружить, только подойдя к ним вплотную. Было ясно, что ходить по склонам в одиночку сейчас нельзя: велик риск наступить на тонкий снежный потолок и оказаться непрошеным гостем хозяйки жилища. Зато малоснежье помогло объяснить различия в поведении животных, в реакции их на приближение человека. Стало очевидно, что затаиваются в убежищах (так поступает подавляющее большинство медведиц), считая их достаточно безопасными, звери, скрытые более или менее толстыми снежными наносами. Некоторые самки, как и наша знакомая, в этом году не смогли устроить глубоких берлог и, не полагаясь на прочность своего жилища, предпочитали оборонять его активно.

Следующий день вновь начинался хорошей погодой. Мы опять рано вышли из балка, чтобы продолжить обследование своих угодий, но дальше медвежьего «горodka» пройти не смогли. Ветер задувал все сильнее, с гребней заструг побежали струйки поземки. Приближалась пурга, и нужно было поворачивать к дому. Удалось побывать лишь у вчерашней берлоги. Теперь она превратилась в пещеру, и внутренность ее хорошо просматривалась. Даже издали было видно, что мать лежит на боку. Передняя лапа ее слегка шевелилась — где-то под ней, на груди у медведицы, копошились медвежата. Подпустив нас метров на десять, она приподняла голову, но с места не стронулась. По-видимому, берлога уже не давала укрытия от холода и ветра, и мать не могла оставить детенышей, чтобы спугнуть визитеров.

Как следует познакомиться с устройством зимних убежищ самок мне пришлось тоже на острове Врангеля. Вместе с зоологом Феликсом Борисовичем Чернявским ранней весной 1964 года мы объехали остров на собаках и вездеходе, измерили и описали несколько десятков берлог, подсчитали их общее количество.

Запомнился один из дней в этой экспедиции, проведенный у горы Китовой — невысокого вытянутого кряжа, до вершины заметенного снегом. На подходе к горе еще издали заметили вскрытую берлогу, затем еще одну. К первой карабкаемся вдвоем с Феликсом. Склон крутой, до берлоги метров пятьдесят. Подняться к ней можно только по ступенькам. С собой мы взяли топор и лопату, но от лопаты толку мало. Даже топор, со звоном ударяясь о надув, с трудом врывается в него, высекая

брызги снежной пыли. Наша лестница медленно растет, обходит сбоку медвежье убежище — и вот оно рядом. На полу в коридоре скопился свежий снег. Значит, берлога пуста, семья уже покинула ее.

На всякий случай по очереди бросаем внутрь куски снега, прислушиваемся. Тихо. Лаз узкий, сантиметров восемьдесят в диаметре. Медведица проходила в него свободно, но человек, тем более в кухлянке, протискивается с трудом. Первым заползает в берлогу Феликс, он меньше меня. Словно уже из недр самой горы раздается его приглушенный крик: «Еще есть место, заходи». «Захожу», конечно, тоже ползком. Прямой, наклонный кверху коридор длиной метра два, ступенька вниз — и вот сама берлога. Хотя уже вечереет, здесь всего лишь полумрак. Видно, что помещение просторное, яйцеобразной формы. Вдвоем мы свободно сидим, при желании можем и лежать. Нельзя только встать в полный рост (высота камеры оказалась равной 160 сантиметрам). На голубоватом своде тускло поблескивают кристаллики снежных зерен, в обледенелые стены и потолок вмерзли упругие белые волосы. Пол темнее — затоптан лапами жильцов. Измерив сантиметровую лентой берлогу и выкурив по сигарете, с неохотой выбираемся наружу — настолько здесь уютно, тихо и чисто.

Как правило, свои зимние убежища медведицы устраивают вблизи морских побережий (тоже доказательство того, что белый медведь все-таки не сухопутный зверь). Чаще всего берлогу можно встретить на крутом склоне горы, поскольку именно здесь накапливается достаточно глубокий слой снега. Вообще возможность и успех зимовки самок зависят от состояния снежного покрова. Мощностью его определяется высота расположения берлоги над подножием склона. Большинство медведиц, во всяком случае на острове Врангеля, устраивают убежища в верхней трети склонов. Непосредственно у оснований их берлоги бывают редко: снег здесь слишком глубокий, и звери словно понимают, что выбраться весной из-под него будет нелегко. Поскольку накопление снега зависит от направления и силы ветра, в разных местах и в разные годы медведицы занимают склоны, разные по экспозиции.

Найти пригодное для устройства берлоги место в пределах «родильного дома», по-видимому, не так-то просто. Поэтому удобные заснеженные склоны и их участки ежегодно заселяются на острове Врангеля примерно с одинаковой плотностью, хотя приходят сюда каждую зиму разные медведицы (ведь размножаются самки не чаще, чем раз в три года). Нехваткой

удобных для залегания в берлоги мест можно объяснить также необычайно высокую плотность медвежьих поселений на острове.

Как строит в природе самка свое убежище, никто не видел. Вероятно, если ей удастся найти лишь пятно нестаявшего за лето прошлогоднего снега, а молодые снежные наносы еще тонки, она ложится в неглубокую яму. Заботы по строительству берлоги при этом предоставляются ветру и снегу — первые же пурги заметают медведицу, образуют вокруг нее и стены, и потолок. Но если она находит осенью достаточно глубокие снежники, то, очевидно, закапывается в них полностью.

Устроены берлоги, как правило, однотипно и просто. В подавляющем большинстве случаев это овальные камеры длиной и шириной около полутора метров и высотой около метра, образовавшиеся в результате обтаивания снега, прессования его спиной и боками и окончательной отделки помещения лапами. Гораздо реже берлоги имеют разной глубины ниши, туннели или состоят из нескольких камер. Толщина снежного потолка чаще бывает около метра, но может составлять и десять — двадцать сантиметров, и два-три метра. В потолке берлоги иногда встречаются узкие вентиляционные отверстия; такое отверстие, хотя оно и затянато толстым слоем инея, позволяет обнаружить весной еще не «распечатанную» самкой берлогу.

Откапывается самка таким образом, что зимовальное помещение оказывается значительно выше по склону, чем вход в берлогу. По этой причине даже во вскрытой берлоге бывает гораздо теплее, чем на «улице» (кстати, тот же принцип положен в устройство эскимосского иглу; не у медведей ли подсмотрел этот секрет древний человек?). По наблюдениям моих товарищей, при колебаниях наружной температуры воздуха от четырнадцати до двадцати восьми градусов мороза по Цельсию в одной берлоге температура изменялась от минус шести до плюс двух, в другой — от нуля до плюс семи градусов. Замечено, что в зоопарках медведицы удивительно точно предчувствуют наступление холодов и, готовясь к ним, заблаговременно затыкают вход в убежище соломой. По всей вероятности, самки регулируют температуру также и внутри естественных берлог: при необходимости затыкают вентиляционное отверстие изнутри снегом или расширяют его.

В декабре — январе в берлогах появляются медвежата, покрытые редкой белесой шерсткой, беспомощные, слепые и глухие, размером не крупнее новорожденных котят. По сравнению с медведицей величина малышей, конечно, ничтожна. Но ведь всю зиму мать не питается, живет за счет накопленных в своем

организме запасов, и прокормить более крупное потомство ей вряд ли удалось бы.

До тех пор пока они живут в берлоге, единственный корм малышам составляет материнское молоко, похожее на сливки, густое и очень богатое жиром. Когда семья покидает зимнее жилище и медведица начинает охотиться, медвежата познают вкус тюленьего жира и мяса, хотя мать продолжает кормить их молоком около полутора лет. Медведицы, как правило, приносят двух, очень редко трех детенышей; молодые самки чаще рожают по одному медвежонку.

В марте — апреле, когда Арктика достигает первое, еще робкое дыхание весны, малыши становятся настолько самостоятельными, что мать решается вскрыть берлогу, прокопать из нее лаз и вывести потомство наружу. В течение нескольких дней, прежде чем переселиться на лед, семья еще пользуется зимним убежищем, предпринимая днем недалекие прогулки и уходя на ночь обратно в логово.

Однажды, тоже весной 1964 года, мне пришлось быть очевидцем интересного зрелища. Передо мной на освещенном солнцем склоне большим округлым пятном чернела вскрытая берлога. Хорошо выделялась на гладкой поверхности надува куча снежных комьев перед входом в убежище, виделось несколько ямок или пещер, явно выкопанных живыми существами. Я остановился и тотчас увидел у подножия склона медведицу с двумя медвежатами. Мать, топчась на одном месте, что-то разыскивала под снегом, временами погружая в яму всю голову и даже шею. Как потом выяснилось, ее привлекали здесь, за неимением лучшего, чахлые стволы ползучих ив. Малыши, хотя и небольшого роста, но уже бойкие и юркие, то совались к матери в яму, то затевали игру «в салочки» или один за другим карабкались вверх по крутому склону, а затем с увлечением скатывались вниз на животах. Меня, возможно, ожидали здесь и еще более интересные наблюдения, но их прервал зафырчавший вдали мотор вездехода. Едва послышался шум, как медведица насторожилась, осмотрелась, а затем махами бросилась к берлоге. Ее обогнали и первыми исчезли в убежище медвежата. Мать напоследок еще раз оглянулась и тоже будто провалилась под снег, удивительно шустро и ловко втиснув свое большое тело в узкий лаз.

Медвежья семья сохраняется долго — около двух лет. Медведицы с медвежатами-подростками разного возраста бродят обычно среди льдов, вдали от суши. Но однажды они встретились мне у самого острова. Дело было в середине лета. Вначале я заметил на припае медведя, потом еще двух. Это была семья:

медведица и медвежата, родившиеся прошедшей зимой. Недавние малыши уже сильно подросли, достигли почти половин роста матери и в первый момент показались взрослыми зверями. Впрочем, сомнения тут же рассеялись: мать ненадолго присела, и детеныши приникли к ее груди. Слабый ветер тянул в мою сторону, и звери меня не замечали.

Мех мишек был грязный, бурый. Когда они оказывались против солнца, то выглядели и вовсе темными, почти черными. Звери высматривали нерп. Охотилась, собственно, одна медведица. Она то привставала на задних ногах, то забиралась на торосы. Молодые шли сзади, точно повторяя ее действия. Однако на торосы они карабкались лишь после того, как мать осматривалась. Похоже даже, что они ждали внизу ее разрешения.

Сон у нерп и впрямь очень чуток. Там, где недавно прошли медведи, не видно ни одного тюленя. Семейство перешло на новое ледяное поле, и оно также моментально опустело. Но охота все-таки началась. Мать скрылась за торосом, затем стало видно, что она крадется, проползая от укрытия к укрытию. Где-то залегли и исчезли медвежата. Медведица все удалялась от берега. Бурое пятно на льду то показывалось, то скрывалось. Наконец несколько заключительных прыжков — и... неудача: нерпа успела скатиться в лунку. Медведица осталась стоять на месте, затем пошла, уже без маскировки; рядом показались медвежата. Семья направилась в сильноторошенные льды, и я потерял ее из виду.

Даже начавшие самостоятельную жизнь молодые еще далеко не достигают своей полной величины и веса. Не очень-то они пока умудрены и в своих житейских делах. Самки продолжают расти до четырех-пяти лет, самцы же растут практически всю жизнь. Поэтому все молодые медведи примерно одинаковых размеров; взрослые же и старые самцы оказываются чуть ли не вдвое крупнее самок. Поздно они и созревают: медведицы впервые приступают к размножению, по-видимому, не раньше чем в четырехлетнем возрасте, самцы же — еще на год позже. Поголовье зверей, следовательно, увеличивается медленно, и поддержание в нем равновесия в значительной мере обусловлено их долголетием. По-видимому, еще до двадцати — двадцати пяти лет они могут приносить потомство, а отдельные особи доживают и до более почтенного возраста, возможно, до тридцати и даже сорока лет — во всяком случае такого возраста они достигают в зоопарках. Живется старикам, конечно, не сладко, и в конце концов их ждет гибель от голода и истощения; они уже плохо видят и слышат, становятся малоподвижными, зубы их почти совсем стачиваются.

Арктической весной у медведей наступает брачный сезон. Длится он недели две, иногда месяц. В продолжение его самец и самка ходят вместе и даже обнаруживают друг к другу что-то похожее на привязанность. Несколько раз мне пришлось наблюдать такие супружеские пары, иногда даже совсем вблизи. Впереди неизменно шла самка: об этом можно было судить по относительно небольшим размерам животного, более стройному телосложению и даже «женственной» походке. «Кавалер» шел позади, но не отступал от «дамы» дальше чем на два-три шага. В одном случае можно было рассмотреть, что обращался «кавалер» с «дамой» строго: ухо медведицы было надорвано и висело, на щеке виднелась кровь. Чаще же, наоборот, звери относятся друг к другу с нежностью, и самец, ласкаясь, на ходу трется о бок подруги.

Как рассказывают очевидцы, самцы в это время жестоко дерутся между собой: наглядное доказательство потасовок, происходящих между соперниками, — многочисленные рубцы и шрамы на их шкурах. Остальную часть года звери держатся семьями (медведицы с медвежатами) или поодиночке (самцы и холостые самки), обычно не проявляя к своим братьям заметного интереса. Иногда вблизи больших запасов корма, например у туши выброшенного морем кита, собирается по несколько медведей. Сохраняя полное равнодушие к соседям, точнее, нечто вроде «вооруженного нейтралитета», они отъедаются и отсыплются здесь, а когда пищи не остается, расходятся в разные стороны.

Жизнь белого медведя по существу очень проста и однообразна. Покончив с одним тюленем и отоспавшись здесь же, на месте успешной охоты, мишка бредет в поисках следующей добычи. Иногда удача ему сопутствует, зверя подолгу не оставляет приятное чувство сытой тяжести, и он, «шикуя», лакомится только тюленьим жиром, оставляя прочие части туши своим «нахлебникам» — песцам, белым чайкам и воронам. Однако обычно медведь живет впроголодь, а нередко и голодает. Туго приходится в таких случаях и ему самому, и его компаньонам.

По натуре он «нелюдим», поэтому вряд ли рад и обществу своих спутников — песцов, чаек, воронов. Однако избавиться от них не в его силах. Особенно часто медведя сопровождают песец и белая чайка.

Множество песцов осенью уходит на морской лед. Некоторые находят корм у полыней и разводий; это выброшенные штормами на лед рыба, рачки, да и мало ли какие дары моря удастся здесь подобрать. Но многие из них становятся спутни-

ками белых медведей, довольствуются скудными остатками их пищи и вместе с «кормильцами» забредают далеко в глубь Центральной Арктики, вплоть до ближайших окрестностей Северного полюса. По всей вероятности, песцы пересекают при этом даже Северный Ледовитый океан и достигают побережий противоположного материка. Во всяком случае иначе нельзя объяснить то обстоятельство, что на Аляске был добыт песец, незадолго до этого помеченный (особой металлической биркой) на севере Сибири. Обычно медведя сопровождает не больше двух-трех песцов: «первооткрыватели», очевидно, считают эту «кормушку» своей собственностью и отгоняют от нее позднее появляющихся соплеменников.

Белые чайки (оперение их и в самом деле белоснежно) вообще проводят всю жизнь в высоких широтах Арктики, и подавляющее большинство их существует зимой за счет белых медведей. Например, ранней весной на Земле Франца-Иосифа мне довелось увидеть, как каждого медведя сопровождала своя компания белых чаек, состоящая обычно из четырех-пяти птиц. Прилет их обычно предшествовал приходу зверя или прямо совпадал с ним. Несмотря на то что у нашего балка, который стоял у самого края полыньи, всегда можно было найти корм, чайки, очевидно, не рисковали расставаться со «своим» медведем и с его уходом сразу же исчезали.

Ворон иногда сопутствует белому медведю вблизи суши — далеко во льды он не залетает.

Эти интересные сообщества, существующие в Арктике только в зимнее время, остаются неизученными, неясны и взаимоотношения между отдельными их сочленами. Можно лишь предположить, что первыми захватывают остатки медвежьей добычи песцы. На долю чаек остается не так уж много, иногда только капли тюленьей крови на снегу. Сами же спутники вряд ли мешают медведю охотиться. В то же время они могут оказать своему «кормильцу» немалую услугу, выступая в качестве «наводчиков» — разыскивая запасы корма (например, туши мертвых тюленей) и оповещая об этом зверя.

В природе у белого медведя нет врагов. Силой с ним, пожалуй, мог бы помериться только морж. Но этот арктический исполин миролюбив. Словно уважая достойного противника, встречаясь с моржами на льдинах или на берегу, медведи, как правило, не отваживаются нападать на них и тем самым не подвергают риску быть изувеченными моржовыми бивнями. Очень редко вышедшие на сушу медведи становятся жертвой волчьих стай.

Медвежата, особенно весной, чаще всего гибнут от... самих же медведей, возможно, даже своих отцов. Некоторые самцы в это голодное и трудное для зверей время года специально выслеживают медведиц с медвежатами, нападают на малышей и, несмотря на то, что мать яростно защищает потомство, пожирают их. Не исключено, что более крупные, сильные медведи иногда поедают и взрослых, но меньших по размерам и слабых собратьев.

Возможно, медведи, особенно самцы, иногда гибнут от ран, нанесенных им соперниками в брачный сезон или медведицами, защищающими медвежат. Нередко у добытых зверей обнаруживаются трещины и переломы ребер, костей конечностей или черепа. Скорее всего эти повреждения они получают во время подвижек и торошения льдов. Сильно ударив мишку, льдина может даже убить его. Какие-либо заболевания, свойственные только белому медведю, неизвестны. Звери страдают воспалением суставов и при ходьбе в таком случае заметно хромают. Очень старые животные с гнилыми и разрушенными зубами, несомненно, знакомы с зубной болью.

Белые медведи, как и тюлени, песцы, ездовые собаки, болеют трихинеллезом. Это заболевание вызывается паразитами, живущими в мышцах животных, а также человека. Существует предположение, что в Арктике оно появилось или во всяком случае получило широкое распространение недавно и, быть может, было завезено сюда с домашними свиньями. В отдельных районах трихинеллезом поражена сейчас почти половина белых медведей; как и домашние животные, они, видимо, тяжело переносят болезнь и нередко гибнут от нее. Наконец, есть подозрения, что звери подвержены в природе не менее опасному для них заболеванию — туберкулезу.

Однако главная причина гибели белых медведей — это истребление их человеком. Звери не отличаются большой осторожностью, а подчас и вовсе не обнаруживают страха перед людьми, поэтому охота на них, тем более с применением современного оружия, проста и добычлива.

До тех пор пока на них охотились лишь немногочисленные коренные жители Крайнего Севера, вооруженные копьём и луком, урон в медвежьем поголовье, конечно, был невелик. Однако уже в XVII—XVIII веках в арктические моря начали регулярно проникать зверобойные суда, и промысел белых медведей с этого времени стал быстро расширяться. Резко возрос он в середине прошлого столетия, когда запасы гренландских китов в Арктике истощились и внимание зверобоев переключилось на более мелкую добычу — тюленей, моржей, медведей. Но особен-

но широкая охота на медведей началась во второй четверти нашего века, что было связано с общим хозяйственным освоением арктических земель и вод, ростом населения на Севере и ростом цен на медвежьи шкуры. Известно, что только на Шпицбергене за 1920—1930 годы было добыто более четырех тысяч зверей; норвежские охотники добыли в 1924 году 714 медведей, а с 1945 по 1963 год — около шести тысяч медведей. По самым скромным подсчетам, только на севере Европы с начала VIII века было добыто свыше ста пятидесяти тысяч белых медведей.

Шкуры белых медведей всегда использовались на Севере местным населением. Их употребляли вместо постели, из них шили одежду и обувь. Сейчас еще эскимосы Северо-Западной Гренландии ходят зимой в штанах из медвежьего меха. Ненцы, обитатели севера Европейской части СССР и Западной Сибири, надевали в сильные морозы поверх обычной обуви медвежьи «галoши» — тобоки. И ненцы, и чукчи, и эскимосы обычно брали с собой в дорогу кусок медвежьей шкуры: шерсть на ней не намокает и ею удобно «войдать» сани (наращивать на полозьях слой льда). Благодаря водонепроницаемости и большой плавучести шерсть медведя считалась хорошим материалом для поплавков к рыболовным сетям.

Конечно, большинство медвежьих шкур вывозилось за пределы Арктики. Пройдя долгий и сложный путь, они превращались в конце концов в дорогое и нарядное украшение городских квартир — медвежьи ковры. На севере Канады и Аляски сто лет назад скупщик пушнины приобретал шкуру белого медведя у эскимосов за пачку табака или несколько зарядов пороха и свинца. В конце прошлого столетия за лучшие медвежьи шкуры эскимосы получали от пяти до пятнадцати долларов. В 50-е годы XX века цена шкуры поднялась здесь до сорока, а в 60-е даже до двухсот долларов. Естественно, готовые ковры на последнем этапе их пути от охотника к покупателю стоили во много раз дороже.

Использовалось и мясо белых медведей, хотя медвежий жир, которому присущ заметный запах воровани, не каждому по вкусу. Несъедобна лишь печень. Разделявая туши, и эскимосы, и чукчи, и ненцы обычно бросали ее в море или зарывали в землю. Они не только не ели печень сами, но и опасались, чтобы она не досталась собакам. Новички в Арктике, которым случалось отведать медвежьей печени, расплачивались за оплошность головной болью, рвотой, расстройством зрения, иногда даже смертью. Теперь установлено: все дело в том, что печень белого медведя содержит колоссальное количество витамина А. Несколько граммов ее восполняют годовую потребность челове-

ка в этом витамине, а съеденная в большом количестве печень вызывает острое заболевание гипervитаминозом, похожее на отравление.

В прошлом белых медведей добывали даже не столько из-за шкур, сколько из-за мяса. Охотники питались им сами и кормили медвежатиной собак. В век санных и пеших путешествий в Арктике белый медведь не без основания считался «резервным депо продовольствия» и тем самым немало способствовал изучению и освоению этой части земного шара. Некоторые экспедиции даже заранее планировали жизнь в высоких широтах за счет местных ресурсов и добывали продовольствие, главным образом охотясь на медведей. Подвернувшийся кстати мишка вообще нередко выручал здесь терпящих бедствие полярников, спасал их от голодной смерти.

У многих народов Крайнего Севера с добычей белого медведя был связан даже особый ритуал. Так, аляскинские эскимосы отмечали это событие исполнением «танца белого медведя». Жены и матери гренландских эскимосов, убивших медведя, с гордостью носили обувь, отороченную медвежьей «гривой» — частью шкуры, снятой с тыльной стороны его передних лап. На северо-востоке Сибири эскимос, убивший медведя, должен был умилоствовать «дух» зверя: при разделке туши охотник извлекал сердце и, разрезав его на куски, бросал через плечо. В честь охоты устраивался особый праздник. Шкуру медведя с оставленным в ней черепом вносили в жилище и расстилали на полу. Перед головой зверя, раскрыв ему рот, ставили «угощение» — посуду с едой и чаем. Хозяин «предлагал» убитому медведю раскуренную трубку, иногда «развлекал» его пением и игрой в бубен. Лишь после этого череп отделяли от шкуры, уносили за пределы стойбища и укладывали на земле мордой к северу.

Вообще к белому медведю коренные жители Севера относились с уважением и даже почтением. Не случайно этот зверь — постоянный персонаж местных сказок, сказаний, песен. Нередко он наделялся и фантастическими чертами. В сказаниях чукчей, например, фигурирует Кочатко — белый медведь с костяным туловищем и шестью лапами.

Живые звери, особенно медвежата, пользуются неизменным успехом в зоологических садах, зверинцах и цирках. Каждый год через фирмы Европы и Америки, торгующие живыми животными, проходит по нескольку десятков медвежат, причем стоят они дороже самых лучших медвежьих шкур. Звери хорошо переносят неволю, приспосабливаясь к самым необычным для них условиям — не только к умеренному, но и к жаркому

климату, и живут в неволе десятками лет. Во многих зоопарках мира они регулярно размножаются.

По единодушному мнению полярных исследователей и охотников, белый медведь в общем не опасен для человека. Но там, где встречи с этим зверем возможны, нелишне все-таки иметь при себе винтовку, ружье или ракетницу.

Нападает белый медведь на людей крайне редко. Например, на Новой Земле за последнее столетие это случалось дважды или трижды. На острове Врангеля, где в свое время добывалось много медведей, от них тем не менее не пострадал ни один человек. Вообще все случаи гибели или увечья людей по этой причине, наверное, можно пересчитать по пальцам. При этом, если быть объективным, не менее чем в половине случаев виноваты были сами пострадавшие. И тем не менее опасаться этого зверя нужно. Некоторые натуралисты, движимые самыми добрыми чувствами к белому медведю, пытаются показать его полным «вегетарианцем» и абсолютно безопасным для человека животным. Увы, это не совсем так, и авторы подобных книг, статей, кинофильмов оказывают по сути дела «медвежью услугу» как медведям, так и полярникам.

Чаще всего даже раненый медведь или медведица с медвежатами стремятся лишь уйти от преследования, хотя и из этого правила возможны исключения. Не спешит скрыться зверь, встретившийся с людьми впервые в жизни. Иногда в медведе пробуждается любопытство, впрочем не имеющее ничего общего с агрессивными намерениями, и он, не таясь, идет к человеку. Отогнать такого зверя обычно удастся окриком, брошенным в его сторону камнем, выстрелом в воздух. Самое опасное — пытаться убежать от медведя. При всем своем добродушии он остается хищником и невольно, в силу свойственного ему инстинкта, устремляется в погоню. Зверь в этом случае очень напоминает котенка, который с азартом догоняет бумажку, хотя вовсе и не считает ее лакомством. Медлительность его обманчива, и в беге, особенно на короткой дистанции, он имеет явные преимущества перед человеком. По-видимому, при таких обстоятельствах чаще всего и происходят несчастные случаи.

подавляющее большинство белых медведей в наши дни избегают встреч с человеком, с подозрением относятся они и к человеческому запаху, запахам бензина, керосина, пороховой гари. Зверь, который видит людей впервые, либо вовсе не обращает на них внимания — ищет поблизости корм, спит, занимается другими своими делами, либо, наоборот, горит желанием познакомиться с непонятными существами.

Вспоминается мне такой случай. Дело происходило на Новосибирских островах летом, во время одного из маршрутов. Мы сидели у жарко горевшего костра. Накануне похолодало, выпавший снег покрыл землю хотя неглубоким, но сплошным слоем, и теперь отдых в тепле был особенно приятен.

Невдалеке, на прибрежной косе, которую мы недавно пересекли, показался медведь. В этом не было ничего сверхъестественного — в то лето мы видели их много. Однако вел он себя странно. Зверь приближался, идя по нашей тропе, как-то жадно обнюхивал и осматривал каждый отпечаток резиновых сапог. Четвероногий «следопыт» настолько увлекся, что подошел совсем вплотную к костру. Чтобы прогнать не в меру любопытного зверя, кто-то кинул в него головешкой. Но и это его не испугало. Он даже понюхал головешку, потрогал ее лапой. Медведь явно был молод и скорее всего впервые повстречался с людьми. Его, несомненно, удивил вид, а тем более запах наших следов (сапоги на всех были новые и очень «духовитые»), но особенно — мы сами. «Следопыт» обошел вокруг нашего временного лагеря, лег метрах в двадцати с подветренной стороны и долго изучал незнакомые запахи, затем вновь направился к костру. Но на этот раз, из педагогических соображений, мы прогнали его выстрелом в воздух.

Впрочем, в той или иной мере любопытство свойственно всем категориям белых медведей, причем более смелы и потому более опасны для человека старые крупные самцы.

С ростом населения в Арктике, с восстановлением в самые последние годы численности белых медведей и изменением отношения к ним со стороны людей зверям и людям все чаще приходится сталкиваться «нос к носу», и все чаще возникают между ними конфликты, которых можно было бы избежать.

Особенно опасны попытки «завязать дружбу» с медведями, желание их подкормить. Привыкнув к подачкам либо к добыче корма на помойках вблизи поселков и потеряв осторожность, такие звери ведут себя развязно. От них можно ждать любых неприятностей. Необходимо помнить, конечно, что хотя и крайне редко, но медведи действительно иногда охотятся на человека и ведут себя при этом крайне нагло, не обращая внимания ни на какие угрозы, даже на выстрелы. Как правило, так ведут себя истощенные и старые особи, уже неспособные к добыванию привычного корма.

Человек давно знаком с белым медведем. Обитатели Крайнего Севера добывают его с незапамятных времен. Древним римлянам эти звери были известны по крайней мере в первом

веке нашей эры. В Японию и Маньчжурию, как о том свидетельствуют материалы японских императорских архивов, живые белые медведи и их шкуры попадали уже в VII веке. Впрочем, население этих стран могло познакомиться с животными и раньше, так как медведи изредка достигали японских берегов вместе с плавучими льдами. Древнейший письменный источник, содержащий сведения о белых медведях и относящийся к северу Европы, датируется примерно 880 годом; в нем сообщается о том, что два медвежонка были привезены в Норвегию из Исландии. Позже живые звери и их шкуры начинают довольно часто попадать к европейским правителям.

Русские люди уже в XII—XIII веках начали заселять берега Белого и Баренцева морей. С этого же времени поморы, несомненно, охотились на белых медведей, поставляли в Новгород, а позже и в Москву медвежьи шкуры, иной раз — и живых зверей. Примечательно, что свои лодки отважные новгородские мореплаватели называли, как и белых медведей, «ушкуями», а себя — «ушкуйниками».

В 1774 году белый медведь был впервые описан в научной литературе в качестве самостоятельного вида. Автор этого описания — английский зоолог Константин Фиппс. В XVIII веке были опубликованы и первые наблюдения за жизнью медведей в природе. В следующем столетии о белом медведе стало известно значительно больше. Постепенно расширялись сведения о нем и в первой половине нашего века. И тем не менее еще двадцать — тридцать лет назад мы знали белого медведя еще очень плохо. По сути дела он был изучен лишь в последние годы. Сыграли свою роль здесь тревога о его судьбе, поиски действенных путей охраны этого животного. Особенно обширные данные о биологии белого медведя — о миграциях, продолжительности жизни и о многом другом — зоологи стали получать после того, как научились бездвигивать и метить его.

Негромкий хлопок выстрела, и на щеке медведицы среди желтого меха появляется красное пятнышко. Сюда впился «летающий шприц». Положение красной кисточки — хвостового оперения шприца — показывает, что попадание было удачным.

Все поспешно отскакивают от берлоги. Но зверь не показывается и вообще не подает признаков жизни. Часы отсчитывают пять минут, затем — десять. В берлоге по-прежнему тихо. Решаемся подняться по склону и заглянуть в медвежье убежище. Видно плохо, но в полумраке все-таки можно рассмотреть три черные точки — глаза и нос, обращенные к выходу. Угадываются очертания широколобой головы, похоже, неподвижно лежа-

щей на полу снежного коридора. Кто-то приносит длинный шест: только так можно убедиться, что шприц действительно сработал и препарат оказал свое действие. На всякий случай у меня в руках карабин. Рукавицы сброшены, прокаленный морозом спусковой крючок обжигает голый палец, но сейчас на это не обращаешь внимания. Конец шеста бесцеремонно тычется в большое, мягкое тело. Зверь не шевелится.

Так нам удалось обездвижить первую хозяйку берлоги. Происходило это в конце марта 1969 года на одном из склонов Медвежьих гор острова Врангеля.

Обездвиживание животных, особенно крупных млекопитающих, — наиболее простой, а подчас и единственно возможный способ их ловли. В последние годы он получил широкое распространение в зоологических исследованиях. Правда, этот способ — уже давнее изобретение человека; таким же образом с незапамятных времен поступают южноамериканские индейцы, использующие на охоте стрелы, отравленные растительным ядом кураре. Теперь химия дала зоологам различные синтетические препараты, по своему действию сходные с кураре; для их приготовления не требуется ввозить дорогое сырье из Южной Америки. Разработаны и способы введения этих препаратов. Исследователи пользуются специальными пулями, начиненными порошком, или особыми стрелками (они выстреливаются из лука или ружья), углубления в которых заполнены мазью, пастой или также порошком. Наибольшее распространение получили так называемые «летающие шприцы», сделанные из металла и в принципе похожие на всем известные медицинские. Шприц выстреливается из ружья на расстояние до пятидесяти — восьмидесяти метров. В момент попадания в тело животного поршень движется вперед и освобождает резервуар шприца от раствора.

Конечно, зоологи применяют обездвиживающие средства совершенно с иной целью, нежели индейцы. Южноамериканские охотники, пользуясь ядом, стремятся лишь умертвить добычу. Перед зоологами или охотоведами стоит другая задача: временно лишить животное способности двигаться, успеть в этот момент посадить его в клетку (например, чтобы отправить в зоопарк или перевезти на новое место жительства), провести необходимые лечебные процедуры, измерить и взвесить или, как в нашем случае, пометить зверя.

К ушам медведя мы должны прикрепить сержки, сделанные из нержавеющей стали, с номером и надписью «Сообща Москва» (иностранные метки, естественно, имеют другие надписи). Для страховки номера дублируются — при помощи специ-

альных татуировочных щипцов на внутренней поверхности нижней губы и крупно, несмываемой красной краской (эти номера медведь будет носить до осени, до полной линьки) — на меху, на огузке. Таков в данном случае международный стандарт; стремясь получить сопоставимые результаты, так же метят белых медведей и наши коллеги в США, Канаде и Норвегии. Конечно, нужно получить как можно больше сведений о каждом обездвиженном звере. Необходимо его обмерить, осмотреть зубы, чтобы хоть приблизительно определить возраст зверя, или для более точного определения возраста вырвать один из зубов, взять для анализа мазки крови, проделать другие манипуляции. При этом необходимо помнить, что зверь лишен способности двигаться только на время, причем на весьма неопределенный срок. В любой момент он может встать на ноги и, мягко говоря, выразить экспериментаторам «свое неудовольствие».

Метить белых медведей стали недавно. Первые вначале не особенно удачные опыты такого рода были предприняты в 1962 году на Шпицбергене и в 1965 году — на Аляске. Однако успех пришел довольно быстро. Уже в 1970 году более пятисот зверей в разных частях Арктики носили сережки и прочие следы тесного общения с зоологами, а к середине 70-х годов общее количество помеченных в Арктике белых медведей уже исчислялось тысячами.

Канадские зоологи метят животных на побережье Гудзонова залива — в одном из самых необычных мест Арктики. В самом деле, хотя весь залив расположен южнее полярного круга, зимой он покрыт сплошным ледяным панцирем; несмотря на то что он находится на широте Ленинграда и даже Москвы, узкая прибрежная полоса его занята настоящими тундрами, а среди торосов здесь бродят и чувствуют себя в родной стихии белые медведи. Необычен образ жизни местных зверей. В конце лета, когда лед в заливе разрушается, они скапливаются на берегах залива (лесов, близко подступающих к побережью, медведи избегают), в поисках корма копаются в кучах водорослей, а еще чаще — среди отбросов у человеческих поселений, даже вблизи больших и шумных городов. Необычно, наконец, выглядит сама работа канадских зоологов. Исследователи ловят животных петлями из стального троса, обездвиживают и метят их на суше. Для этого им не нужно предпринимать экспедиций в отдаленные и труднодоступные арктические районы. Люди живут в Черчилле — вполне современном городе — и ездят на свой «охотничий участок» по асфальту на автомобиле.

Осенью 1969 года мне пришлось побывать здесь, и я невольно позавидовал своим канадским коллегам. Поразило меня и обилие медведей, и то, как легко они давались «в руки». Голодные животные, привлеченные запахом мяса или рыбы, подчас буквально атакуют ловушки и нередко попадались в настороженные петли на глазах у людей. Поскольку трос надежно схватывает медведя за переднюю лапу, дальнейшая процедура, связанная с обездвиживанием и мечением, уже не составляет большого труда; к тому же ей не препятствуют пурга и морозы.

Норвежские исследователи работают на западе Баренцева моря, разыскивают медведей с небольшого судна и обездвиживают их на воде, когда те пытаются спастись вплавь, — с борта корабля или шлюпки, а иногда догоняют и обездвиживают зверей на льду. В последнем случае люди вооружаются винтовками и револьверами, хотя, как выяснилось, не в меру любопытного зверя можно отогнать, звякая небольшими металлическими предметами, например связкой ключей. Обездвиженных животных норвежцы поднимают на палубу судна, помещают в большую клетку, где и исследуют. Клетку звери покидают, уже встав на ноги, своим ходом. На Аляске стреляют по медведям «летающими шприцами» с вертолета.

Мы же стремились освоить обездвиживание и мечение не любых встреченных зверей, а самок и медвежат, находящихся в берлогах. Это можно осуществить только в марте — апреле, когда в Арктике стоит далеко не лучшая погода. Уже поэтому следовало быть готовым ко многим трудностям. Взять хотя бы «летающие шприцы», которыми мы были оснащены. На морозе их капризам нет конца. Водные растворы препаратов использовать нельзя: во время полета шприца, хотя летит он недолго, его содержимое успевает замерзнуть. В спирту же не все препараты растворимы, и, следовательно, набор их для нас сокращается. При сильных холодах обездвиживающее снаряжение вообще бездействует: отказывает механизм ружья, густеет смазка в стволе. Впрочем, это еще не главные трудности. Непросто подойти к берлогу, устроенной на крутом и высоком склоне (а ведь именно здесь чаще всего и располагаются убежища зверей), найти или вырубить в снегу площадку, на которой могли бы поместиться люди и необходимое оборудование. Даже если знаешь, что рядом товарищ, что в руках его карабин и что он страхует тебя, все равно не так уж приятно близкое соседство хозяйки берлоги. К тому же стрелять шприцем нужно почти в упор и только в щеку, поскольку стрелок видит лишь голову зверя.

Но что поделаешь! Ведь только так можно выяснить, пользуются ли самки на протяжении своей жизни одним и тем же «родильным домом», из каких районов Арктики они приходят сюда, и вообще насколько развито у животных «чувство дома». Мы шли сейчас на заведомые трудности еще и из тех соображений, что освоение надежных способов обездвиживания самок в берлогах открывало путь к «бескровному» отлову медвежат, то есть было прямо связано с охраной животных. Дело в том, что детеныши белых медведей — желанные гости в зоопарках, цирках, и ограниченная заготовка их в СССР разрешена (это единственно допустимая форма хозяйственного использования белых медведей в советской Арктике). Однако, чтобы поймать или взять из берлоги медвежат, долгое время приходилось убивать самок. Заготовка медвежат превращалась подчас и в удобное прикрытое для браконьеров. Уже в 1969 году отстрел медведиц при заготовке медвежат в СССР был запрещен; медведицу в таких случаях можно лишь обездвигить.

Большие надежды зоологи возлагают на использование при мечении белых медведей радиопередатчиков, тем более что обычные метки оказываются недолговечными и обнаружить их можно лишь при тесном контакте с животными. Именно при помощи радио пытаются выяснить, относятся ли все звери к одному общему «стаду» (а это значит, что четвероногий путешественник может бродить сегодня у берегов Сибири, через некоторое время оказаться, допустим, в Гренландии, а затем — в Канаде) или они образуют несколько самостоятельных групп, приуроченных к тем или иным районам Арктики. Без решения этого вопроса, кстати, нельзя выработать правильную политику охраны животных. Совершенно очевидно, что в первом случае меры по сохранению животных должны быть преимущественно международными, во втором — национальными, и каждое государство ограничивается заботой лишь о своих «подданных». Забегая вперед, скажу, что наибольшую пользу может принести сочетание тех и других мер.

Радиопередатчик прикрепляется к специальному ошейнику, сделанному из металлического троса (он играет роль антенны), и все это сооружение вместе с запасом батарей надевается на медведя. Такой ошейник, хотя он весит несколько килограммов, не мешает зверю охотиться; похоже даже, что медведь вскоре вообще забывает о своей ноше. Засечь сигналы передатчика и по ним обнаружить меченого зверя с суши удается за десятки километров, с самолета — с гораздо большего расстояния.

Очень интересные возможности слежения за помеченными таким способом белыми медведями открывают искусственные спутники Земли. В принципе вполне возможна (такие проекты существуют и в 1977 году даже начали осуществляться) регистрация со спутника местонахождения зверей и их физиологического состояния. Получая же данные, например, о частоте дыхания и сердцебиений, зоологи смогут определить, что делает зверь в тот или иной момент: спит ли он, идет, охотится и т. д. Применяются в изучении белого медведя и такие достижения современной техники, как приборы, улавливающие инфракрасное излучение (при учетах зверей во льдах), приборы ночного видения (для наблюдений во время арктической зимы), дистанционные датчики (их мы опускали в берлоги, чтобы измерить температуру воздуха и освещенность в зимнем убежище самки), звукозаписывающая аппаратура, даже электронно-вычислительные машины, дающие возможность предсказывать изменения в составе поголовья белых медведей. И тем не менее вопросов к этому зверю остается у зоологов еще много...

В последние десятилетия белый медведь стал привлекать к себе внимание как редкий и исчезающий вид мировой фауны. По существу, хотя и весьма приблизительным, подсчетам, в наши дни в Арктике обитает не более двадцати тысяч белых медведей. Это означает, что на одного белого медведя в среднем приходится около семисот квадратных километров льдов и, следовательно, одного зверя от другого отделяют сотни, а то и тысячи километров. Вероятно, уже по этой причине затруднительны встречи самцов и самок, и это сказывается на продолжении медвежьего рода.

Осваивая Арктику, воздвигая в ней города и поселки, человек потеснил этого зверя. С каждым годом здесь остается все меньше мест, пригодных для залегания медведиц в берлоги. Человек же, возможно, и косвенный виновник распространения среди медведей трихинеллеза. Но, конечно, особенно пагубно на численности животных сказалось их длительное и массовое истребление.

Не удивительно, что уже сто лет назад появились первые сообщения о том, что количество белых медведей на островах Баренцева и Берингова морей, на севере Канады заметно уменьшается. Позднее в разных частях Арктики численность зверей стала сокращаться почти с катастрофической быстротой. По наблюдениям советских полярников, на прибрежной полосе льда у мыса Челюскин в 1932—1933 годах прошло около четырехсот медведей, в 1948—1949 годах — только три. За послед-

ние сорок — пятьдесят лет на севере и востоке Гренландии количество зверей сократилось наполовину, на юге и западе Гренландии — даже на девяносто процентов.

Усиленное преследование белых медведей совпало с периодом потепления Арктики, что немало способствовало сокращению области обитания и численности животных. За последние десятилетия здесь не только уменьшилась площадь льдов, но и ухудшились кормовые возможности зверей. Например, у побережья Гренландии с повышением температуры морских вод исчезла холодолюбивая рыбешка сайка. Вслед за ней отступила к северу нерпа, в районе которой сайка занимает основное место. Естественно, что эти районы должен был оставить и белый медведь, ибо нерпа — источник его существования.

В последние десятилетия, как уже говорилось, было обнаружено массовое заболевание белых медведей трихинеллезом. Ждала исследователей и еще одна неожиданность. В тканях белых медведей выявилась высокая концентрация ДДТ и других ядовитых веществ — они заносятся в высокие широты с воздухом и водой. Последствия этого явления пока не выяснены, но можно предполагать, что отравление не проходит для зверей бесследно и в первую очередь ведет к сокращению их плодovitости.

Итак, стала реальной угрозой вымирания белого медведя. Но, к счастью, у него нашлись защитники. Особенно решительно выступил за сохранение этой «живой эмблемы» Арктики Советский Союз.

Еще в 1938 году в СССР был запрещен промысел зверей с кораблей и без крайней необходимости на полярных станциях. С первых послевоенных лет промысел белого медведя полностью прекращен в некоторых районах, а в 1956 году Совет Министров РСФСР специальным постановлением запретил охоту на белого медведя повсеместно. Эта мера, означавшая сокращение добычи белых медведей в Арктике почти вдвое, сыграла в их охране особенно важную роль.

Для спасения белых медведей в СССР предпринимались и другие шаги. Было запрещено при отлове медвежат убивать сопровождающих их медведиц (вообще ловить медвежат для зоопарков можно только по специальному разрешению). За незаконную добычу зверей введен денежный штраф; в большинстве районов он составляет двести рублей, а в Магаданской области — семьсот рублей. На острове Врангеля, в главном арктическом «родильном доме» белых медведей, в 1960 году был организован заказник, а с 1976 года здесь существует государственный заповедник.

Количество белых медведей в мире благодаря этим мерам, по-видимому, больше не сокращалось, но и не возрастало, поскольку в других странах промысел их продолжался. Больше того, объем добычи зверей здесь увеличивался. На Аляске в этой охоте широко использовались самолеты, в Норвегии начали практиковаться «арктические сафари» — рейсы в Арктику кораблей с охотниками-туристами на борту. Какое уж тут единоборство человека и зверя! Не случайно настоящие охотники и натуралисты многих стран мира, в том числе Соединенных Штатов и Норвегии, осуждали такие способы добычи белых медведей, высказывались за их запрещение.

В 60-х годах стало ясно, что для сохранения этих животных нужны согласованные действия всех государств, владеющих Арктикой, а следовательно, и белыми медведями. С призывом к такому сотрудничеству выступил Международный союз охраны природы и природных ресурсов. Он включил этот вид одним из первых в свою Красную книгу, организовал специальную рабочую группу, которой предстояло составить программу совместного изучения белых медведей зоологами разных стран, предложить более совершенные меры по сохранению животных. Однако и здесь решающую роль играли усилия СССР. На международных совещаниях по белому медведю (а их было несколько) советские делегаты неизменно настаивали на повсеместном запрете добычи животных, и уж во всяком случае — запрете истребительных способов охоты на них.

Эти усилия достигли цели. Первой победой стало всеобщее признание белого медведя международным полярным ресурсом. Во всех государствах начали охранять медвежат и сопровождающих их медведиц. Новый успех — правительство Соединенных Штатов запретило использовать при охоте на животных самолеты, а Норвегия объявила о полном прекращении добычи белых медведей на пятилетний срок. Но наиболее важным результатом в этой кампании по спасению животных было заключение всеми арктическими странами Международного соглашения по охране белых медведей. Такое соглашение уже действует: в 1973—1975 годах его подписали правительства СССР, США, Канады, Дании и Норвегии. Строгий контроль за торговлей шкурами белых медведей, за транспортировкой шкур и других продуктов их промысла предусмотрен конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. Белый медведь как редкий вид, конечно, включен в Красную книгу СССР. Все это вселяет надежду, что замечательный зверь уцелеет в Арктике, останется прекрасным украшением ледяных просторов.

ФОНТАНЫ НА ГОРИЗОНТЕ

Замшелые остатки скелетов этих исполинов — их изогнутые трех-, четырехметровой длины ребра, позвонки, похожие на чурбаки без малого в обхват толщиной, громадные кости черепа — разбросаны по побережьям почти всех арктических морей. А изредка можно увидеть и живого гренландского кита — его невысокие фонтаны, расцветающие на горизонте причудливыми пушистыми цветками, вспоровшую морскую гладь округлую черную спину, на мгновение мелькнувший могучий двухлопастный хвост.

Он тесно связал свою судьбу с Арктикой, приспособился к жизни в холодных ледовитых морях. Поэтому вполне оправдано и другое его название — полярный кит. С обитанием во льдах могут быть связаны общие особенности телосложения животного — гладкая, без выступов, спина, широкие, относительно короткие и закругленные передние плавники. Исследователей поражает необыкновенно мощный слой кожи на голове и на спине гренландского кита. Толщина кожи достигает

здесь двух с половиной сантиметров, в то время как на горле и на животе она почти вдвое тоньше. Но наиболее наглядно о приспособленности кита к жизни среди льдов говорят некоторые черты его поведения. Он хорошо ориентируется в полынях и узких извилистых разводьях среди ледяных полей, способен пробивать спиной молодой лед (во всяком случае толщиной до двадцати — тридцати сантиметров). Вообще, как рассказывают китобои, эти животные не только легко раздвигают льдины, но и любят заходить в заливы, покрытые нетолстым льдом, и без труда его ломают.

Длина тела гренландского кита может достигать двадцати и даже двадцати двух метров, а вес — ста пятидесяти тонн. Это, следовательно, одно из самых крупных животных, когда-либо обитавших на земном шаре или населяющих его в наши дни. Туловище кита необычайно массивно. Голова громадная (на ее долю приходится около трети длины тела); на вершине головы находится «дыхало» — два небольших дыхательных отверстия. Глаза очень маленькие, расположены у самых углов рта. Позади глаз открываются едва заметные ушные отверстия.

Зоологи относят его к подотряду усатых китов и семейству гладких китов. Два других семейства усатых китов составляют так называемые полосатики (на животе у них продольные складки или полосы) и серые киты; ближайший же родственник гренландского кита — южный кит, распространенный от севера Тихого и Атлантического океанов до Антарктики. Следовательно, «усы» — одна из характерных принадлежностей животного. Усы эти весьма своеобразны. Прежде всего они помещаются внутри ротовой полости, а образуют их триста — четыреста эластичных пластин, свисающих с верхней челюсти. Пластина достигает четырех с половиной метров длины, весит четыре-пять килограммов и оторочена по внутреннему краю волосовидной бахромой.

Кормятся эти гиганты, как ни странно, лишь крошечными рачками и другими планктонными организмами и используют усы, как сито: отцеживают ими пищу, попавшую в рот вместе с водой. По приблизительным подсчетам, киту удастся собрать таким путем за день до тонны корма.

Биология гренландских китов изучена плохо. Предполагается, что определенных сроков размножения у них нет. Известно, что длина китенка при рождении достигает трех-четырёх метров, а через год — уже девяти метров. Самка рождает молодого (только одного) в арктических водах, с чем можно связать хорошую упитанность новорожденного: слой его подкожного жира составляет пятнадцать сантиметров. Продолжи-

тельность жизни животных, судя по находимым в их теле заросшим гарпунам, может достигать сорока и более лет.

Держатся гренландские киты поодиночке или небольшими группами. (В прошлом встречались их стада, состоящие из сотен голов, причем молодые обычно держались отдельно от взрослых.) Рядом с самками обычно плывут малыши, и матери к ним очень привязаны, при опасности прикрывают их своим телом, яростно защищают от лодок китобоев. Животные находятся на поверхности и дышат, как правило, одну — три минуты, после чего уходят под воду на пять — десять, а иногда — на двадцать минут. Раненые же или сильно напуганные киты могут занырнуть на полчаса и даже на час. Иногда удается увидеть, как киты «резвятся» — выпрыгивают из воды, и тогда громадная туша вся оказывается в воздухе. Плывет кит обычно медленно, со скоростью до семи-восьми километров в час, и только при испуге увеличивает скорость до тринадцати — шестнадцати километров. Моряки изредка застают китов на поверхности воды спящими. В таких случаях животные подпускают к себе лодку или корабль почти вплотную. Но вообще они чутки и осторожны. Испугать их может и шум, и, допустим, резкие движения гребцов в шлюпке; кит приходит в беспокойство, даже если на спину ему садится птица.

Характерный опознавательный признак каждого вида китов — форма и величина его фонтанов (у усатых китов это вырывающийся при дыхании пар). «Визитная карточка» гренландского кита не превышает в высоту четырех — шести метров и заканчивается пушистой шапкой. Если смотреть на плывущего кита сзади или спереди, то видно, что фонтан двойной и струи его расходятся в стороны в виде латинской буквы V.

Случаи массовой гибели гренландских китов по каким-либо естественным причинам неизвестны. Установлено лишь, что на костях их скелета иногда развиваются опухоли. В отличие от близкого вида — южного кита гренландские киты не страдают так сильно от наружных паразитов (одно из преимуществ жизни в Арктике), хотя внутренних паразитов у них обнаружено немало. Возможно, некоторый урон они терпят от хищных китов — косаток. Наконец, несмотря на свою приспособленность к жизни в Арктике, оказавшись среди мощных ледяных полей, киты все-таки иногда задыхаются или погибают от голода: их вмержшие в лед туши не раз находили местные жители Чукотки и Камчатки.

В наши дни пушистые, расходящиеся в стороны фонтаны чаще можно увидеть на севере Тихого океана и в примыкающих к нему морях — Чукотском и Бофорта. Встретить их мож-

по также у западного побережья Гренландии и у северо-востока Канады, в том числе в Гудзоновом заливе, и, наконец, совсем редко — в пространстве между Баренцевым и Восточно-Сибирским морями. Так и считается, что гренландские киты образуют три самостоятельных стада: берингово-чукотское, западногренландское и шпицбергенское. Принадлежат они к числу мигрирующих животных: осенью, по мере наступления льдов, движутся к югу, весной направляются к северу.

Когда была развита охота на гренландских китов, они иногда уходили от преследования, но уносили в своем теле гарпуны и пики, часто с обозначением имени владельца, а иногда даже — места промысла и года изготовления. Рано или поздно, но эти киты все-таки доставались китобоям или их туши море выбрасывало на берег. Найденные на них метки позволяли вскрыть некоторые особенности их жизни. Именно так было выяснено, сколько лет киты живут. Эти же метки показали, что киты могут совершать громадные путешествия по Арктике, даже проплывать из Чукотского моря в Баренцево и обратно.

Главная причина исчезновения гренландского кита, конечно, истребление его человеком.

В глазах древних охотников, надо полагать, это была «живая гора» съедобного мяса и жира, не только желанная, но и относительно доступная. Кит настолько тихходен, что его можно догнать на весельной лодке. В общем не так сложно его и добыть, владея простейшим оружием — копьями и ручными гарпунами. Наконец, убитый на воде, он не тонет (в отличие, скажем, от полосатиков).

Сперва, наверное, человек использовал туши животных, которые находил на берегах. Однако очень давнюю историю имеет и китобойный промысел, причем наиболее вероятно, что он зародился на берегах северных морей и начался с добычи именно гренландских китов. Такое предположение возникает по двум причинам: эти животные когда-то были здесь очень многочисленны, местное же население составляли морские охотники, большие мастера своего дела. Во всяком случае эскимосам, чукчам, корякам киты с незапамятных времен давали пищу и корм для собак, материал для светильников. Один добытый кит нередко кормил и обогревал целый поселок в течение всего года.

Еще и сейчас северные охотники носят серебристые непромокаемые плащи и рубахи, сшитые из китовых кишок. В прошлом же из сухожилий кита вили веревки, рассученным китовым усом сшивали лодки; сани для лучшего скольжения

подбивали китовым усом или пластинами кости, выпиленными из нижней челюсти животного. Из китового уса делали также луки, ловушки на белых медведей и песцов, плели «вечные» рыболовные сети. Ребра и челюсти служили стропилами в ярангах и полуподземных жилищах эскимосов и чукчей. Остатки этих землянок (чукотское название их — «валкаран», то есть «дом из челюстей кита») еще можно встретить на Чукотке и на Аляске. До сих пор кое-где у чукотских яранг и даже у деревянных домов стоят помосты, устроенные из китовых ребер; летом на них держат сани, зимой — байдары.

Китовый промысел был наиболее важен для эскимосов, особенно до конца прошлого века; позднее, с истреблением животных европейцами, эскимосы переключились на добывание тюленей. И конечно, нет ничего удивительного в том, что кит занимал большое место в духовной жизни этого народа. Кит — один из главных персонажей в их фольклоре. До сих пор отмечают в эскимосских поселках «праздники кита». Теперь это просто веселье, песни и пляски, которыми заканчивается удачная охота на морского исполина. В прошлом этим праздникам сопутствовали особые обряды — они должны были обеспечить успех в предстоящих охотах. Праздник завершался тем, что в море бросали остатки еды — куски китового мяса. Считалось, что так возвращается жизнь убитым животным и они снова станут добычей охотников.

Давно начали промысел этих китов и европейцы. Начало ему положили русские поморы. Еще в XVI веке они охотились на китов и у берегов Мурмана, и на Груманте (Шпицбергене). В XVII веке в шпицбергенские воды устремились китобой многих западноевропейских стран. В 1611 году тут появились англичане, в следующем году — голландцы, в 1615 году — датчане, за ними — испанцы, французы, немцы. Стада китов, по-видимому, были здесь в то время колоссальны. Об этом можно судить хотя бы по тому, что на промысел к Шпицбергену ежегодно стало ходить по пятьсот и даже по тысяче кораблей. Правда, каждый китобоец добывал за сезон всего нескольких, а иногда лишь одного-единственного кита. Но и это была удача. Она с лихвой окупала расходы на снаряжение такой экспедиции. На пустынном островке Амстердам, у Западного Шпицбергена, за несколько лет выросла разгульная столица китобоев — Смеренбург (Ворванный город) с салотопнями и мастерскими, складами и жилыми домами, магазинами и трактирами.

Через пятьдесят лет запасы китов в Баренцевом море стали заметно сокращаться, и китобой начали осваивать новые районы промысла, расположенные к западу от Гренландии. Но

тем не менее еще в XVIII веке годовая добыча нередко составляла здесь две с половиной тысячи китов. Даже в XIX веке у одних только американских компаний доход от китобойного промысла в Баренцевом море превысил миллиард долларов. Еще в 1905 году здесь было добыто шестьсот китов, но в 1912 году — лишь пятьдесят пять... В 1920—1930 годах гренландские киты в Баренцевом море считались уже полностью истребленными.

К западу от Гренландии запасы животных также быстро сокращались, и китобой в поисках добычи забирался все дальше к северу. В 1817 году они проникли в Баффиново море, а затем очистили от китов все проливы и заливы севернее Баффиновой Земли. Последнее промысловое судно заходило сюда в 1914 году. Киты и здесь были истреблены.

Позднее, чем в других местообитаниях этих животных, лишь в середине прошлого столетия, китобой появились в северной части Тихого океана. Однако и здесь промысел развивался стремительно: только с 1846 по 1862 год американские компании выручили от продажи уса и жира китов, добытых в Охотском море, больше ста тридцати миллионов долларов. У берегов Чукотки, Камчатки и в Охотском море с 1854 по 1876 год американские китобой добыли почти двести тысяч гренландских и южных китов. Но с 1911 по 1930 год у северо-западного побережья Америки удалось убить только пять гренландских китов.

Как охотились на китов в прошлом веке, рассказывает один из очевидцев.

«Лишь только китоловы завидят кита, они тотчас же спускают как можно скорее лодки и на веслах идут навстречу чудовищу, сохраняя возможную тишину. Один из охотников — непременно одаренный верным глазом и сильной рукой — стоит в лодке с гарпуном в руке и ждет минуты, чтобы вонзить свое оружие в мягкие части зверя. Раненый кит ныряет вглубь с быстротой молнии, таща за собой бечеву, прикрепленную к острозубому гарпуну. Потребность дышать вызывает снова кита на поверхность, здесь его встречает второй гарпун, потом третий, четвертый, и после каждого удара кит ныряет вглубь. Беснуясь от боли, он делает невероятные усилия, чтобы вырвать из своего тела раздражающее его копьё, — все напрасно. Из зияющих ран, хотя не слишком широких и глубоких, все-таки истекает достаточно крови, чтобы истощить даже кита. Все слабее и медленнее становится его движения, и вот плывет он бесчувственной массой по воде, а китоловы обогатились двумя-тремя тысячами талеров.

Совершенно убедившись в смерти кита, ибо до последней минуты он может ударом своего сильного хвоста опрокинуть лодку, осмелившуюся к нему приблизиться, подводят труп его к боку корабля, к которому приковывают цепями. Матросы, одетые в кожу, в подкованных сапогах (чтобы не поскользнуться на гладкой слизистой коже кита) слезают на убитого зверя и режут толстый слой жира на длинные полосы. Потом снимают китовый ус, а остальной неценный остов предоставляют течению; на нем пируют морские птицы и рыбы».

Мало чем отличались от этих приемов способы охоты на кита эскимосов и чукчей, как, вероятно, и древних охотников. Разница заключалась главным образом в том, что разделявали они зверя не в море, а на берегу и использовали не только жир и ус, но и все остальные части туши. Только коряки добывали морских исполинов иначе — особыми сетями. Плели их из прочных ремней, а вместо грузил подвязывали к ним большие камни.

Северные моря, особенно Баренцево море, дольше двух столетий слыли «жиротопнями Европы». В самом деле, трудно себе представить, как бы обходились (да и вообще смогли бы обойтись) многие страны Западной Европы без жира, уса и других видов сырья, полученных от гренландских китов. Один крупный кит давал до тридцати тонн (примерно двести бочек!) жира — столько, сколько дали бы приблизительно три тысячи свиней или шесть тысяч баранов, — да еще около полутора тонн уса. Отсюда легко рассчитать, что значила, допустим, тысяча китов для сравнительно немногочисленного в то время населения континента.

Как и чукчи, европейцы, не брезгуя, ели этот жир (а также и китовое мясо), но, кроме того, использовали его для приготовления мыла, выделки кож, а главным образом — для освещения улиц и жилищ. И уж совсем невозможно представить себе, как обходились бы европейцы без китового уса. Пластины его не только упруги и эластичны, но и легко расщепляются, размягчаются в горячей воде или на пару и пригодны в таком виде для штамповки самых разнообразных предметов; их легко пилить, точить, шлифовать. Чего только из него не делали! Рессоры для экипажей и кучерские кнуты, пружины для матрацев и для часов, кости для корсетов и вееров, спицы для зонтов и рыболовные удилица, парики и набивку для подушек. В общем это был универсальный материал, с успехом заменявший в то время и пластмассы, и металл.

Трудно сказать, что оказалось здесь первопричиной, но во всяком случае с исчезновением китов и падением их промысла

совпало появление у китового жира и уса серьезных конкурентов. Керосин стал стоить дешевле, горел он ярче и не так коптил в лампах, как жир. Выяснилось, что пластмассы и металлы как материал не хуже, чем китовый ус. Не керосин ли и помог сохраниться гренландским китам до наших дней?

Так или иначе, но они, к счастью, еще существуют.

Важную, если не решающую роль в судьбе гренландского кита сыграла подписанная в 1946 году восемнадцатью странами, и в их числе Советским Союзом, Международная конвенция по регулированию китобойного промысла. Один из пунктов этого соглашения предусматривает запрещение ловить или убивать гренландских китов, за исключением тех случаев, когда мясо и другие полученные от них продукты используются исключительно для потребления местных жителей. В СССР поэтому охота на китов разрешается только коренному населению Чукотского полуострова, и в последние годы чукчи и эскимосы добывают здесь иногда одного, иногда двух китов, редко — больше. Американские эскимосы добывают до пятидесяти китов в год.

Считается, что общее поголовье животных берингово-чукотского стада составляет сейчас около двух тысяч голов (примерно двадцать процентов того, что было здесь сто лет назад). Запасы этих китов хотя и очень медленно, но, по-видимому, все же увеличиваются, чего, к сожалению, нельзя сказать о шпицбергенском стаде.

Гренландский кит включен в Красные книги как Международного союза охраны природы и природных ресурсов, так и СССР. Конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, предусматривается полный запрет торговли какими-либо продуктами промысла этих животных и перевозки таких продуктов. Все чаще и настойчивее раздаются призывы к полной охране китов, к восстановлению, пока это возможно, их запасов, восстановлению их важной роли в круговороте веществ в арктических морях.

«Фонтаны на горизонте!» — когда-то это был традиционный клич китобоев. Он означал, что добыча замечена, означал суету на корабле, лихорадочные приготовления к охоте, жадные подсчеты бочек жира и пудов уса, в которые можно превратить морского исполина.

«Фонтаны гренландских китов на горизонте!» — слышится этот клич изредка еще и сейчас. Но означает он другое — удивление, радость, надежду, что они не только сохранились, но и будут жить...

ПОДВОДНЫЕ ПАХАРИ

Моржи поражают наблюдателя своей величиной, строением, образом жизни. После гренландского кита и арктического дельфина белухи морж — самое крупное из животных высоких широт. Длина его тела может достигать пяти метров, а вес — полутонны. Вальковатое туловище, обтянутое толстой, морщинистой кожей, приплюснутая спереди голова, украшенная щетиной жестких усов, мясистые подвижные ласты, задние из которых могут подгибаться вперед, маленькие, скрытые в кожных складках глаза — таков в общих чертах облик этого исполина.

Важный отличительный признак его — бивни, гигантские клыки, развитые на верхней челюсти и выступающие по углам рта. У взрослых зверей (бивнями обладают и самцы, и самки) они достигают семидесяти — восьмидесяти сантиметров в длину и более четырех килограммов веса каждый. Молодые моржи покрыты буровато-коричневой шерстью. С возрастом она рыжеет, редет, и кожа животных становится почти совсем голой.

Интересно, что на воздухе цвет моржовой шкуры непостоянен. Животное, которое провело много времени в воде, кажется синеватым. После того как морж хорошо прогреется на солнце и его кровеносные сосуды расширятся, он становится рыжевато-розовым. Шея и грудь старых самцов к тому же почти сплошь покрыты шишками размером с человеческий кулак, многочисленными рубцами и шрамами — следами сражений с соперниками.

Среди многих вопросов, невольно возникающих при виде моржа, первым встает вопрос о назначении его бивней. Быть может, это оружие, средство самообороны? Но в высоких широтах у моржа нет врагов. Белые медведи, за редким исключением, нападать на них не отваживаются. У южных пределов Арктики встречаются хищные киты — косатки, и в открытом море они, по-видимому, охотятся на моржей (хотя их взаимоотношения выяснены еще недостаточно). Однако и здесь моржи лишь пытаются спастись бегством, не помышляя о самообороне при помощи бивней. Следовательно, в обычных условиях бивни моржа не являются орудием защиты, хотя раненые звери иногда пускают их в ход, нападая на шлюпки и байдары зверобоев. Высказывалось даже мнение, что бивни — своего рода грузила, облегчающие моржам ныряние на большую глубину. Но ведь эти «грузила» не остаются на морском дне, а при подъеме на поверхность они затрудняют движение в той же мере, в какой облегчают ныряние. К тому же груз в несколько килограммов не может заметно облегчить громадному животному спуск под воду.

Морж нередко использует бивни, забираясь на высокие льдины или скалы, пускает их в ход, сражаясь с соперником; он способен разбивать ими нетолстый слой льда, намерзший в разводьях, но все это второстепенно. Главное же назначение бивней выяснилось относительно недавно. Это перепахивание морского дна при кормежке.

Однажды (дело происходило на Новосибирских островах) мне пришлось стать очевидцем интереснейшего зрелища. Стоял тихий, солнечный день, в большом разводье под берегом то и дело показывались головы крупных моржей. Решив, что они кормятся, я поспешил к морю и лег на край льдины. В прозрачной воде, особенно в полосе тени от льдины, при глубине не более десяти метров движения животных были достаточно хорошо видны. Догадка подтвердилась: моржи действительно кормились.

В поле моего зрения почти постоянно находились два-три исполина, которые вели себя одинаково. Провентилировав над

водой легкие и набрав в них очередной запас воздуха, морж почти отвесно уходил ко дну и тотчас принимался за его распахку. Бивни животного временами полностью скрывались в грунте; морж при этом энергично двигал шеей, оставаясь на одном месте, или плыл. Когда он выворачивал бивнями большие пласты грунта, вокруг него поднимались облачка мути. Проложив борозду в два-три метра длиной, а иногда и более длинную, морж затем совершал движения, смысл которых для меня первое время оставался неясным. Вытянув перед собой, как руки, передние ласты и потирая внутренними сторонами ласт о ласт, он начинал подниматься, оставляя след в виде полосы мути. Однако, не достигнув поверхности, морж опускал ласты и вновь нырял на глубину, часто поворачивая при этом шею и что-то вылавливая в толще воды.

Пытаясь разобраться во всем этом, я вспомнил: исследователей издавна удивлял тот факт, что желудки убитых моржей, как правило, бывают набиты мякотью моллюсков, иногда настолько хорошо сохранившейся, что по ней удается определить даже виды, к которым они относятся. В то же время в желудках не встречаются остатки известковых раковин. Каким образом морж ухитряется за короткое время не только собрать под водой так много корма (подчас более десяти килограммов), но и столь тщательно очистить его, не повредив нежных частей моллюсков? До последнего времени это оставалось загадкой.

Пролежав на льдине около часа, я наконец понял, как кормятся моржи. Вырытых из грунта моллюсков звери, оказывается, собирали не ртом, а широкими и подвижными передними лапами. Конечно, вместе с кормом они захватывали и немало ила. Поднимаясь первый раз к поверхности, морж перетирал лапами добычу и перемалывал при этом раковины. Далее, когда он разводил «руками», обломки раковин уже легко отделялись и первыми опускались на дно. Гораздо медленнее оседали очищенные таким образом тела моллюсков, которые морж и вылавливал, ныряя вторично. Лишь собрав корм, животное появлялось на поверхности воды и вентилировало легкие. Мне стало ясно также, почему внутренние поверхности ластов моржа шершавы и похожи на терки или жернова. Конечно, при кормежке моржу трудно было бы обойтись и без своих густых жестких усов. Они очень облегчают ему вылавливание очищенных моллюсков во взмученной воде, особенно полярной ночью или просто при плохом освещении.

В тот день мне представилась редкая возможность не только наблюдать за кормящимися моржами, увидеть, как эти подводные «пахари» используют вместо плуга свои массивные бив-

ни, но и оценить ловкость животных, быстроту и точность их движений под водой по сравнению с неповоротливостью, присутщей им на суше или на льду.

Впрочем, не все моржи питаются моллюсками, ракообразными и другой мелочью. Иногда среди них встречаются хищники, предпочитающие охотиться на нерп, лахтаков, нападающие даже на шлюпки и опасные для людей. Таких моржей чукчи называют «келючами», узнают их издали и очень боятся. Считается, что бивни у них желтые, будто обкуренные, иногда обломаны или сильно расходятся на концах в стороны (обычно бивни моржей белые, с легким желтоватым оттенком, и растут более или менее параллельно один другому), что кожа их покрыта царапинами, а мясо имеет прослойки жира. По мнению чукчей и эскимосов, келюч вырастает из моржонка, рано потерявшего мать и вынужденного питаться чем попало — рыбой, мертвыми тюленями и другими необычными кормами. Учитывая, что моржонки не имеют бивней, что ему нечем распахивать грунт и он, следовательно, не может добывать моллюсков, такое предположение вполне логично. Можно представить себе, что хищниками становятся и те моржи, бивни которых растут уродливо, или животные, обломавшие свои бивни. Нетрудно понять также, почему бивни у келючей желтые: келючи не распахивают дна и не чистят постоянно свои зубы.

Большинство зоологов выделяет моржа в качестве единственного представителя одноименного самостоятельного семейства и даже подотряда в отряде ластоногих млекопитающих. Так же как и остальные сочлены отряда — тюлени настоящие (к ним относятся, например, нерпы) и тюлени ушастые (котики и морские львы), моржи происходят от наземных хищников, однако детали их происхождения во многом остаются неясными. Известно лишь, что древнейший из предков моржей — приморж, обитавший в третичном периоде (остатки его были найдены в Северной Америке), по своему строению был близок к ушастым тюленям. В свою очередь котиков и морских львов некоторые зоологи сближают с медведями. В таком случае оба полярных исполина — морж и белый медведь находятся в некотором хотя и отдаленном родстве.

В пределах своего ареала, в арктических и субарктических водах, моржи образуют несколько самостоятельных стад. Наиболее крупное из них (к нему относятся и животные с острова Врангеля) ныне обитает в Беринговом и Чукотском морях; зиму эти моржи проводят в Беринговом море — у кромки льда и вообще в его незамерзающих частях. Второе стадо моржей круглый год обитает в советской Арктике — в море Лаптевых и

Восточно-Сибирском море. Наконец, моржей можно встретить в арктических морях, примыкающих к Атлантическому океану, — в Баренцевом и Карском, у берегов Гренландии и Восточной Канады. Представителей этих трех стад зоологи соответственно относят к трем различным подвидам: тихоокеанским моржам (они достигают наибольших размеров, наиболее длинны и толсты и их клыки), лаптевским и атлантическим моржам.

В своем распространении моржи приурочены преимущественно к прибрежным или мелководным участкам морей. По сравнению с настоящими тюленями они менее приспособлены к жизни в воде (нерпа, например, может пробыть под водой двадцать минут, морж — только десять), тем не менее эти исполины могут нырять и добывать корм на глубинах до семидесяти пяти — восьмидесяти метров. При плавании в отличие от настоящих тюленей, использующих только задние ласты, или ушастых тюленей, гребущих только передними лапами, моржи пользуются и «руками», и «ногами». В то же время животные избегают сплоченных льдов: когти на их лапах малы и непригодны для того, чтобы процарапывать лунки, поддерживая их открытыми (как это делают нерпы). До тех пор пока толщина льда не превышает семи-восьми сантиметров, морж еще пробивает его головой. Более толстый лед для него непреодолим. Зато оказавшись на сплоченных или смерзшихся льдах, морж может проползти большое расстояние до воды, которую, как и белый медведь, безошибочно находит каким-то особым чувством. Ползет он, конечно, медленно, судорожно дергаясь всем телом и напоминая в движении громадную гусеницу, однако движется к воде подчас за десятки километров, по кратчайшему расстоянию, переползая через встречные гряды торосов и даже обширные участки суши.

Приуроченность моржей к побережьям объясняется и тем, что животные вынуждены проводить много времени на суше или на льдинах. Здесь они размножаются, линяют, отдыхают. В отличие от настоящих тюленей моржи связаны с твердью не в течение какого-либо определенного сезона, а круглый год (в этом также можно видеть относительно слабую специализацию их к жизни в воде).

На своих залежках (а места их более или менее определенные) моржи появляются обычно в конце лета, когда от берегов отходят льды.

Вначале являются одиночки, и они не сразу выходят на берег, а какое-то время плавают вблизи на мелководье, принимают моржи близорукки, неважно слышат и больше всего доверяют своему обонянию). Шумно плещется вода, воздух

оглашают тревожно-вопросительные крики, похожие одновременно и на мычание коров, и на визг свиной. Но вот, решившись, неуклюжими прыжками моржи начинают взбираться на гальку. Большинство их тут же валится на бок и засыпает. С моря подходят, карабкаются на берег все новые и новые косяки.

Сложившаяся залежка являет внушительную картину. Тысячи моржей лежат то на боку, то на животе или на спине, тесно прижавшись один к другому, головами к морю. Местами звери громоздятся в два и даже в три слоя (настолько прочен их костяк); вновь прибывшие без стеснения взбираются на тела товарищей и спят на них. Лишь очень бесцеремонное обращение с соседом вызывает его недовольство, и тогда следует удар бивнями или ластом, впрочем чаще достающийся не нахалу, а ни в чем не повинному собрату. Как по эстафете, удары передаются все дальше и дальше, хотя в самом очаге скандала давно уже воцарилось спокойствие. Воздух сотрясают богатырский храп спящих моржей, мычание, рев и визг бодрствующих. От туш исходит одуряющий, терпкий запах.

Подавляющее большинство лежащих здесь зверей составляют взрослые самцы. Значительно реже, и то лишь по краям залежки, можно встретить подростков, только начинающих самостоятельную жизнь. Со стороны стариков по непонятной причине они всюду встречают явно недружелюбный прием; каждая выходящая из моря партия моржей гонит их все дальше и дальше на «задворки».

Холостые самки и матери с малышами также подходят к суше, однако предпочитают отдыхать на плавучих льдах. Такая залежка мало чем отличается от береговой, разве что бросаются в глаза моржата, спящие в разных позах на материнских спинах. Ложась на лед, животные выбирают окраины крупных полей, а еще охотнее ложатся на небольших, обособленных льдинах. Их не смущает, что под тяжестью забирающихся сюда все новых и новых туш льдина постепенно погружается под воду, что через нее перекачиваются волны. Замечено, однако, что моржи никогда не ложатся на льдины из пресной воды, образовавшиеся в реках и по сравнению с морским льдом гораздо более хрупкие.

Такова более или менее типичная картина распределения моржей на залежках острова Врангеля и Чукотки. В «ледовитые» годы, когда море у берегов полностью не открывается, все моржи — и самки, и самцы — забираются только на льдины. Впрочем, животные могут спать и на воде, что чаще случается, когда нет льдов и почему-либо бывает невозможно использо-

вать сушу. Спят они здесь, отдавшись на волю течений, занимая либо горизонтальное, либо вертикальное положение. В первом случае морж показывает на поверхность только часть спины и кажется большим бурым бугром. Время от времени «бугор» скрывается в морской пучине, на этом месте показывается голова с закрытыми глазами, раздается шумный вздох. Через несколько мгновений голова исчезает, и вновь вырастает «бугор». Если морж спит в вертикальном положении, видны его голова и плечи, поэтому он дышит, не меняя позы. На поддержание вертикального положения морж, по-видимому, не затрачивает усилий. Особый горловой мешок его наполняется воздухом, и этот поплавок свободно держит зверя на плаву.

Где и как странствуют моржи, известно недостаточно. Выяснено лишь, что звери тихоокеанского и атлантического стад, за редким исключением, движутся осенью к югу и проводят зиму у кромки льда. Они, следовательно, круглый год обитают среди разреженных ледяных полей, беспрепятственно добираются до воды, часто имеют возможность выходить на сушу.

Гораздо меньше исследована биология моржей, населяющих море Лаптевых и Восточно-Сибирское море и проводящих в высоких широтах не только лето, но и зиму. В июле — августе они также устраивают залежки на суше — на восточном побережье Таймыра, в устье Лены, на Новосибирских островах. С образованием припая животные уходят в море, и на этом следы их теряются.

Можно предположить, что большую роль в жизни этих моржей играет Великая Сибирская полынья, что здесь-то они и проводят зиму. Ранней весной летчикам иногда удается увидеть у полыньи небольшие группы зверей. Они лежат, тесно прижавшись один к другому, и густо покрыты инеем. Замечено, что в этом случае они выбирают преимущественно старые льдины толщиной не менее полутора метров и чаще ложатся с морской стороны припая, где меньше рискуют оказаться в ледовой ловушке.

И все-таки избежать ловушки им удастся не всегда. Оказавшись среди смерзшихся полей, в большом удалении от открытой воды, они подчас зимуют у продухов, тщательно их поддерживая. Такое отверстие не спутаешь с нерпичьей лункой: диаметр его достигает метра, на краях намерзает толстый ледяной вал. Своих пленников дрейфующие льды, по-видимому, нередко заносит далеко в глубь Центральной Арктики, даже в окрестности Северного полюса. Участь этих моржей печальна: на больших глубинах, если они и располагают продухами, животные не могут достигнуть дна и добыть корм.

Моржам, зимующим в высоких широтах, конечно, приходится переносить и сильные морозы. Судя по наблюдениям очевидцев, кожа зверей может настолько промерзнуть, что хорошо отточенный стальной гарпун лишь скользит по ней. Замерзают и суставы их лап. Если зверь встает, одревеневшие лапы его трещат, а при движении стучат по льду. Впрочем, насколько тяжелы для моржа последствия обморожения, сказать трудно, ибо жир и мышцы под промерзшей кожей сохраняют нормальную температуру.

В марте — апреле, во время весенней миграции, у тихоокеанских и атлантических моржей происходит линька, самки рожают детенышей; в это же время у них наступает и брачный сезон.

Длина тела новорожденного моржонка — около метра, а вес его достигает сорока килограммов. В отличие от детенышей настоящих тюленей шерсть у моржонка очень редкая, и его защищает от холода главным образом слой подкожного жира. Мать необычайно привязана к детенышу; даже раненая, она стремится уйти с ним под воду, обхватив его одним из передних лапов. В том случае, если моржонок убит, самка непременно сталкивает его со льдины и тоже уносит с собой. Интересный случай произошел с моим знакомым охотником на Новой Земле. Охотник (он был одет в меховые куртку и брюки мехом наружу) убил на припае моржонка. У своей добычи он оказался одновременно с моржихой, после выстрела скатившейся со льдины и нырнувшей. Мать сбила человека с ног (очевидно, приняв его за детеныша), обняла лапами и ушла с ним под воду. Охотнику каким-то чудом удалось выплыть, и он спасся.

Очень долго, почти два года, мать пестует малыша (если, конечно, прилично так его называть: ведь, начиная самостоятельную жизнь, он уже достигает двух с половиной метров в длину и около пятисот килограммов веса), причем около двух лет кормит его молоком. Ведь даже у годовалого моржа бивни только начинают показываться изо рта и корм взрослых животных для него недоступен. Самцы никакой видимой заботы о потомстве не проявляют. В течение недолгого брачного сезона они жестоко дерутся между собой, пуская в ход бивни (свидетельством тому служат страшные шрамы и рубцы на их шее и груди). Но затем самцы отделяются от самок и, забыв о былых распрях, образуют самостоятельные залежки. Впрочем, по мнению некоторых зоологов, какую-то часть года моржи живут семьями.

Прирост моржового поголовья происходит медленно. Самки рожают лишь одного моржонка, не чаще, чем раз в три года.

Созревают и становятся способными к размножению самки только в четырехлетнем возрасте, самцы — на год позже. Медленный рост стада в какой-то мере компенсируется большой продолжительностью жизни животных. Установлено, что они доживают до двадцати — почти тридцати лет; не исключено, что некоторые моржи живут и дольше — до сорока лет.

В природе у моржа практически нет конкурентов. Правда, моллюсков или донных ракообразных поедает и крупный арктический тюлень — лахтак, или морской заяц (ни в облике, ни в повадках его, конечно, ничего заячьего нет). Однако видовой состав этих кормов существенно отличается от поедаемых моржами. К тому же в рационе лахтака большое место занимает рыба, вовсе не привлекающая моржей. Следовательно, моржи почти безраздельно пользуются здесь дарами морского дна.

Характерная особенность животного мира высоких широт — периодические изменения численности большинства видов. На арктической суше облик его в конечном счете определяется обилием леммингов, в морях — подходами полярной трески — сайки. Высокие «урожаи» леммингов и сайки нередко совпадают и случаются через каждые три — шесть лет. Такие годы характеризуются «пиком» численности песцов, большинства птиц и, как оказывается, даже моржей, хотя их благополучие не стоит в прямой связи с рыбой, а тем более с грызунами. Непосредственные причины этого интересного явления неизвестны. Некоторые зоологи предполагают, что численность морских млекопитающих, в том числе и моржей в Арктике, зависит от меняющейся ледовой обстановки, в свою очередь определяющей температуру вод, развитие беспозвоночных организмов и успех размножения сайки; другие склонны подозревать здесь влияние изменений в солнечной активности, хотя это «объяснение» мало о чем говорит. Там, где на них не охотятся, подавляющее большинство моржей живет до глубокой старости. Как уже говорилось, врагов в природе у них почти нет.

Какие-либо массовые и тяжелые заболевания, свойственные моржам, также неизвестны. Возможно, что животные иногда гибнут от поселяющихся в их желудке, тонких кишках, печени паразитов. В последние десятилетия немало моржей стало гибнуть и еще по одной причине: исполины давят друг друга, когда самолет, низко пролетающий над лежбищем, пугает зверей и среди них начинается паника. Детеныши подчас погибают от голода и истощения, отбившись от своих матерей.

Моржам, несомненно, доставляют много беспокойства наружные паразиты — «моржовые вши», поселяющиеся на коже, особенно у корней усов и в глубоких складках. Пытаясь осво-

бодиться от своих мучителей, звери катаются на льду или суше, трутся о льдины и камни.

С моржами, конечно, были хорошо знакомы древние обитатели побережий северных морей. Например, на Чукотском полуострове в местах поселений предков современных чукчей и эскимосов археологи находят хорошо сохранившиеся остатки гарпунов, применявшихся палеолитическими охотниками, вырезанные из моржовых бивней различные фигурки, украшения или бивни со следами тонкого, разнообразного орнамента.

Моржи, во всяком случае их бивни, с незапамятных времен известны и в Западной Европе. Одно из древнейших сведений о них принадлежит норманнскому вождю Отару. В 870—890 годах он совершил поход в Биармию (на Кольский полуостров и, быть может, Белое море), где охотился на моржей и добывал их бивни. Незамысловатое повествование этого мореплавателя, записанное с его слов английским королем Альфредом Великим, дошло до наших дней. В X веке моржовые бивни начали поступать в Европу из Гренландии от обосновавшихся там колонистов-скандинавов. Столетием-двумя позже основными поставщиками «рыбьего зуба» (моржовых бивней) стали русские поморы, выходявшие на промысел зверей в Белое море, на Грумант (Шпицберген), на Матку (Новую Землю), а впоследствии и на Чукотский полуостров.

И тем не менее вплоть до позднего средневековья моржи порождали в цивилизованном мире бесчисленное множество фантастических рассказов и описаний, рисовавших ужасную внешность животных, их необыкновенные дикость и свирепость; бытовали невероятные истории о способах охоты на полярных исполинов. Еще в середине XVI века весьма просвещенный шведский картограф и миссионер Олаус Магнус писал о моржах, что те карабкаются на высокие скалы при помощи бивней и, зацепившись ими за трещины, на много часов повисают в воздухе. Именно в это время, по Магнусу, здесь появляются охотники. Они вырезают на спинах и боках животных длинные полосы кожи, крепят концы их к скалам и после этого будят моржей, бросая в них большие камни. Проснувшись, исполины кидаются в море, оставив охотникам свои шкуры.

По силе разыгравшейся вокруг них фантазии моржи, возможно, превосходят всех других животных. Достаточно сказать, что семейство, к которому они относятся, носит латинское название *Odobenidae*, что значит «те, кто ходит на зубах», а рыбаки, изредка встречающие моржа в шотландских водах, еще в прошлом столетии называли его зверем «на земле невиданным и вида дьявольского».

Какие только названия не носили они в древности! Отар называл их морскими конями или лошадиными китами (*Horsvålum*). На суше морж действительно имеет отдаленное сходство с лошастью, особенно если приглядеться к его сильной, изогнутой шее и спине. Что-то «конское» можно уловить и в строении его головы, если на нее смотреть сбоку. Моржи были известны под именем морских коров (*Vacca marina*), необыкновенных морских свиней (*Porcus monstruosus Oceani Germanici*) и даже полярных бегемотов. Укоренившееся во многих современных европейских языках название моржа — *Walroß*, *Walruß* — соответствует старому англосаксонскому *Horsvålum* («морской конь»). Второе распространенное в Европе название животных — *Mors*, *Morsus*, — по-видимому, происходит от русского «морж». В свою очередь можно предположить, что это слово родилось на заселенных поморами берегах Белого моря и как-то увязывается с понятиями «море», «морской».

Морж — одно из ценнейших промысловых животных Арктики. От него получают более двухсот килограммов жира, громадную толстую шкуру (перед выделкой она может быть разрезана вдоль на несколько слоев), около тонны мяса (вполне съедобного, тем более у молодых животных). Без промысла моржей еще до недавнего времени была немыслима жизнь коренного населения многих районов Крайнего Севера, особенно эскимосов и чукчей. Не случайно у этих народов бытовал в прошлом «праздник голов». На нем разыгрывалась символическая охота на моржей, и охотники обращались к ним с почти-тельными речами...

Эти исполины давали людям мясо для еды и кормления ездовых собак, шкуры для постройки жилищ и лодок. Желудки и кишки использовались для шитья непромокаемой одежды и изготовления домашней утвари, сухожилия моржа заменяли нитки. Не пропадали даже кости животных: их использовали для постройки лодок и саней. Кости применялись и как кухонная утварь: лопатка моржа, например, заменяла блюдо. Наконец, кости моржей заменяли дрова: их поливали моржовым жиром и сжигали в очагах.

Характерно, что у народностей Севера, живущих вблизи морских побережий, существуют различные, иногда многочисленные названия для старых и молодых моржей, для самцов и самок, причем звери каждой возрастной и половой группы используются в хозяйстве особо. Старого самца чукотские эскимосы называют «антохпак», американские эскимосы — «антохнак» или «антохкапийок» (старик с плавучей льдины), чукчи — «кытхвойю»; шкуры таких животных очень толстые, мор-

щинистые, с многочисленными рубцами и шрамами и вообще не поддаются обработке. Не особенно ценится и их мясо, очень грубое и жесткое. Старая самка («агнасалик» или «ангрук» — по-эскимосски или «наурырка» — по-чукотски) дает хотя и толстую, но большую шкуру, пригодную для постройки байдары. Мясо ее тоже жесткое, однако немного нежнее, чем у старого самца. Шкура молодого, но уже подросткового самца, которого эскимосы называют «ункавак» или «нукоблук», хороша для изготовления ремней. Мясо его, так же как и молодой подростковой самки (по-эскимосски «айвок»), неплохое на вкус и довольно нежное. Из шкуры совсем маленького детеныша, который по-эскимосски называется «кассекак» (крикун) или «иззаквук» (большой ласт), а по-чукотски — «кайрырка», делают подошвы для обуви. Мясо его наиболее нежно.

Разные названия даются моржам даже в зависимости от того, где они находятся: моржа, плывущего в воде, эскимосы называют «айвок», чукчи — «рырка»; лежащего на льдине первые называют «унавок», вторые — «портрат». Моржа, лежащего на берегу, эскимосы называют «укхток».

Наиболее известен морж как поставщик ценных бивней. Наряду со слоновой «костью» они издавна используются для различных поделок: в средние века порошок из них применялся также как дорогое лечебное средство. Уже в начале колонизации европейцами Гренландии (X век) моржовые бивни служили денежным эквивалентом при торговых сделках. По свидетельству летописей, удельные князья посылали «рыбий зуб» ко двору киевского князя наряду с драгоценными мехами и другими самыми дорогими подарками. До начала массового промысла моржей на западе Баренцева моря (XVII век) цена одного фунта бивней достигала в Европе баснословной по тем временам суммы — двадцати пяти голландских гульденов. Не менее высоко ценились бивни и в странах Востока — Персии, Византии, в Средней Азии. Там они использовались преимущественно как материал для отделки ножей и кинжалов.

Не удивительно поэтому, что бивни моржей всегда были заманчивым трофеем для охотников и зверобоев, что добыча их представляла немаловажный стимул в продвижении европейцев на Север. Особенно это относится к русским поморам, пускавшимся в поисках «рыбьего зуба» в трудные плаванья по арктическим морям, предпринимавшим удивительные по смелости походы в Сибирь.

В XV—XVI веках поморские промыслы распространились уже на большую часть местобитаний моржей в Белом и Баренцевом морях. Охота на зверей и добыча «рыбьего зуба» пре-

вратились в потомственную профессию многочисленных поморских семей из Холмогор, Мезени, Пинеги, Пустозерска и других поселений, в важную отрасль хозяйства поморских монастырей. С середины XVII века русские землепроходцы начали регулярно доставлять ценный «рыбий зуб» с северо-востока Сибири. В 1646 году казак Исай Игнатьев первым проник на северное побережье Чукотки. Он же впервые привез в Якутск партию бивней, вымененных им у чукчей. Шестью годами позже состоялось известное плавание Семена Дежнева вдоль берегов всего Чукотского полуострова. Совершилось замечательное географическое открытие, был найден пролив между Азией и Америкой. Однако главной, ни более важной своей находкой Дежнев счел обнаруженные им в устье реки Анадырь громадные моржовые лежбища и скопления «заморной кости» (бивней зверей, по разным причинам погибших на суше).

Большое внимание добыче «рыбьего зуба», развитию этого промысла придавалось и в столице Русского государства. Еще в XV веке в России была установлена государственная монополия на торговлю бивнями. Служилые люди, находившиеся на государственной службе, обязаны были сдавать в казну всю добытую «кость», с остальных промышленников взималась десятинная подать (одна десятая часть добычи). Специальными «отписками» (распоряжениями) учрежденного в Москве Сибирского приказа четко определялись сорта «рыбьего зуба»: минимально пригодная величина его могла быть «не меньше гривенки весом», выделялись «большой и средний зуб» и, наконец, «из двух голов пуд, или восемь костей в пуд» (для таких бивней вводилась штучная расценка). Даже в Якутске в XVII веке государство платило промышленникам по пятнадцати — двадцати рублей за пуд бивней.

С развитием моржового промысла, особенно на севере Атлантики, цена на этот товар постепенно падала, однако и в наши дни бивни находят себе сбыт. Их как сувениры охотно покупают приезжающие в Арктику туристы. Во всем мире пользуются популярностью фигурки животных, броши и другие украшения, искусно вырезанные современными северными умельцами из моржовой кости, бивни с выгравированными на них рисунками. Особенно известны чукотские косторезы, главная «штаб-квартира» которых находится вблизи Берингова пролива, в поселке Уэлен, а также потомственные поморы, резчики по кости из села Холмогоры (Архангельская область).

Промышленники-европейцы, хотя и не в такой степени, как эскимосы или чукчи, тоже не оставляли без внимания туши животных, издавна использовали жир и шкуры моржей. Извест-

но, например, что при постройке Кёльнского собора употреблялись ремни из моржовой кожи, поставляемые в Западную Европу русскими поморами; кое-где еще не так давно станки вращались с помощью приводных ремней из кожи моржа.

С каждым годом увеличивается спрос на живых моржей. Попадая в зоопарки, они неплохо переносят неволю, иногда живут в ней по десять и более лет и неизменно бывают окружены толпами зрителей. Впрочем, подобного рода хозяйственное использование животных также восходит к глубокой древности: еще в 1606 году в Англию был доставлен живой морженок, пойманный охотниками у острова Медвежьего. В зоопарки и теперь поступают преимущественно молодые животные, в возрасте всего лишь нескольких месяцев. Те из них, кого удастся приучить к необычному корму и вырастить, как правило, проявляют в неволе недюжинные умственные способности, сильно привязываются к обслуживающим их людям и хорошо поддаются дрессировке. В Московском зоопарке у бассейна, в котором круглый год живет большой морж Барон (хотя это самка), всегда много людей. К сожалению, посетители зоопарков не видят у моржей, и у Барона тоже, их главного украшения — бивней. Все дело в том, что животных содержат в бетонированных бассейнах. И хотя моржи питаются в неволе рыбой, рефлекс распахивания дна у них сохраняется и свои бивни они начисто стирают о бетон. Кстати, по этой причине моржи в зоопарках чаще всего и гибнут, так как стирание бивней к тому же сопровождается развитием в них воспалительных процессов.

Охотятся на моржей, конечно, совсем не так, как представлял это себе Олаус Магнус. Современные зверобои, вооруженные крупнокалиберными винтовками, выходящие в море на моторных судах, конечно, справляются с моржами без большого труда. Однако в прошлом, если даже учесть, что животные меньше боялись человека, добыча их без помощи огнестрельного оружия, а тем более стальных копей и гарпунов представляла нелегкую задачу. В самом деле: стрела или копьё с кремневым либо костяным наконечником должны были пронзить прочную кожу толщиной в два-три пальца, упругий слой подкожного жира и, миновав массивные кости, точно поразить зверя в сердце. Даже владея стальными орудиями, охотники не всегда справлялись с полярными исполинами. Об этом свидетельствует, например, красноречивый рассказ Де-Фера — спутника Виллема Баренца в плавании к Новой Земле (в конце XVI века): «Моряки думали, что это стадо моржей, возившихся на песке, не может защищаться на суше, и потому напали на них, чтобы овладеть их клыками, но поломали свои тесаки, топоры и копьё».

не сумев убить ни одного; только у одного они выбили клык, который и унесли. Не добившись в этой борьбе никакого успеха, они решили вернуться на корабль и привезти оттуда пушки и с ними атаковать моржей, но поднялся очень сильный ветер, который стал ломать лед на большие глыбы, так что от этого намерения пришлось отказаться».

Впрочем, еще задолго до плавания Баренца русские поморы выработали надежные приемы охоты на моржей, передававшиеся из поколения в поколение, от отцов к сыновьям. В большинстве случаев они старались застать зверей спящими на берегу и, незаметно подкравшись к лежбищу со стороны моря, неожиданно нападали, причем старались колоть крайних, чтобы других загнать дальше на берег, где моржи оказывались относительно беспомощными. Поморы убивали зверей копьями с узким наконечником («спицами») и остроконечными гарпунами, к концам которых привязывали длинную веревку или ремень, называвшиеся обором. К другому концу обора прикреплялась пустая закупоренная бочка, выполнявшая роль поплавка (благодаря ей убитый морж не мог утонуть в море). Сходный прием охоты на моржей во время их залегания на суше до последнего времени применялся также чукчами и эскимосами. По мере совершенствования огнестрельного оружия все большее развитие получал промысел зверей в море или на плавучих льдинах. Так в основном добывают моржей и в наши дни. Зверобой подходит к стаду на кожаных байдарках или деревянных вельботах, стреляют в плывущего моржа, стараясь лишь ранить его и тут же вонзить в тушу гарпун. Поплавки из перничьих шкур или железных бочек, прикрепленные к гарпуну, держат добычу на плаву. Впоследствии морж погибает от потери крови или от новых пуль. Зверей, лежащих на льдинах, охотники стараются убивать наповал.

Нельзя сказать, что моржовый промысел даже теперь легок и вполне безопасен. Много невзгод доставляет зверобоям суровое море: людей часами окатывают холодные волны, льды грозят раздавить байдару или вельбот. Тяжела разделка громадных моржовых туш. К тому же всегда есть опасность, что на шлюпку нападет раненый зверь, ударит в днище или борт бивнями и пробьет обшивку.

Напугать гребцов, даже искупать их в море может и вполне здоровый морж; изредка случается, что он подплывает к шлюпке и, закинув в нее бивни, повисает на борту (любопытство, очевидно, свойственно не только человеку). Раненый и разъяренный морж тем более опасен. Моржи, по мнению зверобоев, очень боятся крови и вообще всего красного. Поэтому на

Чукотке можно увидеть лодки с днищами, выкрашенными снаружи красной краской; считается, что в таком случае меньше риск нападения зверей. Бывает, что при разделке убитых моржей на льдинах зверобой выдерживают и настоящие осады. Животные в силу развитого у них чувства товарищества пытаются как-то помочь своим пострадавшим соплеменникам, отвоевать у людей туши и столкнуть их в море. У охотников в таком случае остается лишь один выход — отстреливаться от осаждающих льдину зверей, без пользы убивать и топить их.

Усиленный промысел моржей, развивавшийся столетиями, естественно, не мог не отразиться на их запасах. Еще в сравнительно недавнем прошлом область распространения животных была значительно обширнее современной. Моржи обитали не только в арктических водах, там, где их встречают и в наши дни, но и на севере Атлантического и Тихого океанов. Как мы уже видели, они населяли Белое море, были нередки также у берегов Шотландии, северного побережья Норвегии, в Охотском море. По-видимому, колоссальной была и их общая численность на земном шаре: например, в XVIII веке только с Европейского Севера поступало на рынок до тридцати тонн бивней в год, добывалось же моржей по меньшей мере пять-шесть тысяч в год. В Беринговом море, по современным подсчетам, за последние сто лет было уничтожено от двух до трех миллионов моржей.

Запасы животных стали сокращаться особенно быстро с середины прошлого века, когда зверобоями были уже выбиты в Арктике гренландские киты и моржи наряду с тюленями стали здесь главным объектом промысла. В это же время распадалось в стойбищах Крайнего Севера натуральное хозяйство. Эскимосы и чукчи становились добытчиками и продавцами пушнины. Промысел пушных зверей требовал огромного числа упряжных собак, собак нужно было кормить мясом...

Современная общая численность моржей в Баренцевом море ничтожно мала, а в Карском море они уже практически исчезли. Неблагополучно положение с запасами животных, обитающих у берегов Западной Гренландии и Восточной Канады. Стадо, населяющее море Лаптевых и Восточно-Сибирское море, впрочем, и в прошлом самое малочисленное, состоит не более чем из пяти-шести тысяч голов. На побережье Аляски сто лет назад добывалось до десяти тысяч моржей в год, а шестьдесят лет назад — лишь тридцать моржей. Вообще стадо, обитающее в Чукотском и Беринговом морях, еще в середине XVII века (до широкого развития коммерческого промысла) насчитывало около двухсот тысяч моржей, а сейчас оно не превышает

пятидесяти — шестидесяти тысяч особей (из них около сорока тысяч обитают в СССР).

Техника и способы добычи животных, применявшиеся в последние семьдесят—восемьдесят лет (за это время они мало изменились), истребительны не только в силу высокой производительности труда охотников, но и потому, что ведут к бесцельной гибели большого количества моржей, сокращают и без того медленный прирост их поголовья. При промысле в море, как правило, большая часть туш не достается зверобоям и тонет (загарпунить моржа гораздо сложнее, чем его убить). Гонясь за крупными самцами, охотники уничтожают их в первую очередь и тем самым нарушают нормальное соотношение самцов и самок, взрослых и молодых зверей в стаде.

Судьба моржей вызывает в мире все большее беспокойство. Полное истребление моржей (а такая участь им угрожает) означало бы — оставляя в стороне чисто научный интерес к этому виду — добровольный отказ человечества от использования обильных даров северных морей, вовлекаемых в хозяйственный оборот с помощью этих исполинов. В самом деле, у побережий Гренландии, в Баренцевом, Беринговом, Чукотском морях на одном квадратном метре дна нередко обитает свыше трехсот и даже пятисот граммов различных живых организмов, в основном поедаемых моржами моллюсков. Лишиться моржей — а ведь у них практически нет конкурентов — значит потерять доступ к этим богатствам. Моржи, следовательно, имеют большую не только прямую, но и косвенную хозяйственную ценность.

Отношение чукчей, эскимосов и других коренных жителей Крайнего Севера к своим кормильцам-моржам могло бы служить примером бережного, рачительного использования запасов животных. Вот лишь один из примеров. В начале нашего века, когда количество моржей на Инчоунском лежбище (на Чукотке) стало заметно сокращаться, местные чукчи по своей инициативе организовали охрану животных и выделили для этого специальную стражу. Стражники следили за тем, чтобы исполинов, особенно в первые дни их появления на берегу, не беспокоили, чтобы до конца существования залежки поблизости не жгли костров, чтобы охотники не добывали здесь зверей больше, чем было действительно необходимо для жизни людей, причем на промысле разрешалось использовать только пики. Нарушителей ждала суровая кара. Эти простые меры оказались весьма действенными, лежбище с каждым годом все увеличивалось.

В последние десятилетия охрана моржей получила практическое выражение и в государственной политике стран, владе-

ющих Арктикой, причем начало ей было положено Советским Союзом. С 1956 года в советской Арктике полностью прекращен государственный промысел зверей; в ограниченном количестве их разрешается добывать теперь для своих нужд только коренным жителям Севера; штраф за незаконную добычу моржа составляет девятьсот рублей. В СССР запрещено также строительство маяков и других сооружений там, где моржи устраивают свои лежбища. В 1976 году на острове Врангеля, где располагается крупнейшая в мире залежка исполинов, как уже упоминалось, организован государственный заповедник, и эта мера, несомненно, будет играть большую роль в сохранении и восстановлении запасов животных. Очень заманчива перспектива восстановления стада моржей в Белом море. Энтузиасты выступают с такими проектами, да и сами звери словно пытаются восстановить свой ареал и все чаще показываются в последние годы в беломорских водах. Вот, например, случай, происшедший в марте 1976 года. Известный советский ученый, знаток этих животных, Л. А. Попов, облетая северную часть Белого моря на вертолете, заметил лежащего на льдине моржа. При посадке вертолета на льды морж ушел в воду и долго не появлялся. Но вот лед в разводе внезапно приподнялся, и на поверхности показался морж. Спокойно взломав лед толщиной в десять — двенадцать сантиметров, он уперся передними лапами о край льдины и, наполовину высунувшись из воды, некоторое время рассматривал людей, находившихся в непосредственной близости от него. Не выдержавший тяжести моржа лед обломился, и животное ушло под воду. Через несколько минут морж снова пробил лед и опять принялся разглядывать людей. Так повторялось несколько раз. Судя по размерам и форме клыков, можно было предположить, что этот морж — самец в возрасте четырех-пяти лет.

Государственный промысел моржей прекращен теперь в США, Канаде, Норвегии, и запасы животных стали сокращаться медленнее, а кое-где даже восстанавливаются. И все же угроза истребления полярных исполинов не миновала. В Красных книгах как Международного союза охраны природы и природных ресурсов, так и СССР значатся моржи двух подвидов — атлантического и лаптевского. Это редкие животные нашей фауны с «негарантированными условиями для дальнейшего выживания», как говорится о них в официальных документах. Судьба их, следовательно, вызывает опасения. Моржи требуют к себе большего внимания, действенной опеки. Они должны сохраниться на земном шаре.

РАЗГРЕБАЮЩИЕ СНЕГ

Кончался обычный экспедиционный день. Уже лежа в спальных мешках, мы неторопливо делились впечатлениями о сегодняшних маршрутах по Таймырской тундре (в то лето здесь проходила наша работа), обсуждали завтрашние планы.

Однако ночь на этот раз выдалась беспокойная. Беседу на полуслове прервал странный шум. Вначале это походило на далекие порывы ветра, вскоре они слились, и казалось, где-то, прорвав плотину, зашуршал водяной поток. Все выскочили из палатки. Понять сразу, что происходит, было трудно. На нас катилась какая-то темная волна. В сгустившихся сумерках можно было рассмотреть только, что она «двухслойная»: сплошная снизу и более редкая, похожая на дымку — сверху.

Волна быстро приближалась. Стали различимы топот и сухой треск копыт, чавканье шагов на болотинах, грубые, хриплые голоса. Недоумение рассеялось. Шло стадо диких северных оленей, и лощина, где мы разбили свой лагерь, оказалась на пути животных. Теперь было видно, что олени движутся широким

сомкнутым фронтом, что над ними колышется ажурная чаща рогов (вот чем оказалась «дымка»), что в их рядах среди взрослых темными пятнами мелькают телята. Стадо охватывало нас справа и слева. Олени вот-вот могли смять палатку, растоптать все наше имущество, а «за компанию», возможно, и нас самих. Ничего другого не оставалось, как схватить ружья и начать палить в воздух.

Размахивающие руками человеческие фигуры, крики, яркие вспышки и грохот выстрелов заставили ближайших к нам оленей шарахнуться в стороны, и живая лавина сразу же стала обтекать лагерь. К счастью, — поскольку запас патронов у нас был ограничен — опасность быть смятыми этой живой лавиной довольно быстро миновала. Стадо постепенно отвернуло и скрылось из виду, но долго еще, и час, и два, слышались шуршание, гул, казалась, даже вздрагивала земля под ударами множества копыт. Наделавшее суматоху стадо выше нашего лагеря переправилось через реку, и потом целый день, как память о происшедшем, по поверхности воды плыла оленья шерсть.

Даже для наших дней это переселение оленей было довольно миниатюрным, но и оно производило впечатление. А ведь еще недавно встречались многотысячные их стада; они шли непрерывно, по многу дней, переправляясь через большие реки, например через Юкон, и заставляя сутками простаивать пароходы, а их рога издали напоминали бескрайний движущийся лес!

Поражает не только размах миграций северного оленя, хотя их протяженность достигает пятисот — семисот и даже иногда превышает тысячу километров, и в этом отношении олень может соперничать с перелетными птицами. От всех оленей мира эти животные отличаются тем, что рога у них имеют и самцы, и самки. Какой в этом заключен биологический смысл, сказать трудно. Советский эколог П. П. Тарасов предполагает, что именно рога помогают самкам (конечно, уступающим в весе и физической силе самцам) отстаивать зимой «право на лунку» и тем самым «право на корм». Казалось бы, логично. Ведь именно самцы лишаются рогов еще осенью, а последними, уже весной, сбрасывают их беременные самки. А с другой стороны, стада «дикарей» зимой однополы, и соперничать самкам, следовательно, не с кем. Среди домашних оленей нередки комолые животные, и они оказываются упитанными не хуже своих рогатых сородичей. В общем, здесь еще не все ясно, и вопрос этот ждет своего решения.

Но, пожалуй, самое удивительное в северном олене — способность стойко переносить морозы, добывать корм из-под глубокого и плотного снега, не проваливаясь, ходить и по снегу, и

по топким болотам. Словом,— если допустимо использовать здесь техническую терминологию — его можно назвать «оленом в северном исполнении».

Зимний мех животного необычайно густой, состоит из длинных остевых волос, очень ломких, потому что они наполнены воздухом, и нежных извитых волос подшерстка, между которыми также содержится воздух. Олень одет, следовательно, как бы в «двойную шубу». Шерсть его настолько плотна, что ее не продувает ветер, а обилие в ней воздуха придает оленю прекрасную плавучесть, поэтому-то не страшны ему переправы через широкие реки. Следует добавить также, что у северного оленя покрыто шерстью все тело, включая и кончик морды (тогда как у большинства оленей нос остается голым). Как уже говорилось, роль окраски меха в сохранении животными тепла остается неясной. Но тем не менее обращает на себя внимание, что наиболее северные расы этого вида становятся зимой очень светлыми, даже белыми, в то время как мех «южан» остается бурым или темно-бурым.

Не так давно было обнаружено, что подкожный жир на ногах у оленя (как и на ногах овцебыка) плавится при температуре более низкой, чем жир других частей тела, а ток крови здесь замедлен. В этом тоже заключен большой биологический смысл, поскольку именно ноги соприкасаются со снегом и наиболее уязвимы для холода. Потерю тепла животное уменьшает за счет слабого кровообращения в ногах, а ноги в свою очередь не мерзнут благодаря особым свойствам находящегося здесь подкожного жира.

Замечательны копыта оленя. В роговые «башмаки» одеты все четыре пальца, причем на боковых пальцах «башмаки» эти длинные и касаются земли (у других оленей они расположены высоко над землей). На средних пальцах роговые чехлы необычайно широки и изогнуты в виде совка. Зимой они разрастаются и становятся еще шире. При ходьбе по топкой почве или рыхлому снегу, когда животное раздвигает пальцы, копыта его превращаются в своего рода «снегоступы» или «болотоходы». Кроме «башмаков» важную роль играют здесь также «щетки» — пучки длинных и жестких волос, растущие между пальцами. Волосы «щеток» торчат в разные стороны, и поэтому копыта северного оленя не только имеют большую опорную поверхность (например, у лося она в четыре раза меньше), но и не скользят, когда животное идет по льду или обледеневшему снегу.

Американское (английское) название дикого северного оленя *caribou* (карибу) происходит от «ксалибу» индейцев-микма-

ков. В переводе это индейское слово значит «разгребающие снег». Название очень удачное, поскольку копыто служит оленю не только снегоступом, но и орудием для разрушения снежного покрова. Сильные, подвижные в суставах ноги (а олень без труда чешет себя задней ногой за ухом) в сочетании с прочными и широкими копытами дают оленю возможность добывать корм из-под почти метровой толщи снега, разгребать заструги, едва подающиеся железной лопате.

Еще недавно, вплоть до конца прошлого столетия, северный олень был широко распространен в тундрах, таежной полосе и на арктических островах Европы, Азии и Северной Америки. В начале нашей эры он обитал на территории современной Украины и, по-видимому, в Центральной Европе. В периоды же оледенений животные обитали во всей Западной Европе, вплоть до ее южной части, и на большей части современной территории США.

В Евразии кроме диких широко распространены и даже численно преобладают домашние северные олени. И своим внешним видом, и образом жизни они не очень сильно отличаются от своих диких предков.

Диких представителей этого вида зоологи подразделяют на большое количество подвидов, однако все они могут быть объединены в две большие группы — лесных и тундровых животных. Лесные олени, как правило, более крупные, живут оседло или совершают лишь небольшие перекочевки и даже в прошлом не были очень многочисленны. Тундровые олени объединяются подчас в громадные стада и совершают регулярные, иногда очень дальние миграции.

Северные олени — главные потребители тундровой растительности. Летом они едят травы, листья ивняков, грибы. Зимой важное место в их питании занимают ягель и другие лишайники, которые олени хорошо чуют сквозь толстый слой снега. В общем они очень неприхотливы к кормам, благодаря чему и распространены на Севере столь широко.

Животное это, конечно, травоядное. Однако у оленя, особенно домашнего, проявляются и «хищные» наклонности. Он не упустит случая поймать и проглотить лемминга, найдя птичье гнездо, съест яйца или птенцов. Несколько раз мне приходилось видеть, как олень охотился за куропатками: осторожно подбирался к птице, уверенным, прицельным ударом копыта убивал ее, а затем очень долго, перекалдывая с одной стороны рта на другую, пережевывал и съедал целиком, вместе с перьями. Олень очень падок также на соль, охотно гложет кости, рога — не только найденные на земле, но и на голове соседа.

Впрочем, если учесть, что большую часть года он кормится лишайниками, а они очень бедны белками и минеральными солями, оленя можно понять и даже оправдать.

Нетрудно объяснить также, почему домашний олень в большей степени «хищник», чем дикий. Первый ограничен в своем передвижении, а значит, и в выборе кормов. Второй пасется свободно, меню его разнообразнее и лишайники не играют в нем столь большой роли.

Дикие олени, относящиеся к тундровым подвидам, в большинстве случаев весной откочевывают на север, к побережьям Северного Ледовитого океана, а на зиму отходят к югу, к границам лесотундры, в саму лесотундру или даже проникают в таежную полосу.

В пути к местам зимовок, в октябре — ноябре, когда олени собираются в самые крупные стада, их застает брачный сезон. Самцы в это время преобразуются: у них как бы распухает шея — здесь накапливается толстый слой жира, они становятся драчливыми и неосторожными, далеко по тундре разносятся хрип возбужденных соперников, сухие удары их рогов. Но кончаются турниры, бойцы сильно худеют, а затем сбрасывают рога (самки сохраняют их до весны) и вообще становятся невзрачными на вид.

Зимой стада разбиваются. Самцы, объединившись в небольшие компании, продолжают свои переходы к югу. Самки и подrostки обычно остаются у южных подступов к тундре, может быть потому, что здесь не так глубоки снега и легче добывать корм. Ранней весной начинается путешествие животных к северу, причем первыми идут взрослые самки. В конце апреля — в мае они добиваются до известных им в тундре укромных мест и задерживаются здесь, чтобы произвести потомство, дать оленятам возможность окрепнуть. Летом самцы и самки с телятами пасутся врозь, а осенью вновь собираются в общие стада. Домашние олени, хотя они и живут под надзором пастухов, совершают примерно такие же кочевки. В отличие от диких оленей у них лишь раньше, примерно на месяц, проходят гон и отел.

Но не все олени откочевывают на зиму к югу, где и отдельные деревья все же умеряют силу ветра. Часть животных остается зимовать в открытых тундрах и переносит здесь все невзгоды долгой полярной ночи.

Как выяснилось при изучении императорских пингвинов, обитающих на Антарктическом континенте, им в их противоборстве с морозом и пургой очень помогает жизнь большими колониями. Установлено, например, что температура тела у стол-

пившихся пернатых на два градуса выше, чем у птиц, которые держатся поодиночке. В сильный холод и ветер (а размножаются пингвины зимой) родители вместе с птенцами сбиваются в тесную толпу. Крайние пингвины все время протискиваются внутрь, под защиту соседей. Толпа поэтому постоянно перемещается и медленно перемещается то в одну, то в другую сторону. Округлой формой и неторопливым движением эти пингвины скопления напоминают какую-то исполинскую черепаху. Именно так биологи их и называют.

«Но ведь это тоже «черепаха»», — подумалось мне, когда я впервые увидел, как спасаются олени от холода и ветра зимой на острове Врангеля.

Стоял примерно сорокаградусный мороз. Пока наш вездеход поднимался по склону, гребни заструг таяли в потоках поземки, а значит, здесь как следует задувало. Затем, когда мы скатились в лощину, поземка слегка утихла, хотя все равно колючая снежная пыль насквозь пронзала брезентовую обтяжку машины. Здесь, в лощине, нам и встретилось стадо. Оно выглядело чем-то единым, до предела плотным, и его, как перина, окутывало облако пара. Животные подпустили к себе очень близко, и стало хорошо видно, что крайние олени минуты не стояли спокойно, стремясь оказаться внутри этой живой стены, отчего стадо находилось во вращательном движении и постепенно изменяло свои очертания.

Хотя дело происходит у противоположных полюсов Земли и составляют «черепах» животные, относящиеся к разным классам, природа решает задачу одним и тем же и, наверное, единственно возможным путем.

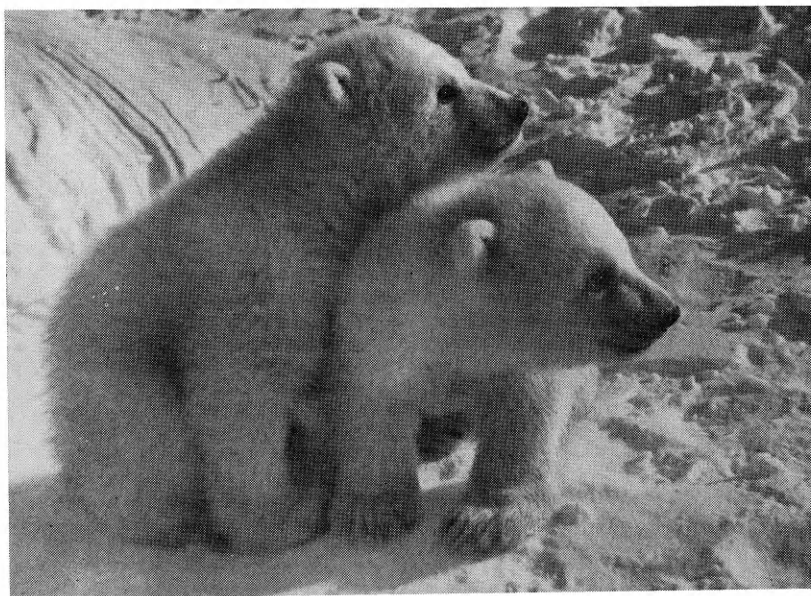
Но не только это преимущество получают олени, живя стадами. Летом «черепахи» помогают им спастись от гнуса. Они спокойно лежат и пережевывают жвачку, лишь находясь в компании. Одиноким животным, не чувствуя себя в безопасности, всегда настоятельно и практически не отдыхают. Зимой, добывая корм, они ходят по тропам, а то и по траншеям, проложенным наиболее сильными оленями, и тем самым экономят немало сил. В стаде животные меньше доступны и для хищников.

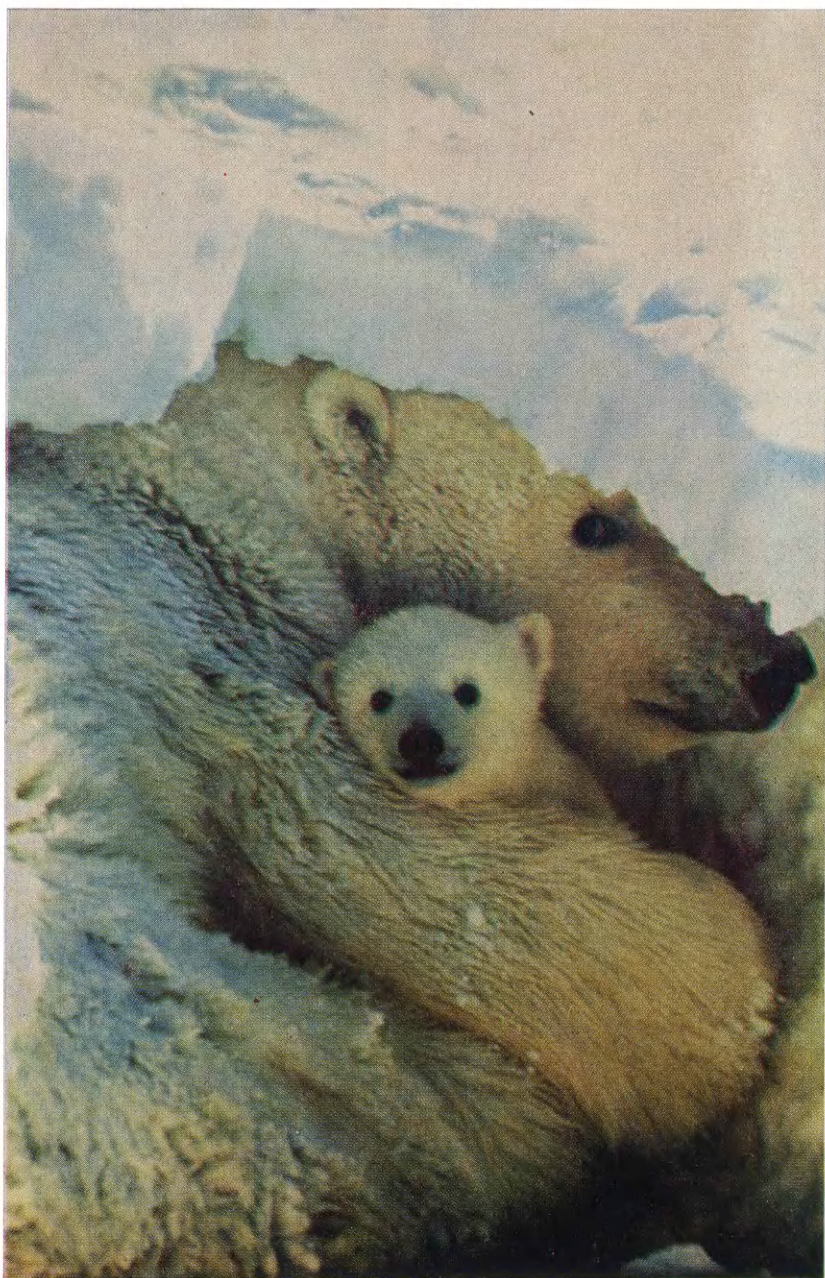
Созревают северные олени в двух-, трехлетнем возрасте. Самки рожают оленят, чаще одного, а иногда двух, как правило, ежегодно и способны приносить потомство до глубокой старости (доживают олени, во всяком случае домашние, до двадцати пяти и даже до двадцати восьми лет). Поэтому годовой прирост в их стадах довольно высок и составляет около двадцати пяти процентов. Однако велика и убыль в поголовье животных.

Первые шаги в жизнь

Фото Е. В. Арбузова

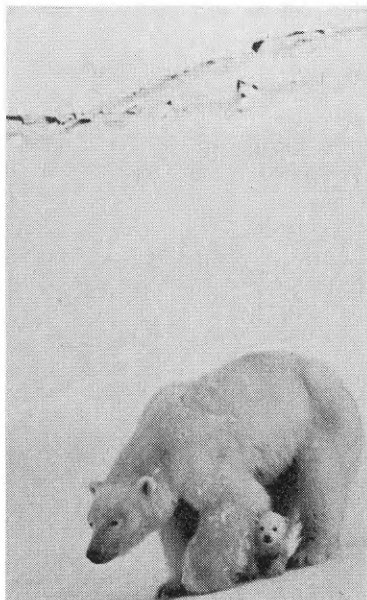

◀ В берлоге

Семья

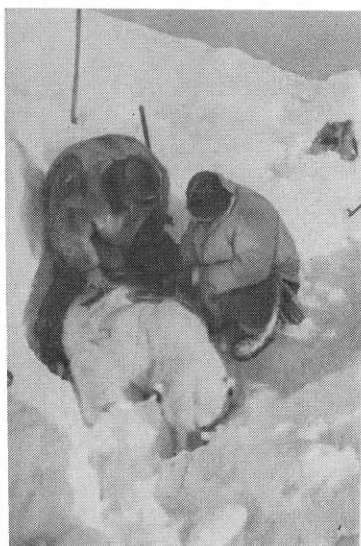
На пути во льды

Фото Е. В. Арбузова

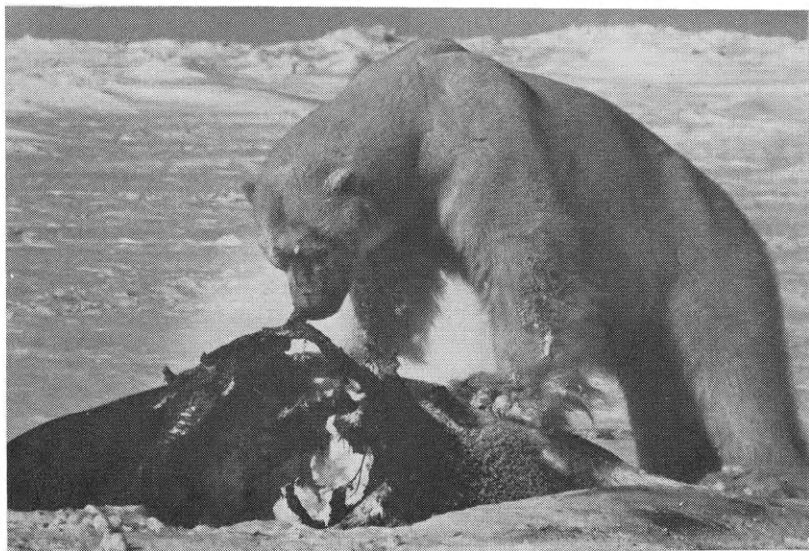
Следы оставила семья

Медведь обездвижен...

Помечен на острове Врангеля. Фото *Е. В. Арбузова*

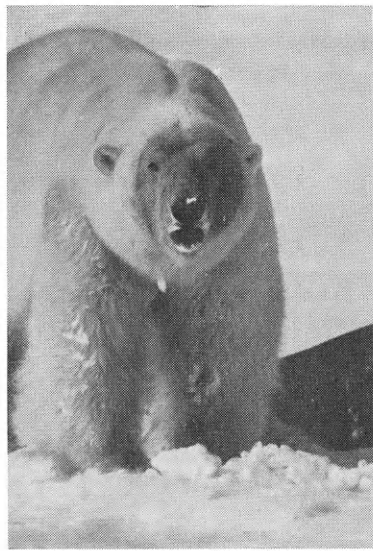

У моржовой туши. Фото Е. В. Арбузова

Взвешивают обездвиженную медведицу. Фото С. Я. Харина

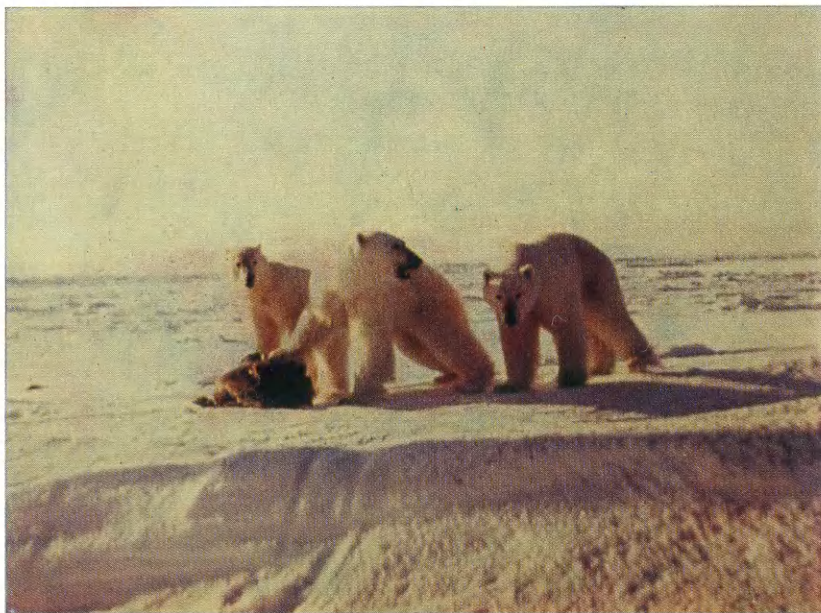
Он живет во льдах
Фото Е. В. Арбузова

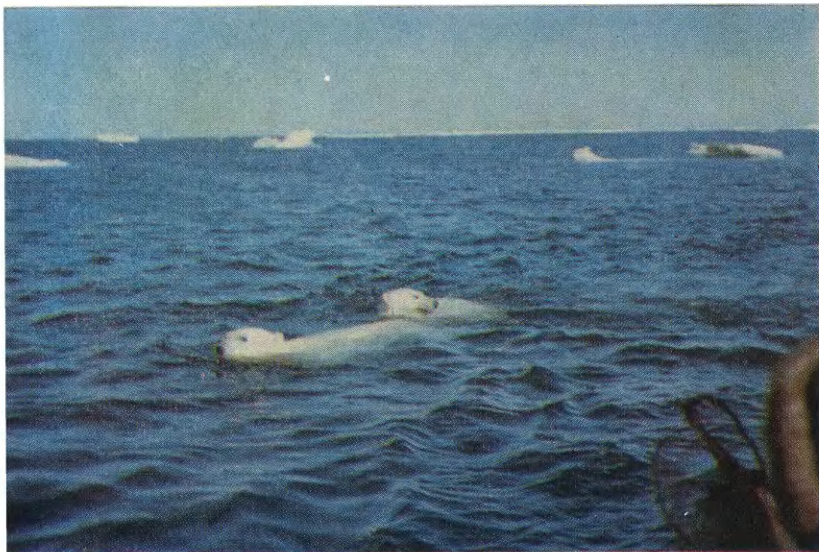

Среди битых льдов
Фото В. К. Орлова

Медведица с подростками медве-
жатами

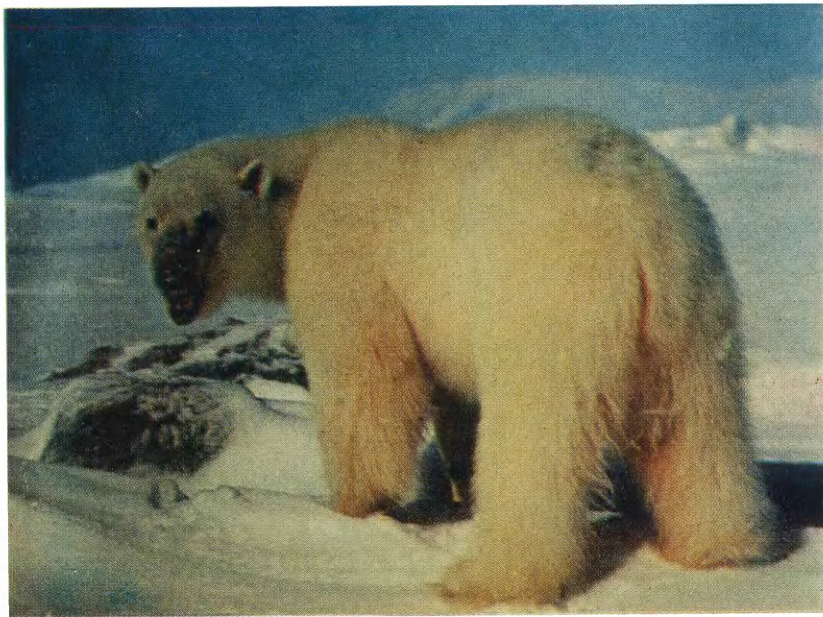

Вплавь...

Хозяин ледяных полей...

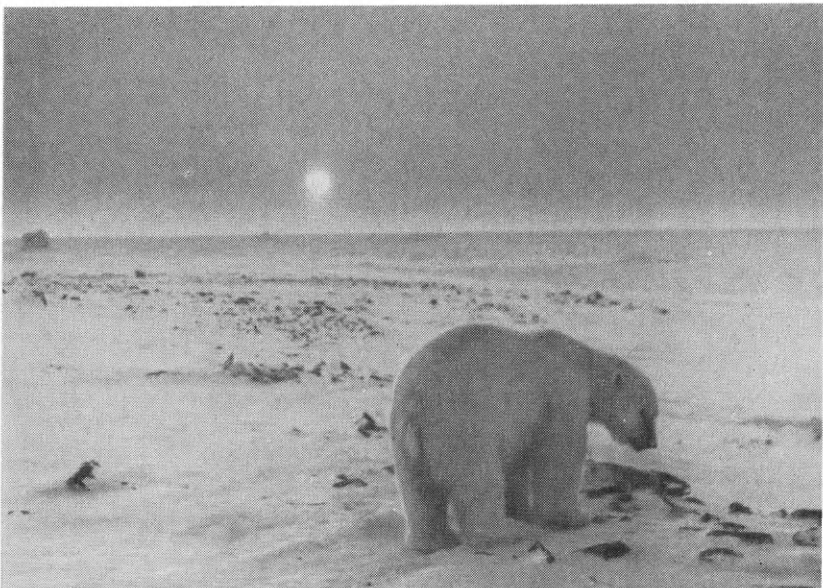
Фото Е. В. Арбузова

На побережье Гудзонова залива.
В поисках корма...

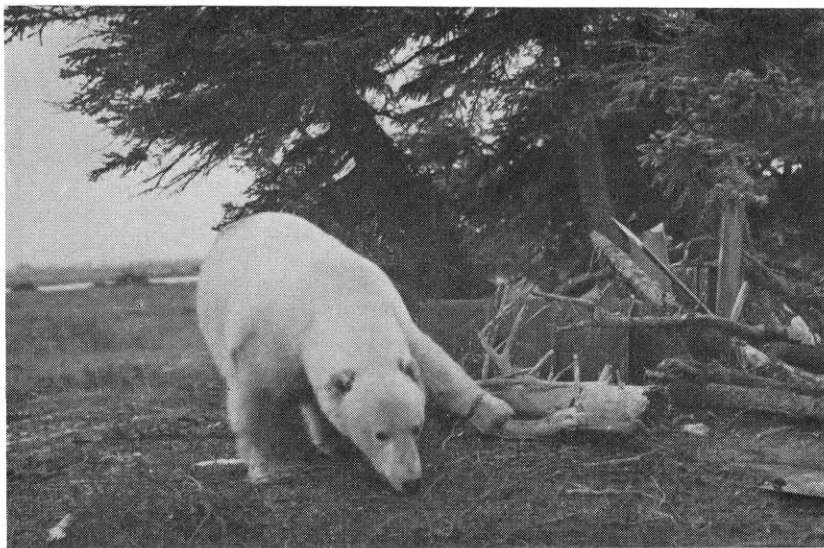
На Земле Франца-Иосифа

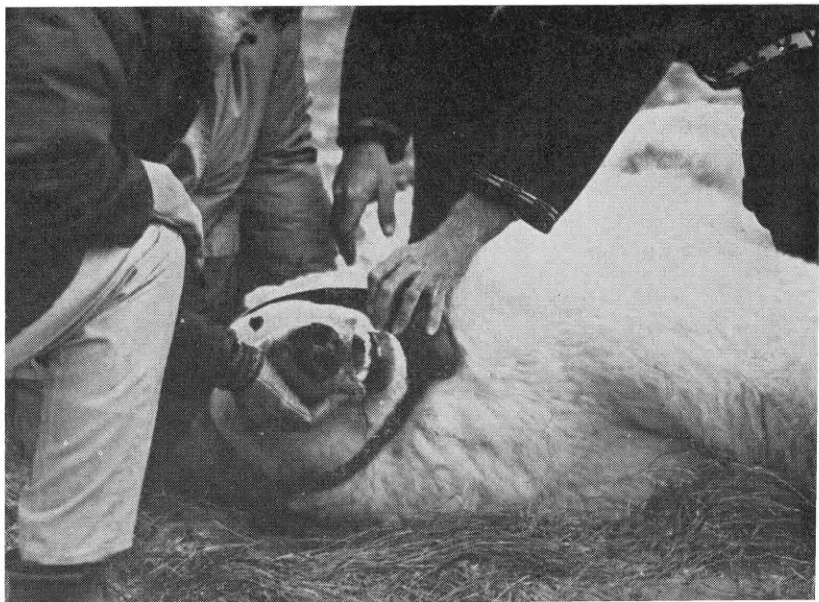
Норвежские зоологи метят белых медведей. Фото Г. Грёндаль

Попался...

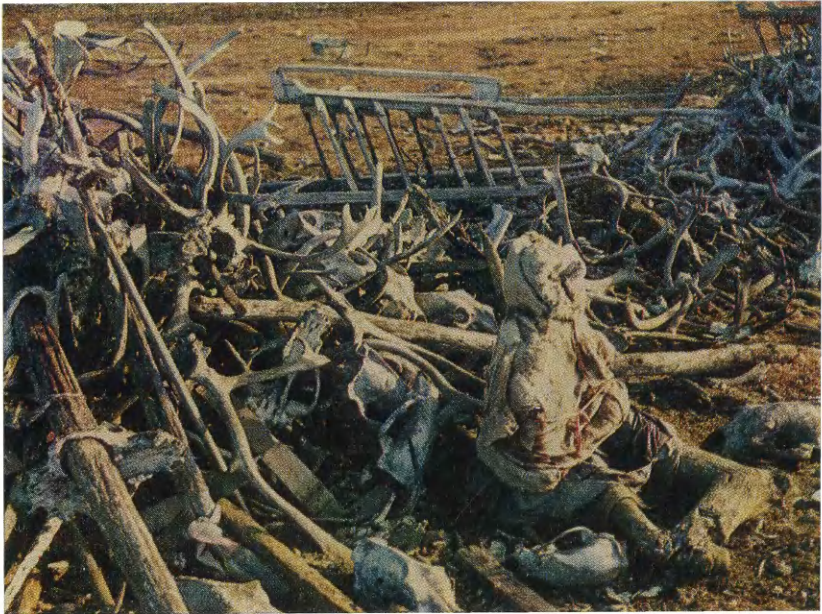
Канадские зоологи метят белых медведей ушными метками и радиошейниками

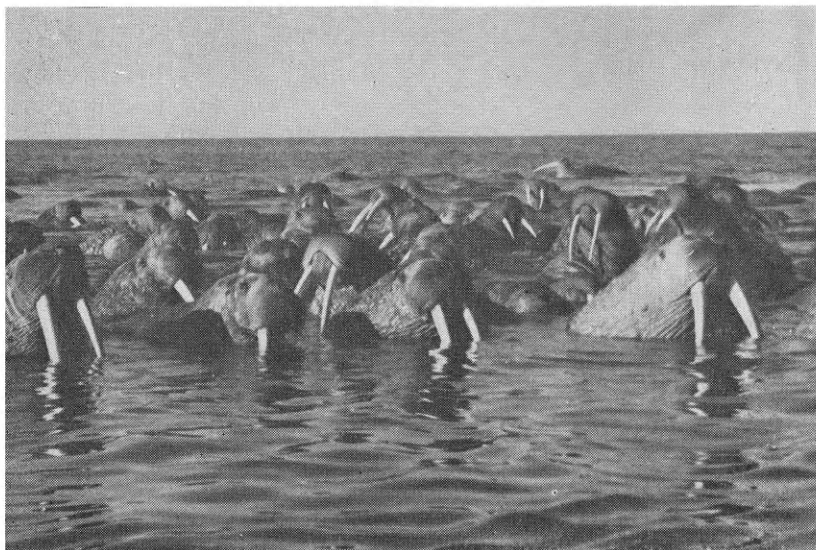

Приходил белый медведь...

Древний ненецкий жертвенник
с черепами белых медведей

Моржи на залежке. Фото А. П. Панкратова

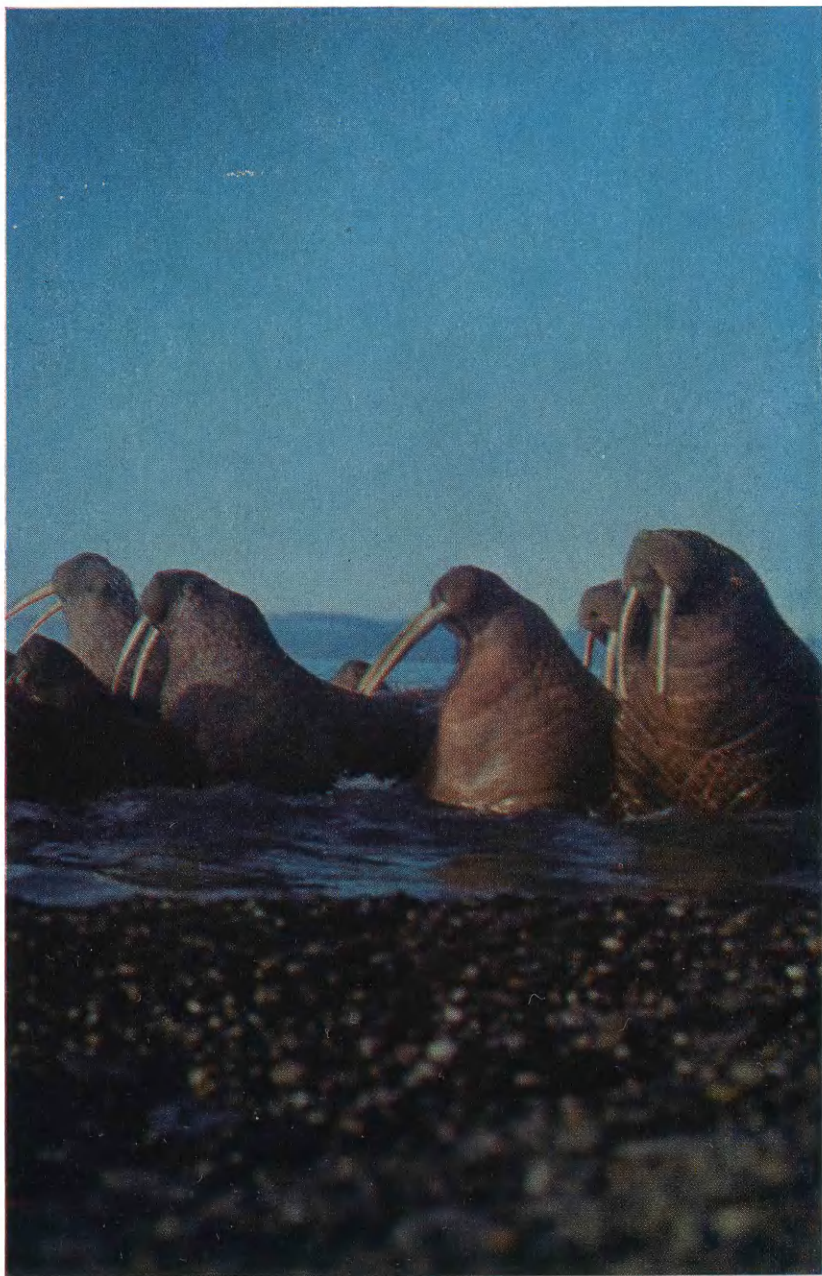

Моржонок, Фото И. И. Зайцева

Стадо диких оленей в тундре

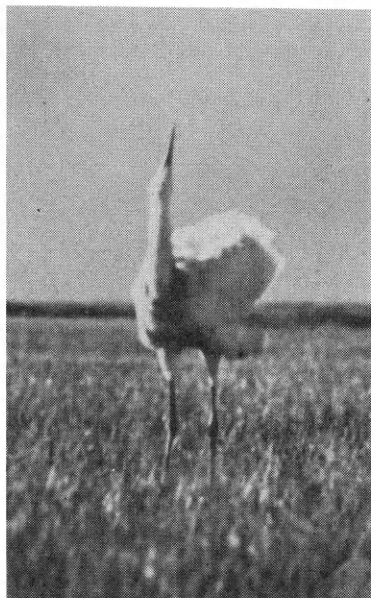
◀ Пахари моря...
Фото А. П. Панкратова

Переправа (дикие олени)

◀ Кречет

▲ Стерхи у гнезда. *Фото Э. В. Назарова*

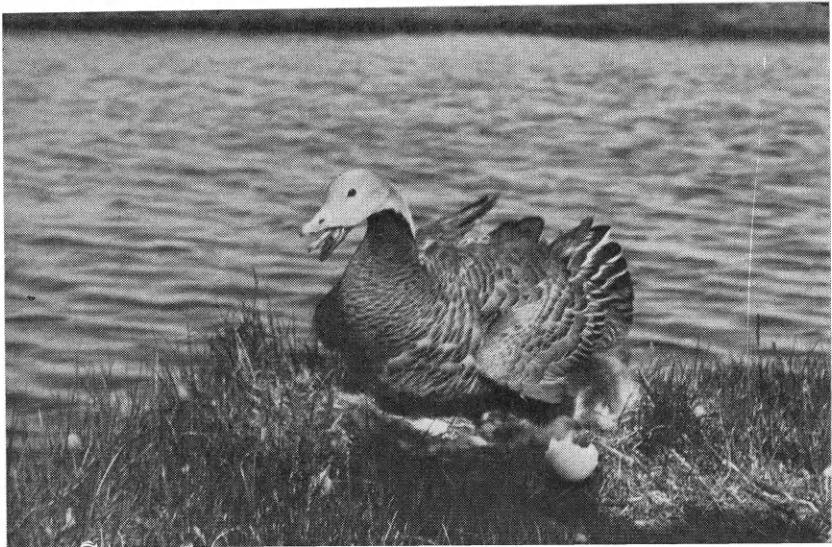
Подрастающий кречет

Гнездо кречета

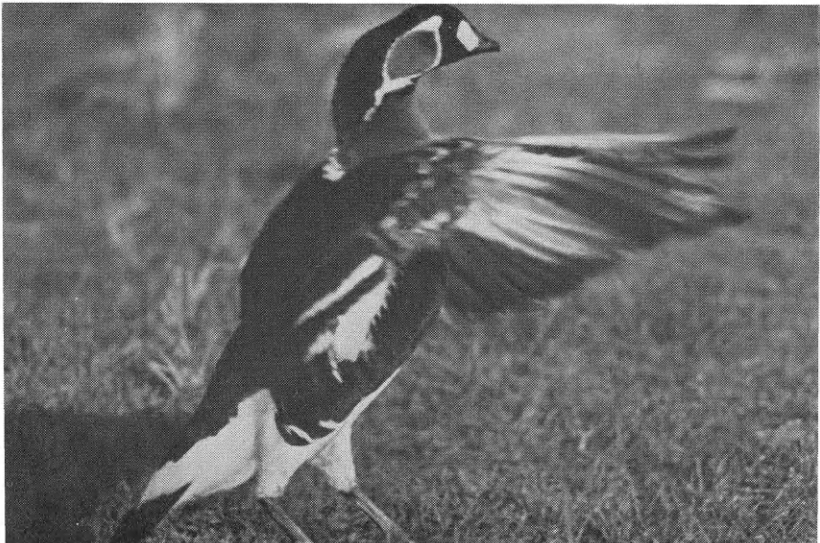

◀ Сокол-сапсан

Белоголовый гусь на гнезде. Фото А. Я. Кондрагьева

Краснозобая казарка взлетает. Фото В. С. Грекова

Белоголовые гуси

Краснозобые казарки

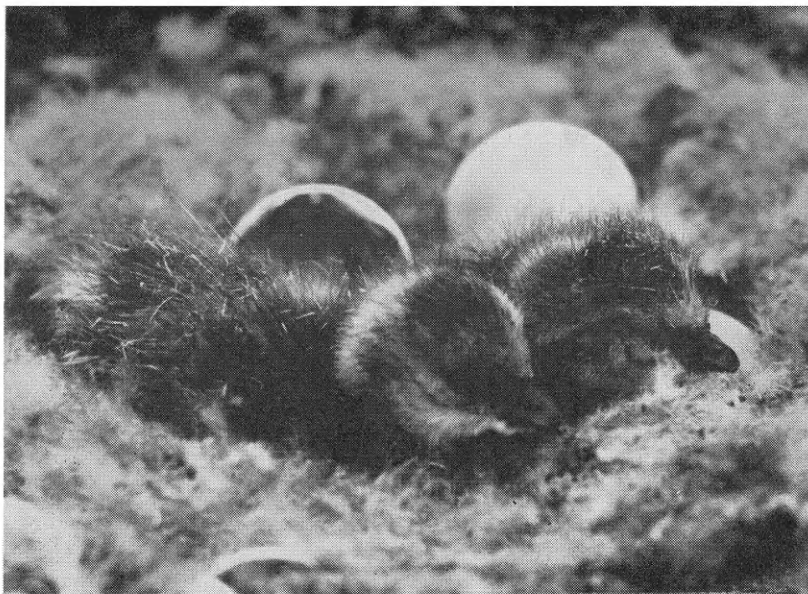

На родине розовых чаек.
Низовья Яны

Розовые чайки. Только что при-
летели... *Фото Э. В. Назарова*

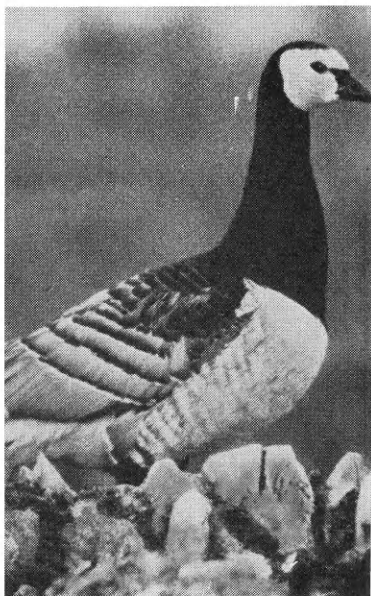

◀ Белощекпе казарки у гнезда

Птенцы белошекой казарки

Птица насторожилась...

Шпицберген.
Фото М. Нордерхауга

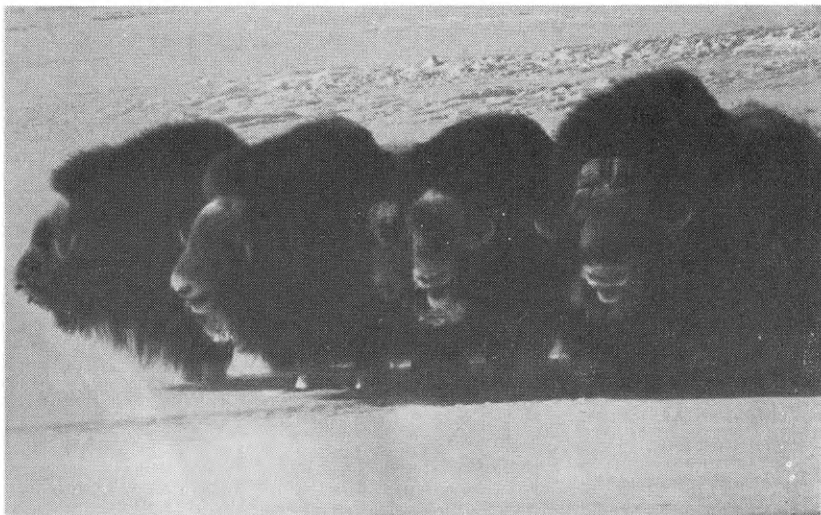

◀ Белошковые казарки. Спят...

Следы овцебыков очень похожи
на следы оленей... Аляска

Заняли «круговую оборону»...

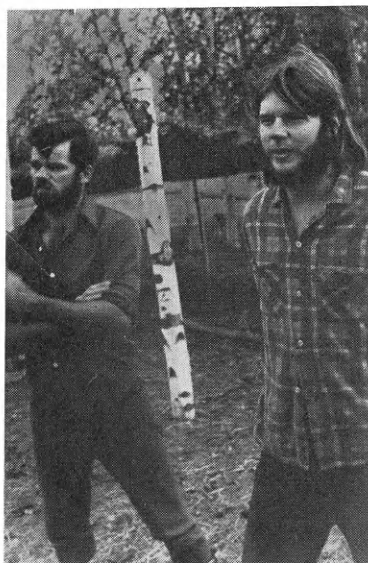

◀ Этот овцебык живет на ферме...

Ферма овцебыков на Аляске

Два Билла — пастухи на ферме

Ловят овцебыков для отправки
в СССР. Остров Нунивак

Связанный овцебык ►

В путь с добычей. Звери прочно
привязаны к нартам

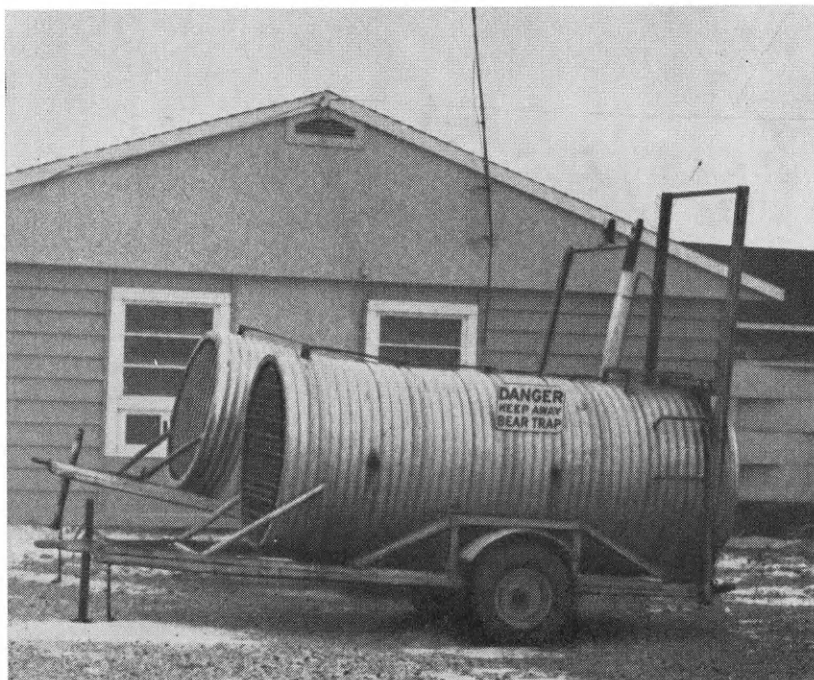

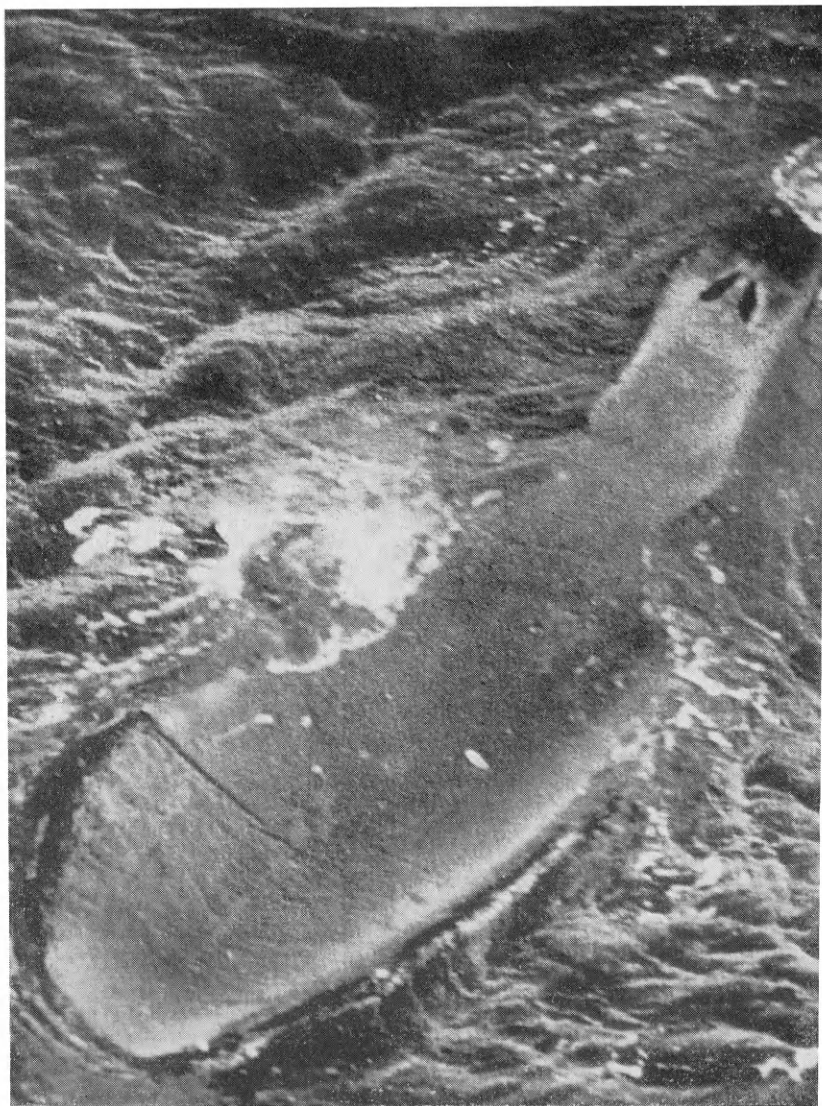
Ловцы ждут...

Ловушки для белых медведей
на окраине поселка. Канада

Ромашки — обычные спутники
человека на Севере ▶

Гренландский кит
(снят с вертолета).
Фото Дж. Лентфера

Стадам домашних оленей наносят ощутимый урон волки, тем более что хищники имеют привычку загрызать оленей больше, чем они могут съесть. Здесь все ясно. А вот взаимоотношения хищников и диких оленей выяснены недостаточно. Конечно, «серые пастухи» берут и здесь постоянную, и немалую, дань. Но можно видеть, особенно летом, как «дикари» мирно пасутся бок о бок с волками, что неожиданное появление волка не вызывает паники среди животных. Значит, олень не столь уж беззащитен перед этим хищником! И в самом деле, взрослые, здоровые «дикари» имеют преимущества в беге (домашние олени бегают хуже, они более коротконоги и, конечно, не так тренированы), могут обороняться, используя рога и сильные передние ноги. Поэтому-то достаются волку преимущественно больные, раненые, старые или неполноценные по другим причинам животные. Не исключено, следовательно, что волки для стада «дикарей» (в разумном, конечно, количестве) не только вредны, но и полезны.

Летом оленям сильно досаждают комары, мошки, слепни. Ища спасения от них, животные поднимаются в горы, на вершины увалов, скапливаются на пятнах нестаявшего снега, где веет прохладный ветер и тучи гноса не так густы. Но особенно беспокоят оленей оводы. Взрослые насекомые, хотя их появление и вызывает в стадах панику, ничем не питаются и сами по себе безобидны. Но они оставляют на теле оленя свои яички (кожный овод) или личинок (носовой овод). И нет у оленей страшнее врага (кроме разве волка), чем эти «подарки».

Из яичек кожного овода, приклеенных насекомым к шерсти животного (кстати, овод никогда не приклеит их к старому волосу, который вот-вот должен выпасть), выводятся затем личинки, а те проникают в кожу и поселяются здесь до нового лета. Через год, достигнув уже размеров желудя, они вновь пробуравливают кожу и выпадают на землю, чтобы пройти стадию куколок и превратиться во взрослых насекомых. На теле одного оленя развиваются подчас сотни личинок; такое животное худеет, теряет силы, а спина его превращается в сплошную рану. Носовой овод забрасывает в ноздри оленю уже готовых подвижных личинок. Они добираются до носоглотки, где развиваются тоже около года и несут хозяину не меньше мучений, а иногда и гибель.

Перечисляя невзгоды, что ждут в природе северного оленя, нельзя не вспомнить и о пагубных последствиях зимних оттепелей. Что же здесь, казалось бы, плохого, если среди зимы вдруг отступили морозы? Но ведь они вернутся, скуют снег ледяной коркой, и тогда беда. Животные уже не смогут добраться

до корма, их ждет голод, истощение и гибель. Первая половина нашего столетия была периодом «потепления» Арктики и поэтому трудным временем для северных оленей.

Не будь здесь оленьих стад, не перезимовать бы на Севере и волку. Труднее жилось бы и песцу. Раскапывая снег, олени облегчают ему добычу леммингов. Песцу, как и ворону, достаются остатки волчьих трапез, туши павших животных, а если олени домашние, то и съедобные отбросы, которые можно найти около человека. Зимой кормятся при стаде куропатки, белые и тундряные, и даже зайцы. Там, где разрыт снег, и им легче найти корм. И хотя одна-другая птица рискует попасть под копыто, десятки куропаток благополучно зимуют на оленьих «копаницах».

И летом олени играют заметную роль в жизни тундры. Они опустошают птичьи гнезда, но в то же время и привлекают насекомыхядных птиц — не сами, конечно, а их спутник «гнус». Поедая осоку, пушицу, олени местами становятся заметными конкурентами гусей, леммингов, других травоядных животных. Впрочем, они не только поедают растительность, но и сильно изменяют ее; под их воздействием преобразается подчас сам характер местности. Животные разрыхляют копытами моховую дернину, и тогда глубже протаивает грунт, на месте осок и пушиц появляются злаки, тундровая растительность сменяется луговой. Да и лишайники, если ими не кормятся олени, постепенно стареют и вымирают. Оленьи пастбища нетрудно опознать издали, например с самолета, с большой высоты, по густой сети проложенных здесь тропинок. Все это, однако, происходит, если животные не пасутся особенно подолгу на одних и тех же участках тундр. При чрезмерной нагрузке на пастбища (такое бывает только с домашними оленями) они превращаются в топкие черные болота, а при очень сильном протаивании грунта здесь образуются даже новые озера.

На протяжении тысячелетий там, где встречался северный олень, он был едва ли не главным кормильцем человека. Да еще и недавно, пятьдесят — сто лет назад, олень обеспечивал многие народы севера Европы, Азии и Северной Америки пищей, материалами для шитья одежды, постройки жилищ, освещения и отопления. И хотя люди осваивали разные районы Севера не одновременно и двигались сюда различными путями, здешние народности и племена используют северного оленя, если опустить мелкие детали, всюду одинаково. Одежда здесь шьется из меха телят (пыжиков) и оленей-подростков (неблюев). Шкура взрослых животных чаще используется для покрытия чумов и яранг, шитья верхней одежды, спальных мешков,

как подстилка в жилищах. Шкура с жестким, грубым волосом, снятая с ног (камус), идет на шитье обуви и рукавиц; подошва для зимней обуви шьется в большинстве случаев из «щеток» и шкуры, снятой со лба оленя. Нитки, ссученные из оленьих сухожилий, необыкновенно прочны и не преют от сырости. Съедобны не только мясо и жир оленя, но и кровь, содержащее рубца, молодые, еще не затвердевшие рога. В общем, если учесть, что из костей вытапливается жир, что некоторые кости, рога и даже копыта используются на разные поделки, можно сказать, что практически все части оленьей туши находят себе применение в хозяйстве.

В прошлом, когда охотник владел только луком и копьём, практиковалась добыча оленей, основанная на хорошем знании их биологии. Оленей регулярно кололи на воде, «на плавях» — при переправах стад через большие реки. Места таких переправ, поскольку они более или менее постоянны, были собственностью стойбищ или родов. По свидетельству Ф. П. Врангеля, известного русского путешественника прошлого века, местные жители здесь «с таким же боязненным нетерпением ожидали появления сего животного, с каким земледельцы других стран ожидают времени жатвы». Кое-где, чтобы направить стадо к переправе, строились длинные изгороди из кольев и дерна — «махавки»; их следы до сих пор сохранились на Таймыре. Направляющие изгороди длиной в несколько километров использовались и для того, чтобы загнать стадо «дикарей» в сеть.

Хитроумны способы охоты с «манщиком» — прирученным животным, чаще самцом. Пользуясь им как прикрытием, человек подбирался близко к пасущимся «дикарям». Осенью, во время гона оленей, к его рогам подвязывали кожаные петли или короткое копьё: в первом случае «манщик» ловил дикого соперника живым, во втором — наносил ему смертельные раны. Конечно, с появлением огнестрельного оружия добыча оленей значительно упростилась.

Считается, что олень был приручен и одомашнен еще в конце первого тысячелетия нашей эры, и произошло это в горах юга Сибири. Отсюда оленеводство распространилось к северу, достигло тундры и постепенно превратилось здесь для местных жителей в такое же важное занятие, как и охота. В Северной Америке до недавнего времени домашнее оленеводство не было известно. Но в тундрах Евразии им стали заниматься все народности, за исключением разве что иганасан, обитающих на Таймыре (в последние десятилетия и они освоили эту отрасль хозяйства). Сложились даже разные приемы ведения оленеводства. К западу от Лены, например, пастухи пользуются

услугами специальных «оленегонных» собак, запрягают оленей в сани как летом, так и зимой. На востоке Якутии и на Чукотке собак при пастбы оленей не используют и летом их не запрягают. В таежной же полосе олень служит человеку как верховое животное. Чтобы уже не возвращаться к домашним оленям, остается сказать, что общее поголовье их достигает в СССР двух с половиной миллионов.

В прошлом, даже сто — двести лет назад, в тундрах Евразии дикие олени численно преобладали над домашними. Но позже, с развитием оленеводства и ростом населения в этих краях, «дикарей» стали вытеснять с пастбищ их домашние сородичи. Считается, что еще в середине XIX века поголовье диких оленей в нашей стране исчислялось несколькими миллионами. К 1920 году оно сократилось до полумиллиона, через десять лет — примерно до трехсот тысяч, а затем — и до двухсот тысяч оленей. Исчезновению животных способствовали участвовавшие в период «потепления» Арктики гололедицы и, конечно, усилившееся, а главное, беспорядочное преследование их со стороны человека.

Однако в последнее время стада «дикарей», как правило, стали восстанавливаться, хотя промысел животных продолжается и даже растет и вообще усиливается воздействие человека на природу Севера. В середине 1960 года общая численность диких оленей снова поднялась до трехсот тысяч, а в середине 1970 года превысила семьсот тысяч голов. Причиной этого явились, во-первых, климатические изменения: гололедицы в тундрах стали случаться реже; во-вторых, укрупнение колхозных и совхозных стад домашних оленей, осуществленное в те годы, высвободило кое-какие пастбища для «дикарей». Но еще более важную роль сыграло в этом изменившееся отношение к животным, более хозяйский подход к их использованию, начало которому положило постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по охране фауны Арктики», принятое в 1956 году.

И тем не менее судьба одного из обитающих в СССР подвидов северного оленя — новоземельского — продолжает беспокоить. Он включен, как редкое животное нашей фауны, в Красную книгу СССР, а в Красной книге Международного союза охраны природы и природных ресурсов фигурирует даже как исчезающее животное. Это самый мелкий в СССР, а зимой — и самый светлый по окраске представитель вида, обитающий только на островах Новой Земли. Как-то поздней осенью мне пришлось наблюдать здесь за табунком оленей. Земля была пестрой: в низинах давно уже лежал снег, а увалы все еще чернели голыми россыпями сланцев. Стоял редкий в этих мес-

тах полный штиль, и олени подошли ко мне очень близко, несмотря на то что я сидел открыто на вершине увала. До тех пор, пока они не оказались рядом, я все не мог понять, материальные это существа или призраки. Олени неожиданно появлялись на увале и тут же таинственно исчезали, снова появлялись и вновь будто растворялись в светлых сумерках — настоящего дня в это время года здесь уже не бывает. Но все объяснилось просто: это были уже безрогие самцы (иначе их выдали бы рога), и они в своем белом меху каждый раз, когда ступали по снегу, становились невидимками! Тогда мне представилась возможность вообще рассмотреть этих животных. Они казались, наверно из-за очень густой и длинной шерсти, какими-то пухлыми, даже раздутыми, коротконогими и короткомордыми. А когда олени все-таки заметили меня и побежали, бросилось в глаза, что их заколыхавшиеся гривы необыкновенно длинные и пышны.

Биология этого подвида изучена слабо. Но, по-видимому, эти «дикари» отличаются от живущих на материке. Например, в их рационе существенную долю занимают собранные на берегах морские водоросли. Эти олени, очевидно, более склонны к ожирению и быстрее накапливают запасы жира. До конца прошлого века они были обычны на обоих островах Новой Земли и совершали более или менее регулярные кочевки: осенью — с западного побережья на восточное и с северного острова на южный, весной — в обратном направлении. Происходившее в начале текущего столетия «потешление» особенно резко проявлялось в приатлантических районах Арктики, в том числе на Новой Земле. И не удивительно, что здешние олени несли наиболее сильный урон от гололедец.

Бедственное положение оленей, несомненно, усугублял и их промысел, хотя население на островах никогда не было большим. Так или иначе, но с начала нашего столетия численность животных здесь быстро уменьшалась. Если в 10-х годах одному охотнику за год удавалось добыть сотни оленей и их шкуры большими партиями вывозили в Архангельск, то уже в 20-х годах добыча всех новоземельских охотников редко превышала десяток оленей за год. К концу 30-х годов общее количество животных, по-видимому, исчислялось лишь сотнями, а еще через двадцать лет, возможно, даже десятками.

Сведения, относящиеся к середине 70-х годов, гораздо оптимистичнее: олени на островах живут, численность их увеличивается, и есть надежда, что эти животные вновь станут здесь обычными.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ КЫТАЛЫК

Сначала мне встретились загадочные следы. Один палец спереди, два под прямым углом к нему — по бокам, четвертый — маленький, зачаточный — сзади. Каждый палец толщиной с человеческий, но вдвое длиннее. Несомненно, оставила их на илистой отмели большая птица. Но какая именно?

Следы были свежие и четкие, на некоторых хорошо отпечатались даже морщины птичьей «ступни». Перепонок между пальцами не было. Значит, отметалось самое первое предположение, что это бродил лебедь.

Дело происходило в тундре, между большими сибирскими реками — Оленьком и Анабаром. Из крупных птиц здесь можно встретить еще полярную гагару, но она не в состоянии разгуживать по суше так уверенно да еще полуметровыми шагами, а кроме того, у нее на лапах, как и у лебедя, есть плавательные перепонки. Залетает сюда также орлан-белохвост, но ему нечего делать на топком илу, у него не может быть таких широких шагов, да и вообще это следы не хищной птицы. Но чьи же?

Шли дни. Время от времени мне вновь попадались загадочные отпечатки лап, и старые, полусмытые дождями, и совсем свежие. В одном месте встретилась целая россыпь этих следов. Они виднелись не только на речной отмели, но и на сыром прибрежном лугу, где голубели куртинки цветущих незабудок. Здесь птицы даже обронили несколько белых перьев. Но даже и вещественные доказательства не давали ответа. А так как в здешних равнинных тундрах нет никаких укрытий, это было особенно странно.

«Ну где им здесь скрыться?» — думалось мне, когда, в очередной раз достав бинокль, я пристально просматривал и небо, и сушу. Как-то мы повстречались с местным охотником — он пришел сюда поправлять ловушки на песцов. Однако и этот старожил не смог рассеять моего недоумения.

Разгадка пришла неожиданно. Ранним утром меня разбудили какие-то необычные звуки, нежные и одновременно мощные, торжественные и волнующие, будто рождались они какой-то диковинной флейтой. Трудно было даже определить, откуда, с какой стороны они неслись — издали или из близости, с земли или с неба. А когда я расстегнул вход палатки, то обомлел...

На бугре среди болота, шагах в пятидесяти от меня, разыгрывалось потрясающее представление. Пять стройных, белоснежных птиц ходили по кругу одна за другой, то убыстряя, то замедляя шаги. Временами они останавливались и церемонно приседали, сгибая свои длинные ноги, затем выпрямлялись, распускали крылья и начинали кланяться друг другу либо отшвыривать «общие поклоны», направив головы в центр круга.

Птицы подпрыгивали высоко, чуть ли не на метр, в воздух, замирали на месте, подняв головы и плотно прижав к туловищам крылья, — в это время и неслись в небо их изумительные клики — опять начинали «водить хоровод», проделывали какие-то другие танцевальные движения, и казалось, разнообразию этих движений нет конца. Поражала пластичность танцоров, согласованность их действий, словно у них был свой дирижер. Вообще изумляла какая-то цельность и законченность этого танца.

Так вот чьи следы так долго не давали мне покоя! Это стерх, белый журавль, по-якутски «кыталык». Подаром эта птица считается здесь олицетворением красоты и изящества, и ей посвящено так много легенд, песен, стихов, а в Якутии с ней связано так много названий рек, озер, урочищ.

Эти мысли мелькали у меня в голове, пока я поспешно вытягивал из-под спящего товарища телеобъектив и прилаживал

его к фотоаппарату. Все это удалось сделать довольно быстро. И тем не менее я опоздал. Птицы либо заметили движение в палатке, либо услышали шорох, а может быть, вообще подошло время их отлета, но они на мгновение замерли и тут же взмыли в воздух. Кричали стерхи и на лету, но это были уже совсем не те звуки, что разбудили меня: было теперь в них что-то обыденное, скрипучее, похожее на гусиное гоготание.

Стерх — одна из самых крупных и приметных наших птиц. Длина его тела превышает метр, размах крыльев — два метра, а вес достигает семи-восьми килограммов. За исключением первостепенных маховых перьев (они черные), все оперение взрослой птицы чисто-белое, а клюв, голая кожа «лица» и ноги кирпично-красные.

Нетрудно догадаться, что название его происходит от немецкого *Storch*, что значит «аист». Понятно также, как родилась эта ошибка. Первыми путешественниками по Сибири в большинстве случаев были немцы, приглашенные на службу царем Петром. Встречая больших птиц с красными клювами и ногами, услышав о них от местных жителей, европейцы, не задумываясь, сочли их привычными для себя аистами. Это «ученое» название и перешло в русский язык как «сторх», «стерех» или «стерх».

Еще сто — двести лет назад белый журавль был, по-видимому, немногочисленной, но широко распространенной сибирской птицей и обитал здесь среди открытых пространств, от степной зоны до тундровой. Однако позже на большей части Сибири он исчез. Причиной тому могло быть и пересыхание водоемов (особенно усилившееся во второй половине прошлого века), и распашка степей, их осушение, и прямое преследование птиц со стороны человека, в том числе сбор яиц стерхов. Теперь они размножаются только в двух изолированных очагах: на северо-востоке Якутии, в лесотундре и тундрах междуречья Яны и Алазеи, и в очень небольшом числе в заболоченной тайге Западной Сибири, в бассейнах рек Кюнды и Сосьвы (в левобережье Оби). Холостые журавли кочуют летом на более обширной территории, и в том числе на северо-западе Якутии, где мне и посчастливилось встретиться с ними и даже подсмотреть их «увеселения». Зимуют они в Южной Азии — Индии, Пакистане, Китае.

На места гнездовой стерхи прилетают одновременно с гусями, в последних числах мая, в то время, когда бурно тает снег и пробиваются первые зеленые ростки трав. Летят они небольшими стаями и, прежде чем приступить к гнездовым делам, так же как и другие журавли, какое-то время посвящают своеобразным «танцам». Впрочем, как я сам убедился, танцуют также и холостые птицы, причем не только весной, но и в дру-

гие сезоны года. Значит, это не ток, не составная часть брачного ритуала. Скорее всего пернатые выражают так свое возбуждение по тому или иному поводу, свои чувства, а может быть, это просто игра.

Местами гнездования стерхи избирают топкие берега озер либо речных протоков среди равнинной заболоченной тундры, окраины труднодоступных болот в лесотундре или тайге. Гнездо они устраивают на кочке и скудно выстилают его лишь здесь же собранной растительной ветошью, поэтому заметить его, когда поблизости нет хозяев, трудно. Если птиц не беспокоят, они из года в год селятся на одном и том же месте, только возобновляя весной гнездовую выстилку. Самец и самка поровну делят все заботы по насиживанию яиц и воспитанию журавлят. В начале июня они заканчивают кладку, которая состоит из одного, а чаще — двух крупных зеленоватых с коричневыми и фиолетовыми пятнами яиц. А примерно через месяц из яиц появляются птенцы.

Запомнилась мне и такая встреча со стерхами. Дело происходило в низовьях Яны. Ранним утром в густом, липком тумане я брел по болоту. Время от времени видимость все же улучшалась, и можно было хоть немного осмотреться.

Один из просветов застал меня у неширокой речной протоки. На противоположном ее берегу маячили два белых пятна. Одно из них, вытянутое, округлое, казалось, висело в воздухе. Второе лежало немного поодаль на земле и было похоже на снежный ком.

Набегала очередная волна тумана. Но прежде чем она скрыла белые пятна, они превратились в двух стерхов. «Висящий в воздухе» выпустил вторую ногу, которую, как оказалось, он держал поджатой, и выпростал из-под крыла голову на длинной шее. Лежащая птица только подняла голову. Стерхи спали, и я застиг их врасплох. Не шевелясь, я дождался следующего просвета, но, когда он пришел, птиц на месте уже не было.

На бугорке можно было рассмотреть пустое гнездо. По-видимому, в нем недавно вывелись птенцы (было начало июля), и один из родителей заснул, когда согревал их. Поняв свою оплошность, старшие, конечно, улетели, а журавлята скорее всего затаились где-то поблизости.

Случай этот, разумеется, необычный: стерхи всегда очень осторожны, а в сезон размножения их бдительность особенно возрастает. Как правило, едва заметив опасность, они стараются незаметно отойти от гнезда, а если птенцы уже большие, то и увести их с собой. Впрочем, защищая потомство или самих себя, когда они линяют и не могут летать, стерхи храбро напа-

дают на песцов, оленей и даже иногда на человека. Как раз здесь, на Яне, несколько охотников рассказывали мне, как они с трудом уносили ноги от разъяренных журавлей.

Птенцы стерхов вылупляются покрытыми густым рыжеватым пухом и уже через несколько часов начинают разыскивать корм. При опасности малыши мастерски маскируются среди рыжеватого ковра болотных трав. К осени они достигают размеров взрослых птиц, но одеваются пока не в белое, а в серое оперение. Весной, на следующий год, молодые прилетают на свою родину уже в почти белом наряде, однако достигают полной зрелости и начинают размножаться эти пернатые не раньше, чем на третьем-четвертом году жизни.

Чем кормятся стерхи, стало известно относительно недавно. Как выяснилось, они преимущественно вегетарианцы и едят те же корма, что и гуси: корневища, стебли и побеги трав, ягоды. Так же как и у гусей, их желудки наполнены камешками, которые облегчают им перетирание грубой растительной пищи. Однако иногда журавль не прочь проглотить лемминга, поймать в озере или речном заливе мелкую рыбешку.

Одновременно с гусями, в конце августа — начале сентября, стерхи улетают на юг и примерно через месяц или несколько позже достигают мест своих зимовок. Здесь они держатся семьями или небольшими стаями среди болот, речных мелководий и разливов. На них они и добывают пищу, и отдыхают. Птицы не летают кормиться на окрестные поля, и поэтому местное население в большинстве случаев относится к ним вполне дружелюбно.

«Великолепный» — значит сочетающий в себе красоту и величие, и мне кажется, что с полным основанием можно отнести это определение к стерхам. Сохранилось их очень мало, возможно, меньше тысячи, и будущее их вызывает сильную тревогу, тем более что для нее есть особые причины.

Стерх очень похож на американского белого журавля, хотя между ними можно заметить и некоторые различия. У американского собрата «лицо» не голое, но зато на нем черные «усы», которых нет у стерха. На голове «американца» алая шапочка, а у нашего «сибиряка» ее нет.

Как-то мы беседовали с гостем из США, известным орнитологом и большим специалистом по систематике птиц доктором Чарлзом Вори. Дело происходило в Зоологическом музее Московского университета. Просмотрев коллекции шкурок стерхов, Вори задумался и сказал:

— Очень они похожи, эти журавли, — наш и ваш, сибирский. Может быть, следует даже объединить их в один вид. Но я че-

ловец суеверный и боюсь, что стерха тогда постигнет участь его американского собрата.

А участь его действительно трагична.

Когда-то американские журавли были широко распространены в Новом Свете от степной до тундровой зоны, но к числу особенно многочисленных пернатых даже в далеком прошлом тоже не относились. С наплывом в Америку европейских переселенцев, с распашкой земель и осушением болот журавли лишались привычных мест гнездования. К тому же с каждым годом все больше охотников поджидало пернатых на путях их перелетов (не то ли происходило и со стерхом?). И птицы капитулировали перед «белым» человеком. Последнее гнездо американских белых журавлей нашли в 1883 году в штате Айова, шестью годами позже — в штате Миннесота, а еще через восемь лет птицы вообще перестали размножаться в Соединенных Штатах. На территории Канады последнее гнездо их было найдено в Саскачеване в 1922 году.

После этого многие годы никто уже не встречал их гнезд, хотя примерно тридцать птиц еще сохранилось: их видели и во время пролета, и на зимовках. Специалисты уже были готовы внести журавля «в черный список» — перечень вымерших животных земного шара. Но у него оказалось много друзей, и их усилиями пока удастся избежать роковой развязки.

В 1937 году на побережье Мексиканского залива было взято под охрану основное место зимовки птиц. Здесь, в заказнике Аранзас, тогда проводили зиму восемнадцать журавлей. К 1942 году их осталось лишь пятнадцать, но в стае были не только взрослые, но и молодежь, и, следовательно, они где-то продолжали размножаться (где именно, пока не было известно).

С этого времени кампания по спасению журавлей приняла в США и Канаде невиданный размах. Радио и газеты сообщали о местонахождении пернатых, вновь и вновь рассказывали об их трагической судьбе, призывали к их охране. В густонаселенных районах пролетных журавлей сопровождали самолеты. Несколько раз летчики разыскивали отбившихся птиц и подгоняли их к стае. И эти меры не были напрасны: к 1945 году количество пернатых увеличилось до двадцати двух.

Затем число белых журавлей в мире то сокращалось, то увеличивалось. В 1954 году было наконец обнаружено место их гнездования. Оказалось, что оно располагается в Канаде, на нетронутых человеком землях национального парка Вуд-Буффало (Лесных бизонов). А еще через три года натуралистов ждала новая радость. В зоопарке Нового Орлеана впервые в исто-

рии пара журавлей вывела и благополучно вырастила двух птенцов.

В начале 1962 года дикая стая состояла уже из тридцати восьми журавлей, и семь птиц жили в неволе, причем казалось, что сотрудники зоопарков уже научились их разводить. Однако тут же пришло и разочарование: за лето стая сократилась на четверть, и впервые за многие годы в ней не было молодых. Не удалось получить приплода и от птиц, живущих в неволе. Зато через два года на зимовку прилетели уже сорок две птицы.

В 1967 году американские зоологи приступили к осуществлению давно задуманной операции. Из гнезд диких журавлей в парке Вуд-Буффало начали отбирать по одному яйцу, чтобы подкладывать их в специальных питомниках под журавлей другого вида или класть в инкубатор. При этом имелось в виду, что второй птенец из выводка в естественных условиях часто гибнет.

Надежды эти пока оправдываются. В том же году в неволе жило уже двенадцать птиц, а на зимовку прилетело сорок восемь. К 1976 году общее количество пернатых приблизилось к восьмидесяти, из них в дикой стае — пятьдесят. Любителям природы удалось совершить почти невозможное: птицы, казалось бы давно обреченные на вымирание, дожили до наших дней, их можно видеть, слышать, ими можно восторгаться! Однако считать, что теперь они уже вне опасности, увы, все равно нельзя.

Стерхов пока сохранилось больше, чем американских журавлей, может быть, в десять или даже в двадцать раз. Будущее их не выглядит так мрачно, тем более что начало их спасению положено. Охотничьим законодательством СССР они отнесены к абсолютно охраняемым птицам. Как вид, находящийся под угрозой исчезновения, стерх включен в Красные книги Международного союза охраны природы и природных ресурсов и СССР. Полный запрет торговли и птицами, и любыми продуктами их промысла (включая шкурки и яйца) предусматривается конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. Начаты опыты по размножению стерхов в неволе, и с этой целью советскими учеными в 1977 году было взято несколько яиц из гнезд птиц для закладки их в инкубатор.

Трагедия американского журавля разыгрывалась на наших глазах. Нельзя допустить, чтобы такое случилось и со стерхом!

ПОТОМКИ СЫНА СОЛНЦА

Больше восьми тысяч птиц обитает на нашей планете. Разнообразие их чрезвычайно велико. Одни поражают своими размерами: они либо крошки, либо гиганты, другие — причудливой формой или ярким оперением, третьи — голосом: то мелодичной песней, то громкими, пронзительными криками.

Все это не относится к соколам — птицам средней величины, одетым в скромный по окраске наряд и уж отнюдь не выдающимся певцам. И тем не менее прежде всего их можно было бы назвать самыми совершенными из пернатых. Среди же многочисленных хищных птиц соколы действительно наиболее совершенны. Они занимают здесь такое же место, как тигр, лев и другие кошки среди хищных млекопитающих: только у этих птиц можно видеть такое замечательное сочетание силы, ловкости, отваги, быстроты и изящества полета. В строении их тела, окраске оперения нет ничего броского, крикливого, но зато нет и ничего лишнего. Вызывают невольное уважение особенности их поведения. Они нападают на добычу открыто, как

правило, не обращают внимания на неподвижную, а тем более на мертвую дичь, и поэтому не случайно крупных соколов (а именно о них идет речь) называют также благородными соколами.

Орнитологи давно уже считают их хорошей «моделью», и на примере этих птиц было открыто немало общих биологических закономерностей. Соколы очень ценились в прошлом как ловчие птицы, они занимали видное место в истории многих народов, в том числе народов и нашей страны. Они часто фигурируют в фольклоре, с ними связаны на Руси даже истоки охраны природы и организации заповедников.

На севере СССР можно встретить два вида соколов — сапсана и кречета. Как и другие виды соколов, это птицы очень плотного телосложения, с большой головой, крупными темно-карими глазами, окруженными кольцами голой желтой кожи (возможно, поэтому взгляд их кажется таким острым, пронзительным), крепкими ногами и острыми длинными крыльями. Важный отличительный признак соколов — острый зубец на верхней половине клюва. Сапсан мельче кречета. Верх его тела обычно темно-серый с сизоватым отливом, низ более светлый, с «рябью»; чем старше птица, тем менее заметной становится эта «рябь». На щеках четко выделяются длинные черные «усы».

Кречет отличается от сапсана не только более крупными размерами, но и особенностями телосложения: весь он массивнее, хвост у него значительно длиннее, а крылья короче. Окраска оперения кречета может быть различной — и темно-серой с темным поперечным рисунком, и светлой, почти белой.

Сапсан встречается на всех материках, кроме Антарктиды. Тундры и лесотундры СССР населяет особый его подвид — тундровый, или белошекий, сокол. Кречет обитает только на севере Евразии, Северной Америки и в Гренландии; лишь один из подвидов его (может быть, это близкий к нему вид) обитает в горах юга Сибири и Тянь-Шаня.

Сапсана называют также странствующим соколом (буквальный перевод его латинского названия *Falco peregrinus*). Особенно оправданно это название для тундрового сапсана, поскольку он совершает регулярные перелеты: зимует на крайнем юге Европы, в Южной Азии, на юге Северной Америки. Выбирая места для устройства гнезд, сапсаны проявляют, если можно так сказать о пернатых, «большой вкус»: селятся на вершинах скал, на высоких обрывистых речных берегах, словом, в наиболее живописных местах, с хорошим кругозором. Такие участки встречаются не часто, и, должно быть, поэтому так привязаны к ним птицы. Например, в 80-х годах XIX века англий-

ский путешественник Зибом нашел гнездо сапсана в низовьях Печоры, на том же самом месте, где оно располагалось и в XVII веке. Скалы или мысы, на которых соколы гнездятся в течение пятидесяти, а то и ста лет (сами птицы за это время, конечно, менялись), и вовсе не редкость. Кстати, они часто так и называются — Соколиный мыс, Соколиный утес или остров.

Незабываемое впечатление оставляют весенние игры сапсанов. Подсмотреть их можно в мае, сразу после прилета, в погожий солнечный день. Они словно радуются встрече с родиной. Сложив крылья, то самец, то самка устремляются к земле, но тут же взмывают ввысь, в бездонное голубое небо. Вновь падают то боком, то спиной, неожиданно разворачиваются в новых бросках, сопровождая их протяжными, хриловатыми криками. Здесь весь набор фигур высшего пилотажа, быть может, даже резерв их, который еще предстоит осваивать авиаторам.

В нехитро устроенное гнездо (это лишь неглубокая ямка с небрежно брошенными в нее травинками, перьями), а то и вовсе на голую землю самка откладывает четыре красноватых крапчатых яйца. Через месяц насиживания вылупляются соколята, покрытые пока густым белым пухом. Еще через месяц-полтора молодые теряют последние пушишки, постепенно осваивают летное мастерство и переходят к самостоятельной жизни. В сентябре, когда тундры оставляет большинство пернатых, улетают на юг и сапсаны.

Сокол — гроза всех мелких и средней величины тундровых птиц, начиная с пуночки, лапландского подорожника, куличка-песочника и вплоть до утки, куропатки и даже гуся. Стоит ему показаться в небе, как тут же стихает хор птичьих голосов, а сами певцы прячутся кто где сумеет. Страх перед хищником бывает так велик, что при угрозе его нападения птицы как бы цепенеют, падают и на время замирают, а иногда ищут спасения и защиты у человека. Однажды в нашу палатку через полурастегнутый вход ворвалась пуночка — иначе нельзя назвать ее стремительное появление — и, упав на груды спальных мешков, затихла. Тут же послышался свист рассекаемого воздуха, и перед палаткой мелькнула размытая тень. Выглянув наружу, я увидел в небе сапсана. Он был еще невдалеке, но быстро набирал высоту. Кто-то из моих товарищей поднял неподвижно лежащую птицу. Зашел было разговор о том, как оказать ей первую помощь. Но помощи не потребовалось. Пуночка самостоятельно очнулась, выскользнула сначала из человеческой ладони, а затем и из палатки.

Мне приходилось быть очевидцем и других охот сапсана, и каждый раз при этом, если события развивались неподалеку,

слышался знакомый свист — звук падающего на добычу сокола. В лучшем случае удавалось также заметить в воздухе неясную серую тень. Промелькнув, как молния, она тут же исчезала. И не удивительно: скорость пикирующего хищника может достигать ста метров в секунду, или трехсот шестидесяти километров в час. Совсем недавно это были неплохие показатели даже для самолета! Любопытно, что в прошлом, когда ханты, обитатели таежных районов Западной Сибири, были вооружены только луками, они употребляли на охоте особые «свистовые» стрелы, если требовалось, чтобы стая пролетных птиц снизилась или даже торопливо села на землю. Скорее всего свист такой стрелы пернатые принимали за пикирующего на них сокола.

Соколиная атака, если наблюдать за ней издали, — зрелище захватывающее. Как правило, сапсан предварительно взмывает вверх и уже сверху, сложив крылья, стремительно кидается на добычу. Случаются и промахи. Тогда следуют новые «ставки» — так называют охотники этот его охотничий прием. Но, как правило, участь жертвы бывает predetermined и нападение заканчивается страшным ударом прижатых к телу лап, точнее, мощных острых когтей задних пальцев.

Итак, добычу его составляют птицы. Известна суточная потребность сапсана в пище: она составляет около ста пятидесяти граммов. Нетрудно рассчитать теперь общий вес птиц, добытых за лето одним хищником, всей его семьей. Это будут уже десятки килограммов — сотни жертв...

Однако, оценивая хозяйственное значение сокола, воздержимся от поспешных выводов. Ведь он преследует преимущественно мелких воробьиных, куликов, словом, самых многочисленных в тундре пернатых, не входящих в число охотничье-промысловых видов. Случается, правда, что он ловит утку или куропатку, и все равно считать его сколько-нибудь серьезным конкурентом человека, вредителем охотничьего хозяйства было бы неправильно.

Накоплено немало фактов, свидетельствующих о полезной роли хищников в природе. Добывая в первую очередь больных, слабых, раненых, они в конечном счете оздоравливают местное животное население, предотвращают распространение в нем массовых заболеваний. Печально известны, например, последствия поголовного истребления пернатых хищников на севере Норвегии, происходившего в начале нынешнего столетия. Число куропаток, ради которых и проводилась истребительная кампания, вначале заметно возросло. Охотники ликовали. Но вскоре пришло разочарование. Среди куропаток вспыхнуло массовое

заболевание кокцидиозом, начался падеж дичи, и количество ее сократилось до невиданных ранее размеров. Другой пример имеет уже прямое отношение к этому соколу. В ГДР, где ведется систематическая борьба с воронами, больные и вообще неполноценные по той или другой причине птицы встречаются гораздо чаще в добыче ловчих сапсанов, чем ружейных охотников.

Страх других птиц перед соколами, кстати, человек использует и в своих интересах. В Венгрии, например, сапсанов применяют для отпугивания скворцов или воробьев из садов и виноградников. Вид этого хищника, оказывается, действует гораздо вернее, чем ружейная пальба или даже такой современный способ защиты урожая, как проигрывание магнитофонной записи «крика ужаса пернатых». Удачными были и опыты по отпугиванию птиц от аэродромов с помощью воздушного змея, похожего по форме на силуэт летящего сокола.

Впрочем, коренные жители Севера — хорошие натуралисты, и они не винят сапсана. Здесь считается, что он «охраняет», «пасет» дичь; отсюда и происходит его ненецкое название «ханавей», что значит «гусиный пастух». И в самом деле, гуси, утки, а иногда и кулики, мелкие воробьиные птицы ищут у него защиты от других хищников, в первую очередь от песцов. Те самые пернатые, что цепенеют от ужаса при его появлении, безбоязненно селятся совсем рядом, иногда всего в нескольких метрах от своего злейшего врага. И происходит что-то невероятное. Сокол не только не обращает на них внимания, но и охраняет их яйца, птенцов, их самих. Известны даже птицы, которым вообще трудно вывести и вырастить потомство без опеки сапсана. Таковы, например, казарки — краснозобая и белошекая.

Как-то много лет назад — дело происходило на Новой Земле — я был в гостях у местного охотника. Стоял теплый летний день, и мы пили чай, сидя в доме у открытого окна. Перед нами открывалась величественная панорама цепи прибрежных скал, занятых колоссальным птичьим базаром. Среди зеркальной глади морского залива то и дело появлялись круглые усатые головы нерп. Но главной достопримечательностью мне показалась колония птиц во главе с сапсаном, что лепилась на ближайшем выступе скалы. Несмотря на то что рядом жили и шумели люди, тарахтели лодочные моторы, а у самого подножия скалы, всего метрах в пяти ниже выступа, бродили и затевали свары голодные упряжные собаки, пернатые из года в год селились здесь и благополучно выводили птенцов. Обитателями колонии были белошекие казарки (как и большинство диких гусей, обычно очень недоверчивые к человеку), гаги, пуночки и даже пара аспидно-черных краснолапых чистиков. По рассказам старожил-

лов, это поселение существовало с незапамятных времен (птицы обосновались здесь значительно раньше человека). Неизменным оставался и его состав, поскольку число гнезд в колонии прямо определялось площадью карниза.

Вновь я попал сюда спустя годы, но «домашней» колонии птиц, увы, не застал. В отсутствие хозяев в доме какое-то время жил начинающий зоолог, и первым делом в его коллекцию попали шкурки сапсанов. С тех пор соколы на выступе больше не гнездились, а без них не рисковали селиться и другие «квартиранты».

Такое удивительное сожительство известно ученым уже давно, однако удовлетворительного объяснения этому явлению до сих пор нет. Установлено, правда, что большинство хищников (к ним относится и «гусиный пастух») вблизи гнезда не охотятся и, следовательно, поселившихся рядом пернатых дичью не считают. Кроме того, как уже говорилось, сапсан нападает только на летящую добычу, а гуси и гаги обычно подходят к гнезду по земле. Очевидны и преимущества, которые имеют сожители сокола (получает ли он что либо взамен, неясно). Но тогда чем же объяснить, что явление это свойственно только Крайнему Северу? Может быть, причина его заключается в краткости здешнего лета, в продолжительном гнездовом периоде как у сапсана, так и у гусей, в одних и тех же требованиях птиц к гнездовым участкам? Возможно. Во всяком случае такое сожительство гораздо чаще можно видеть на равнинных участках тундры, а ведь именно там найти весной проталины труднее, чем в гористых местах. Так или иначе, но птичье население тундры не только терпит урон от сапсана, но и многим обязано ему. Так что же — полезен сапсан или вреден? Ответ может быть только однозначным. Конечно, полезен!

Кречет относится к кочующим птицам, проводит зиму недалеко от мест размножения, а то и вовсе круглый год не расстаётся со своей родиной. Летом он населяет скалистые морские побережья, лесотундру, альпийский пояс гор. Зимой же его можно встретить и в тундре, и в высокоствольном лесу, и даже в больших городах.

Кречеты устраивают гнезда на деревьях или на скалах, как и сапсаны, — подчас по несколько столетий подряд на одних и тех же местах. Например, на острове Харлов у Мурманского побережья в 30-х годах XX века они жили там же, где обитали еще в XVII веке. Впрочем, если быть точным, гнезд эти птицы сами не строят, а занимают и лишь поправляют постройки воронов или канюков. Причем каждая пара имеет по несколько гнезд и использует их в разные годы, попеременно.

Как и у сапсанов, бывают у кречетов весенние игры, только подсмотреть их можно не в мае, а в апреле, когда случаются еще сильные морозы и земля сплошь покрыта снегом. Рано, в конце апреля, птицы приступают и к размножению. В мае в их гнездах появляются пуховые птенцы, а в конце июля — начале августа молодые уже начинают самостоятельную жизнь, и семьи распадаются. В зависимости от того, где они обитают, кормятся кречеты главным образом белыми куропатками (в лесотундре) или чайками-моевками, чистиками, кайрами (на морских побережьях). В отличие от сапсана не брезгуют они и зверьками — зайцами, белками, даже полевками и, следовательно, добывают корм не только в воздухе, но и на земле.

Сапсана и особенно кречета человек с давних пор «вынашивал» — приручал и применял для охоты. Ловчие птицы (ими кроме соколов могут быть также ястребы и орлы) задолго до нашей эры использовались в странах древнего Востока. Например, скульптурное изображение сокола, сидящего на руке охотника, найденное при раскопках Вавилона, насчитывает более 3600 лет. По крайней мере за две тысячи лет до нашей эры соколиная охота распространилась в Китае. Да и намного позже, уже в VIII веке, по свидетельству венецианца Марко Поло, китайская знать предавалась этой страсти с необычайным увлечением и размахом. Так, Кублай-хана во время его охотничьих выездов сопровождали до десяти тысяч сокольников и птицеловов.

В начале нашей эры стали охотиться с ловчими птицами и в странах Западной Европы. Вообще не будет ошибкой сказать, что в древние и средние века никто из владык, восточных или европейских, не чуждался таких пышно обставленных увеселений. Дошли до нас и старинные теоретические труды по этой проблеме; самый известный из них — «Об искусстве охотиться с птицами» — написан еще в 1247 году германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном. Кстати, автор предвосхищает здесь некоторые выводы об изменениях размеров тела теплокровных животных в зависимости от их распространения, сделанные современными биогеографами.

Увлекались соколиной «потехой» и на Руси. О ней упоминается в «Русской правде» (XI век), в «Слове о полку Игореве» и «Поучении» Владимира Мономаха (XII век). Известно, что Соколий двор существовал в Киеве еще в IX веке, при князе Олеге.

Кречеты наряду с собольими мехами и «рыбьим зубом» (моржовыми бивнями) почитались в Московском государстве едва ли не наибольшей драгоценностью, а русские сокольники слыли искуснейшими мастерами своего дела. Соколов посыла-

ли как «поминки», или «дары», правителям соседних государств. Цепились такие подарки очень высоко, и иногда лишь с их помощью удавалось уладить пограничные конфликты, добиться заключения мира с соседями, военного союза, договориться о займе. Впрочем, эти птицы использовались при дипломатических переговорах и в других странах. Известно, например, что в 1396 году после неудачной битвы с турками французский король Карл VI выкупил своих пленных маршалов за несколько кречетов. Тогда же и той же ценой спас сына от турецкого пленника герцог Бургундский. «И зело потеха сия утешает сердца печальные и забавляет веселием радостным и веселит охотников сия птичьа добыча», — говорится в «Уряднике Сокольников Пути», русском трактате о соколиной охоте, относящемся к середине XVII века — периоду ее последнего расцвета.

По дошедшим до нас источникам той поры, «потеха» эта была конная. Часто использовались в ней и борзые собаки. Ловчую птицу в «клубучке» (особой шапочке, закрывающей ей глаза), с колокольцами (звон их облегчал поиски потерявшегося сокола), с ременными «обножами» и «должиком» на ногах всадник держал на руке, защищенной от острых когтей толстой кожаной рукавицей. Доехав до места, птицу освобождали от «клубучков» и «ставили в верх» — заставляли летать кругами над охотником и атаковать испугнутую дичь либо бросали вслед замеченной добыче. Охотились так на журавлей, лебедей, гусей, уток, цапель, зайцев, а на Востоке — даже на мелких антилоп. На Руси же особо почиталась травля «коршаков» — коршунов.

Сохранились с той поры и описания отдельных охот, имена выдающихся пернатых ловцов. В письмах царя Алексея Михайловича значителен, например, что между 4 и 12 июня 1657 года семь кречетов добыли одиннадцать коршунов, а сибирский кречет Свертай гнал коршуна полторы версты и сбил его после семидесяти «ставок» (а количество «ставок» было главным показателем достоинства ловчей птицы). 7 июня 1660 года один кречет затравил шесть коршунов, всего же за день их добыли восемнадцать.

Ко двору Алексея Михайловича ежегодно доставляли около двухсот кречетов, а всего их содержалось здесь до трех тысяч. Одни только царские кречатки обслуживали почти триста человек. Не удивительно, что добывание («помыкание») соколов, их перевозка, содержание и вынашивание были на Руси, как и в некоторых других странах, особым промыслом. Профессия ловцов («помытчиков») обычно передавалась по наследству, а их обязанности строго определялись инструкциями. Например, в России всем имеющим прямое отношение к ловчим птицам

строжайше воспрещалось пить, курить табак, играть в «зернь», чтобы «государевым птицам от пьяных и нечистых людей дурно не учинилось».

Естественно, конечно, что многовековую историю насчитывает и охрана этих ценных птиц. Так, ландграф Людвиг Гессенский еще в 1577 году ввел большой штраф за убийство сокола или разорение его гнезда. В других случаях, например в Англии, виновного в этом ждала смертная казнь. На Руси указами царя Алексея Михайловича основные места гнездования кречетов объявлялись «государевой заповедью»; фактически это были первые в Европе заповедники. Один из них существовал на Семи Островах у Мурманского побережья, там же, где государственный заповедник располагается и в наши дни.

Не трудно понять, почему соколы занимали столь большое место в сказаниях и легендах разных времен и народов. О них говорится и в саге о Нибелунгах, и в песне о Сигурде, и в «Слове о полку Игореве», в известных преданиях о покровителях соколиных охотников святом Бавоне (во Франции) и Трифоне-сокольнике (в России). Изображение сокола красовалось на щите предводителя гуннов Атиллы. И все-таки в своем преклонении перед этими птицами, в признании их совершенств всех превзошли древние египтяне. Они обожествили сокола, почитали его за символ бога Хора — сына Солнца, и его изображения — от больших каменных изваяний и бронзовых статуэток до крошечных ювелирных изделий — тысячами находят при археологических раскопках в Египте.

В XVIII веке появилось огнестрельное оружие. Естественно, ловчие птицы не могли с ним соперничать, и соколиная «потеха» стала постепенно выходить из моды. Правда, местами она сохранилась даже до наших дней. Соколов все еще «вынашивают», с ними охотятся (конечно, уже без былого размаха) местами в Западной Европе (чаще на ворон и галок), в республиках Средней Азии (на уток, фазанов, зайцев), в странах Востока. Однако общее отношение к хищным птицам, в том числе и соколам, менялось. Владельцы охотничьих угодий, а вслед за ними охотоведы, охотники видели теперь в этих пернатых конкурентов человека, опасных вредителей. Для «потомков сына Солнца» наступили долгие черные дни. Истребители их не только не несли наказания, но часто даже получали премии. Больше того, появилась мода на перины, набитые пухом кречетов, и его стали специально заготавливать в Гренландии.

В наши дни отношение к хищным птицам вновь изменилось. Они опять начали пользоваться благосклонностью человека. В большинстве стран все виды их (за исключением, пожалуй,

ястреба-тетеревятника и камышового луна: охотники и птицеводы так и не смогли с ними примириться) стали охраняться. Подлежат эти птицы полной охране и в Советском Союзе. Они включены в Красную книгу СССР: кречет — как вид, находящийся под угрозой исчезновения, сапсан — как редкий вид. Конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, предусматривается полный запрет торговли сапсанами и транспортировки любых предметов их промысла и строгий контроль за торговлей кречетами. Тем не менее будущее пернатых хищников, в том числе соколов, вызывает серьезную тревогу.

Сапсан еще недавно относился к довольно обычным птицам тундры — южнее повсюду он гораздо малочисленнее. Гнезда его встречались иногда в трех — пяти километрах одно от другого, а общее количество обитающих в СССР тундровых сапсанов, по-видимому, составляло несколько десятков тысяч. В отличие от них кречеты всегда и повсеместно были редки: ведь их ловили помалу даже во времена наибольшего на них спроса. За долгие годы работы на Севере мне довелось видеть только четыре кречетиних гнезда (сапсаных же по крайней мере много десятков). Сколько всего обитает их в СССР и в мире, сказать трудно, но, конечно, немного. Известно лишь, что в Швеции кречетов гнездится всего пар двадцать — тридцать, в Норвегии — около ста, на Аляске — сто — сто пятьдесят. Но так было. За последние двадцать — тридцать лет численность сапсана, в том числе тундрового, сильно упала, и он стал уже одной из редких птиц мира. В Швеции, например, ежегодная убыль сапсанов превышала десять процентов; катастрофически сократилось их количество в Англии, ФРГ, Северной Америке. По-видимому, не лучше обстоят сейчас дела и с кречетом. За последние десять лет на обширной территории от Белого до Берингова моря вообще достоверно было найдено не более двадцати гнезд этих птиц.

Что же произошло? В связи с широким использованием в сельском хозяйстве ядохимикатов над хищными птицами нависла новая угроза — отравления. Попадая в их тело вместе с добычей, эти яды накапливаются и либо прямо ведут к гибели пернатых (хищники оказались очень восприимчивы к таким химическим соединениям), либо резко снижают их плодовитость. К сожалению, сильны еще и пережитки в сознании охотников. Нет-нет да и прогремит выстрел при встрече с соколом. А ведь эти птицы — украшение нашего Севера. Как восхищались их весенние игры натуралиста! Сапсан к тому же «гусиный пастух», без него трудно сохранить краснозобую казарку, худо придется без него и другим тундровым гусям и уткам.

ЖАР-ПТИЦА СЕВЕРА

«Вернутся или бросят гнездо?»

Время тянется медленно. Под парусиновой крышей палатки вскоре становится жарко и душно, как в бане. Шею, лоб, руки нещадно едят комары, и видно, что все новые полчища их просачиваются «с воли» сквозь окошко и неплотно застегнутые полы. Зато внизу как в холодильнике. Ноги в резиновых сапогах по щиколотку вязнут в напитанном водой мху, скользят по льду — поверхности той самой мерзлоты, которой, верно, не суждено растаять и до окончания веков.

Вокруг — бескрайнее болото с лужами, мочажинами и небольшими озерками, подернутое рыжеватой щетиной осоки. Для моей палатки нашлась здесь только эта, условно сухая кочка. В ближайших окрестностях есть еще кочка — от меня до нее метров пять-шесть. Она посуше, но это место уже занято. На нем устроила гнездо пара розовых чаек.

Увидеть эту редкую птицу, а тем более ее гнездо мечтают многие орнитологи. Встретить ее было и моей давней мечтой.

И вот теперь мечта осуществилась. Произошло это в низовьях сибирской реки Яны в двадцатых числах июня 1972 года.

Гнездо передо мной как на ладони. Сооружено оно очень незамысловато. Это всего лишь небольшое углубление, вытопанное птицами в мягком, податливом моховом ковре. На скудной подстилке из сухих листиков ив и прошлогодних стеблей осок лежат два бурых с коричневыми пятнами яйца. Стоит мне лишь ненадолго отвести взгляд в сторону, и гнездо сразу теряется — настолько оно незаметно на фоне замшелой кочки. Потом долго приходится шарить глазами, чтобы обнаружить его вновь.

Хозяйка гнезда появилась неожиданно. Птица подлетела откуда-то сбоку, низом, и, легко опустившись на гнездо, прикрыла собой яйца. Выросшая рядом палатка, шорох в ней, блеск выглядывающего из окошка объектива настораживают птицу, и она какое-то время с подозрением смотрит в мою сторону, но постепенно успокаивается и поворачивается ко мне боком. Первая встреча, пожалуй, разочаровывает. Моя соседка сидит, вытянув вверх шею, совершенно недвижимо и молча. Низкое полупочное солнце вырисовывает силуэт птицы в общем обычной чайчьей конфигурации и окраски — со светлой грудью и головой, серовато-сизыми спиной и крыльями. Принадлежность ее к виду розовых чаек выдает лишь узкая темная полоска, ожерельем проходящая по шее.

Вдосталь наснимав птицу, израсходовав не одну кассету пленки, и цветной, и черно-белой, я занялся обедом. Из принесенных с собой щепок развел здесь же, в палатке, небольшой костер, задыхаясь от дыма, вскипятил чай, благо котелок воды без труда удалось нацедить из «подножного» мха. Затем занялся записями в полевой дневник. Когда со всем этим было покончено, я приоткрыл окошко и, взглянув на соседку, обомлел — настолько она преобразилась! В ее оперении вспыхнул розовый цвет — яркий, но какой-то необыкновенно нежный. Порозовели грудь, шея, голова чайки, ожерелье на шее стало бархатисто-черным, вокруг карих глаз появились изящные кораллово-красные кольца. Передо мной была теперь поистине сказочная жар-птица. Немного поодаль от гнезда, по-видимому, стоял самец. Его оперение отличалось особенно яркой окраской.

Чайки в этот миг были несказанно хороши. Трудно объяснить, в чем заключался секрет этого чуда. То ли его сотворило солнце: оно заметно поднялось, переместилось на небосклоне, и я увидел птиц иначе освещенными, на этот раз — в отраженном свете. То ли еяноват был туман, мохнатые ключья которого ползли в то утро низко над тундрой, оттеняли и усиливали ро-

зовый цвет в птичьем оперении. Возможно, сказывалась и особая сила первого впечатления. Все может быть, однако такими празднично-нарядными своих соседей я уже больше не видел, хотя и провел в их обществе несколько суток.

Тут мне вспомнилось, что по-якутски розовая чайка зовется «чэкэ» (красивый, прекрасный), что в старину перьями именно этих птиц якуты украшали свои стрелы, что на родине розовых чаек сложены связанные с ними поэтические легенды и предания. Потом уже я прочитал записанное орнитологом и натуралистом В. Яхонтовым одно из таких преданий. Вот оно: «В одном стойбище жили молодые, красивые девушки. Они веселились, радовались солнцу и воде и не знали горя. Лишь одно смущало юные души: они считали себя недостаточно красивыми, и им хотелось стать еще прекраснее.

Девушки обратились за советом к старой шаманке. Злая ведунья Мэнэрик, завидовавшая молодости, решила погубить их. Вкрадчивым шепотом она начала поучать: «Зимой, в самые лютые морозы, когда на реке стынут наледи и лопаются от натуги лед, ступайте и выкупайтесь в розовой воде, вытекающей из трещины. Тогда ваши лица станут румяными, и вы станете еще прекраснее».

Неопытные девушки поверили старухе. Им так хотелось быть прекраснее всех!

И вот затрещали морозы, и реку сковало льдом. Потом появилась огромная наледь; выжатая снизу напором воды, она вздыбилась большим курганом и с гулким треском лопнула. Из трещины полилась вода. И тогда девушки пошли и, храбро прыгнув в зияющий провал, окунулись в ледяную воду. Холодное багровое солнце, стоявшее у самого края земли, окрасило все в розовый цвет. Бедняжки заочеченили и погибли. А их души поднялись в небо и в виде розовых чаек полетели к морю... С тех пор ежегодно они сюда возвращаются и с тревожным криком «тэкэ, тэкэ, тэкэ» летают над озерами. Жалуются, что погубила их красота...»

Днем птицы уже не обращали на мою засидку никакого внимания и без помех занимались своими делами. Яйца насиживали по очереди то самец, то самка. Иногда обе птицы покидали гнездо, но вели за ним пристальное наблюдение. Они яростно бросались навстречу пролетающим мимо большим и грузным чайкам-бургомистрам и, успешно защитив свой дом, садились на кочку и долго еще тараторили визгливой скороговоркой: «тэкэ-тэкэ-тэкэ» — будто обсуждали перипетии происшедшей схватки. Несмотря на свои небольшие размеры и вроде бы сугубо миролюбивую внешность, они оказались отчаянными дра-

чунами и изгоняли из своих владений не только хищников, но и любых птиц средних или крупных размеров. Была изгнана даже гага-гребенушка, присевшая на лужу невдалеке от чайчьего гнезда, хотя ее мирные нрав и намерения не вызывали сомнений.

Кормились чайки рядом с гнездом: расхаживали по сырому мху и что-то выбирали из него или разыскивали корм в воде, перелетая с одной лужи на другую. Нередко они высматривали добычу в воздухе. Быстро трепеща крыльями, чайка зависала на одном месте и, прицелившись, падала в воду, чтобы схватить какую-то живность. В это время можно было рассмотреть, что хвост ее формой похож на ромб (это тоже отличительная особенность вида), а ноги киноварно-красного цвета.

Вообще мои соседи были большими домоседами. Если не возникал «пограничный конфликт», они словно прилагали все усилия к тому, чтобы остаться незаметными, не обратить на себя внимания. Свободная от насиживания птица большую часть времени ходила поблизости пешком или плавала. Если она и поднималась в воздух, то летала низко над тундрой в пределах все тех же десятков квадратных метров болота, прилегающих к кочке с гнездом. Птицы не отличались и особой крикливостью: несмотря на то что мы были ближайшими соседями, их голоса обычно едва-едва доносились до меня.

Теперь можно было понять, почему трудно найти гнездо розовых чаек, почему на их родине даже охотники, хотя они и видят птиц во время пролета, как правило, ничего не могут сказать о птичьих гнездовьях. Конечно, помогают им скрываться и болота, на которых они селятся. Идти по такому болоту тяжело, а рассчитывать на стоящую дичь — гуся, утку или куропатку — охотнику здесь не приходится.

К исходу дня похолодало, вперемежку с моросью пошел снег. Насиживающая самка (по-видимому, на ее долю вообще приходились ночные вахты) почти не вставала с гнезда. Чаще обычного рядом с ней появлялся самец, каждый раз сопровождавший свой прилет особыми звуками, похожими на голубиное воркование. В целом «фраза», которую он «произносил», имела вопросительную интонацию; было похоже, что он спрашивал у самки: «Что новенького?»

Ночь я продрожал на надувном матрасе, тщетно пытаюсь целиком укрыться своей короткой курткой, натягивая ее то на ноги, то на голову и то и дело просыпаясь. Вопрос «Что новенького?» доносился до меня всю ночь. Как выяснилось утром, вопрос не был праздным. У четы чаек оказались новости, и немалые. Выйдя из палатки и вспугнув птиц с гнезда, я обнаружил

в нем уже не яйца, а двух птенцов. Они только-только расстались со скорлупой и выглядели пока уродливо-головастыми, покрывающий их сырой пух топорщился сосульками. Хотя выглянуло солнце, заметно еще не потеплело, нападавший ночью снег не стаял. Новорожденные, лишённые родительского тепла, мерзли, и их немощные тельца сотрясала частая дрожь. Чтобы дать чайкам возможность вернуться к птенцам, я снова забрался в палатку. Родители явились немедленно, и мелькнувшая было у меня тревога за судьбу птенцов тут же исчезла. Кто-либо из чаек согревал их теперь непрерывно. Вторая птица часто навевдалась, но, как мне показалось, о новостях больше уже не спрашивала.

В середине дня я снова подошел к гнезду. Чайчата подсохли, их густой шелковистый пух выпрямлялся, и они поэтому выглядели сильно подростками. Их серовато-бурый наряд с крупными коричневыми пятнами, разбросанными по спине и голове, так же как и окраска яиц, удивительно сливался с окраской моховой кочки. Они стали гораздо самостоятельнее. Один из птенцов, видимо уловив тревожные нотки в криках кружащихся над мной родителей, довольно уверенно дошагал до ближайшей лужи и, доплыв до куртинки осоки, затаился в ней.

Следующий день в общем не принес каких-либо новых наблюдений. Родители все еще не начинали кормить молодых (первые дни они живут за счет запасов желтка, который выносятся из яйца в так называемом желточном пузыре). Взрослые птицы стали относиться ко мне с большим доверием и, сидя на гнезде, подпускали к себе на два-три шага. Меньше всего птицы тревожились, когда я опускался перед ними на корточки. Птенцы, однако, доверия ко мне не питали. Стоило мне вспугнуть с гнезда кого-либо из родителей, как пуховички тут же кидались в воду и скрывались в осоковых дебрях.

Тревожу птиц в последний раз. Время, отведенное на знакомство с чайками, истекло, и я теперь снимал палатку, укладывал в рюкзак имущество, чтобы отправиться через болото в обратный путь.

Удачи вам, жар-птицы!

Мало кому из полярных исследователей успех сопутствовал так, как Джемсу Кларку Россу — племяннику известного арктического мореплавателя Джона Росса (больше известного как сэра Росса-старшего). Ему суждено было открыть оба магнитных полюса и прославиться другими важными открытиями как в северных, так и в южных полярных странах. Он удостоился

звания баронета и вошел в историю как сэр Росс-младший. Его именем названы море и большой ледяной барьер в Антарктике, пролив и остров в Арктике. Но все это было позже, а пока он был лейтенантом британского королевского флота и участвовал в первой в своей жизни арктической экспедиции, организованной британским правительством для поисков Северо-Западного прохода — пути через северные моря из Атлантического океана в Тихий.

Суда «Фьюри» и «Гекла» под общим командованием Вильяма Парри провели нелегкую зиму и встретили новый, 1823 год у северо-восточного побережья полуострова Мелвилл, в американской Арктике. Совсем недавно прекратились морозы и вьюги. На палубах до сих пор оставались неубранными временные зимние надстройки, и эти сооружения, грубо сколоченные из неструганых досок, живо напоминали о тех днях, когда лед замерзал в печных трубах, несмотря на то что судовые печи топились круглые сутки.

Припай заметно посерел и становился поздраватым, но все еще цепко держал корабли в своих оковах. Суша же, почти вся свободная от снега, с каждым днем зеленела все ярче. С обрывов ближайшего к кораблям островка вперегонки мчались к морю ручьи, и их веселый звон переплетался с неумолчным хором птичьих голосов. Трудно было усидеть теперь в сырых и сумрачных судовых помещениях. Свободные от вахт люди то и дело уходили на берег, на охоту. Возвращались они, как правило, с солидной ношей битой дичи — гусей, уток, куликов. Бывал на суше и лейтенант Росс. Он тоже приходил с добычей, но часто это были лишь камни или растения, а принесенные им птицы, несмотря на то что добыть их было подчас не легче, чем приличную дичь, не вызывали у кока большого интереса.

Двадцать третьего июня Росс вернулся на корабль особенно довольный, хотя в его полудустом ягдташе лежали всего лишь две небольшие чайки. Птицы скорее всего относились к неизвестному до сих пор виду и еще в тундре поразили Росса своей необычной внешностью. Казалось, они несли на своем оперении отблески солнца и залетели в этот неприветливый край из какой-то страны сказок. Даже на судне от мертвых чаек нельзя было оторвать глаз. Над ними словно струился, наполняя собой тесную каюту, неся тепло, нежный розовый цвет. Чтобы полюбоваться птицами, в каюте Росса побывали едва ли не все офицеры и матросы с обоих кораблей.

В этот день орнитологам и была задана загадка, разрешить которую, и то отчасти, удалось только спустя восемьдесят с лишним лет.

Осенью 1823 года экспедиция Парри благополучно достигла британских берегов. Впервые попали в руки зоологов и добытые Россом чайки: одну из шкурок он подарил музею университета в Эдинбурге. Специалисты подтвердили догадку Росса: пернатые действительно относились к неизвестному виду. Вскоре появились и их научные описания. Вначале, конечно, с полным основанием, птица была наречена чайкой Росса (*Larus rossi*). Однако этот «крестный отец» смог опубликовать свои изыскания только в 1825 году. Статья другого орнитолога, описавшего тот же образец месяцем-двумя позже под именем розовой чайки (*Larus roseus*), была напечатана уже в 1824 году. Справедливость на этот раз не восторжествовала. Согласно принятому у систематиков правилу приоритета птица стала известна в науке как розовая чайка.

Удивительное совпадение! Вновь увидеть розовых чаек, теперь уже в Баренцевом море, к северу от островов Шпицберген, довелось опять Джемсу Россу. Произошла эта встреча в июле 1827 года. Он снова был спутником Парри, участвовал в экспедиции к Северному полюсу и стоял на мостике все той же верной «Геклы», с которой познакомился еще четыре года назад.

Третья по счету из известных в науке розовых чаек наблюдалась и была добыта в феврале 1858 года на острове Гельголанд в Балтийском море. находка окончательно сбила с толку орнитологов: где же искать родину птиц?

Следующая встреча с розовыми чайками произошла спустя еще двадцать один год. Обнаружили птиц участники американской экспедиции на «Жанетте» осенью 1879 года в Чукотском море, недалеко от острова Геральд.

Наступил октябрь, близилась полярная ночь. Часто шел снег, то липкий, то сухой и колючий. Когда рассеивались сумерки, а случалось это незадолго до полудня, было видно, что море до горизонта забито ледяными полями. Наползая одна на другую, льдины со скрежетом терлись о борт судна. Иногда они расходились, показываясь черная полоса воды, но тут же, на глазах, разводье подергивалось мутной пленкой молодого льда. Исчезли пернатые и даже тюлени. Жизнь, казалось бы, уже замерла здесь до весны. Во всяком случае меньше всего можно было рассчитывать сейчас на появление розовых чаек. И тем не менее они появились. Птицы были неторопливы и, похоже, чувствовали себя в родной стихии: облетали полыньи, опускаясь над ними, иногда садились на воду или на лед. Скрывались чайки, так же как и являлись, неожиданно, вдруг растворяясь в низком сером небе. Были это и старые птицы в своем празднично-

розовом оперении, и окрашенные более скромно молодые. Они пролетали и поодиночке, и небольшими стайками. До тех пор пока полностью не воцарилась полярная ночь, натуралист «Жанетты» профессор Ньюкомб отмечал их в своем дневнике почти ежедневно. Несколько чаек ему удалось подстрелить.

«Жанетта» так и не освободилась от ледяного плена. Полтора года длился ее вынужденный дрейф, и наконец, не выдержав натиска льдом, к северу от Новосибирских островов она затонула. У экипажа не оставалось другого выхода, как идти пешком к берегам Сибири. Людям предстояли жестокие испытания — бесконечные гряды торосов и широкие разводья, морозы и голод. Все, включая, конечно, и Ньюкомба, понимали, насколько невелики их шансы на спасение. И все-таки, покидая судно, натуралист завернул в обрывок парусины шкурки розовых чаек и, как самую большую ценность, спрятал их за пазуху.

Ньюкомб оказался одним из тех участников экспедиции, кому посчастливилось благополучно вернуться на родину. (Из тридцати трех членов экипажа «Жанетты» на этом пути погибли двенадцать, в том числе начальник экспедиции Джордж Де-Лонг.) Доставил он сюда и птичьи шкурки. Это были первые розовые чайки, попавшие в американские зоологические музеи. Наблюдения Ньюкомба, правда, не давали прямого ответа на вопрос, но могли бы помочь найти родину чаек. Однако пока никому не удалось этого сделать.

Розовая чайка превратилась в живую легенду. Заветной мечтой великого исследователя Арктики Нансена было хотя бы раз в жизни увидеть эту птицу. Мечта его осуществилась. В 1895 году во время тяжелого пути по льдам севернее Земли Франца-Иосифа ему удалось не только увидеть, но и добыть чайку. Радость его не знала границ. Забыв об усталости, он пустился в такой лихой пляс, что не на шутку перепугал своего товарища: не сошел ли Нансен с ума? Стоял июль, разгар арктического лета. Птицы то и дело показывались над разводьями, похоже, улетали в сторону видневшейся на горизонте земли. «Где же еще быть родине розовых чаек?» — подумал Нансен. Но на этот раз он ошибался. На Земле Франца-Иосифа побывали затем многие натуралисты, однако никаких следов гнездовой птиц не обнаружили. Загадка оставалась неразгаданной.

Осенью 1901 года участники Русской полярной экспедиции, снаряженной Академией наук для поисков легендарной Земли Санникова, встретили большие стаи этих пернатых невдалеке от острова Беннетта, на севере Новосибирских островов. Море вот-вот должно было замерзнуть, но чайки — почти исключительно молодые — порхали над ледяной кашей с непонятным

легкомыслием. Казалось, их не страшила наступающая зима и они были не прочь остаться здесь даже на зимовку.

Экспедиция провела на Новосибирских островах около года. Следующей осенью, теперь уже в меньшем удалении от материка, ее участники опять наблюдали розовых чаек. Стаи держали путь к северу.

Все-таки не здесь ли, в Восточной Сибири, выводят они птенцов? Правда, «под подозрением» оставалось также и западное побережье Гренландии. Там, в заливе Диско, еще в 1885 году было найдено яйцо, якобы снесенное розовой чайкой. Однако мнения орнитологов, изучавших эту находку, разошлись. Новых же доказательств гнездования пернатых в Гренландии не было, хотя самих птиц там видели неоднократно.

1905 год принес орнитологам сенсационное известие. Наконец-то найдена родина розовых чаек! Открытие принадлежало известному русскому зоологу и североведу Сергею Александровичу Бутурлину. Родиной птиц действительно оказался северо-восток Сибири. Гнезда и выводки Бутурлин обнаружил в низовьях Колымы, на Алазее и Индигирке, среди заболоченной тундры и лесотундры. Впервые были описаны яйца и птенцы, поведение птиц, собраны большие коллекции шкурок розовых чаек разного возраста.

Только теперь загадка, заданная Россом, как будто была разгадана, — но не до конца...

Чучела и шкурки розовых чаек можно увидеть сейчас почти во всех зоологических музеях. Однако их розовая окраска очень нестойка, музейные экспонаты быстро обесцвечиваются, даже если хранятся в полной темноте, и дают сильно искаженное представление о живых птицах. А их легкость, изящество разве могут быть переданы чучелом?

Родина чаек занимает очень небольшую площадь, и даже в наши дни она остается далекой и труднодоступной. Долететь на самолете до низовьев Индигирки или Колымы, конечно, не проблема. Но чтобы добраться от аэродрома до самих гнездовий, нужно потратить много времени и сил. А поскольку места своего размножения птицы передко мешают, затраченные усилия вообще могут оказаться бесплодными. Поэтому не многие орнитологи смогли познакомиться с живыми розовыми чайками и что-либо добавить к наблюдениям Бутурлина.

Теперь известно, что область регулярного размножения птиц простирается от низовьев Яны до низовьев Колымы и захватывает равнинные заболоченные участки южных тундр и лесотундры. Время от времени их гнезда встречают и в низовьях Лены, и на западе Чукотки. Небольшая колония розовых чаек

недавно была обнаружена на юго-востоке Таймыра. Возможно, что отдельные пары размножаются и в еще большем удалении от области их регулярного гнездования (быть может, все-таки именно яйцо розовой чайки было найдено в Гренландии?).

Гнездятся чайки отдельными парами или небольшими колониями на сырых, кочковатых берегах озер, низменных островках или кочках среди озер и болот. Они, как мы уже видели, ведут себя на гнездовье довольно агрессивно, смело атакуют крупных чаек, поморников, даже человека. В компании себе подобных птицы сварливы и часто ссорятся между собой из-за места, корма или просто так. Однако при каких-то обстоятельствах розовые чайки проявляют общительность и миролюбие: в непосредственной близости от их гнезд можно найти гнездо и куличка-плавунчика, и даже крупной чайки.

Чайки появляются на своей родине в конце мая, причем в большинстве случаев летят прямо с севера. Жители Северной Якутии видят их в это время особенно часто. Если весна задерживается, в тундре нет еще проталин, а на реках и озерах нет водяных заберегов, пернатые нередко останавливаются у человеческого жилья и даже ищут корм на помойках. С началом таяния снега птицы рассеиваются по болотам и сразу же приступают к своим гнездовым делам. Гостят они на родине недолго. Уже в конце июля как взрослые, так и едва начавшие летать молодые отправляются не к югу, как почти все пернатые, а опять к северу, к побережьям Ледовитого океана. Осенний пролет их проходит быстро; осенью, так же как и летом, чайки уже относительно редко попадают на глаза человеку.

Известно, что птицы неразборчивы в пище; в гнездовое время они кормятся водяными насекомыми и их личинками (включая личинок комаров), рачками, мелкой рыбешкой, моллюсками и даже поедают некоторые растения. В желудках чаек, добытых в море, обычно находят мелких планктонных рачков, моллюсков или мелкую рыбу.

Установлено, что розовые чайки начинают размножаться не раньше чем в двухлетнем возрасте (поэтому молодые птицы не связаны с сушей и их относительно часто встречают в море вдали от родины летом), что они откладывают по два-три яйца и насиживают их около трех недель. Описаны интересные брачные церемонии, совершаемые чайками перед началом гнездования. Бутурлин так рассказывает о них: «Самец всячески выражает самке свою нежность, то как-то поклеывая или почесывая ей шею открытым клювом, то время от времени начинает похаживать перед ней взад и вперед, несколько выпячивая зоб, и затем с какой-то трелью или трещанием «трррррр» наклоняет

совершенно переднюю половину туловища к земле (точнее, ко льду или снегу), поднимая высоко вверх заднюю половину с хвостом и сложенными крыльями, и продолжает эту пантомиму несколько секунд, делая в этом положении несколько шагов туда и сюда. Иногда этим упражнениям предается и самка.

Орнитолог В. Яхонтов, которому тоже посчастливилось наблюдать брачные церемонии у розовых чаек, описывает их примерно так же: «Самец почесывал и поклевывал широко раскрытым клювом шею одной из самок. Это он, как говорят в народе, «одевал бусы». Шея розовой чайки окаймлена черным ожерельем. Потом самец стал расхаживать перед своей подругой взад и вперед, потом отвесил низкий поклон и, замерев в этой позе, выпятил распущенный веером хвост. «Тр-р-р-рр!» — пустил он от избытка чувств восторженную трель. И самочка тотчас закрыла глаза, подернув их красной пленкой».

Однако все эти сведения относятся к двум летним месяцам. Но где и как проводят чайки остальную часть года?

Несомненно, что осенью и зимой они не покидают пределов Северного Ледовитого океана. Правда, время от времени птиц встречают в Беринговом и Охотском морях, одиночки иногда появляются в Норвегии, Англии, Франции и даже в Средиземном море. Но все это лишь исключения из общего правила, ибо всюду здесь розовые чайки очень редки (например, в Западной Европе за последнее столетие их видели всего шесть раз).

В начале осени розовые чайки часто встречаются у Новосибирских островов. Здесь, на острове Беннетта, мне и довелось много лет назад впервые встретиться с этими птицами. Стайка розовых чаек держалась у небольшой лужи на льду припая. С необыкновенной легкостью и изяществом птицы порхали над водой или плавно скользили над зазубренными вершинами торосов. На фоне неба они походили на какие-то фантастические цветы, повисшие в воздухе, то раскрывающие, то вновь сжимающие свои чудесно окрашенные лепестки. Хотя заканчивался наш дневной маршрут и нужно было ставить палатку, готовить ужин, мы с товарищем долго просидели на прибрежной гальке, погруженные в молчаливое созерцание замечательной картины. Чайки как будто и сами хотели показать себя. Они пролетали всего в трех-четыре шагах, иногда поворачивали головы в нашу сторону и внимательно рассматривали нас темными выразительными глазами. Время от времени пернатые опускались на воду или на лед у берегов лужи и, слегка взъерошив оперение, подолгу сидели так, не двигаясь. Издавали чайки тихие, но очень разнообразные звуки, напоминавшие то верещание, то глухое влаивание, то негромкое воркование домашних

голубей. Эта встреча запомнилась мне на всю жизнь. Она-то и зародила во мне мечту — побывать на родине птиц, ближе познакомиться с ними.

В октябре, уже в преддверии зимы, большие стаи птиц появляются у мыса Барроу, северной оконечности Аляски. Птицы собираются здесь тысячами и, как рассказывают очевидцы, нередко становятся добычей охотников. Они не только не боятся выстрелов, но даже летят на них, очевидно считая, что это взламывается лед, что их ждут здесь открытая вода и корм (в Советском Союзе охота на розовых чаек, конечно, запрещена, они отнесены к категории редких и абсолютно охраняемых птиц СССР уже с 1949 года и включены, как редкий вид, в Красную книгу СССР). Все птицы летят отсюда в одном направлении — прямо на восток. На этом их следы теряются.

Что происходит с розовыми чайками дальше, как проводят они в Арктике суровую зиму, как разыскивают корм в темноте полярной ночи, спасаются от морозов и пурги, никто не знает.

Эта загадка все еще ждет своего решения.

СУДЬБА ЭТИХ ГУСЕЙ ТРЕВОЖИТ

Дикie гуси всегда привлекали внимание человека, и не только как заманчивый охотничий трофей. Интересны повадки этих удивительно сообразительных пернатых и вообще многие их биологические особенности. Да и может ли кто остаться равнодушным, увидев над собой «клин» летящих гусей, услышав осенью в ночном холодном небе их грустные прощальные крики?

В последние десятилетия дикie гуси привлекают внимание зоологов и охотоведов еще и потому, что численность большинства их видов быстро убывает. Положение же некоторых гусей, размножающихся на севере СССР, особенно тревожно, и принимаются меры для их охраны. Об этих птицах мне и хочется рассказать подробнее.

Ивану Толстоухову, посланному в 1723 году императорским указом в Сибирь, было велено «у всякого чина людей русских и иноземцев проведывать и купить разных родов зверей и птиц живых, которые во удивление человеком», в том числе «козар-

ки — крылья черные, зобы коришневые». А в 1721 и 1724 годах в Сибирь ездил другой царский посыльный — Казимиров; ему также было поручено собрать «куриозных птичек и зверьков», и среди них «красных гусков».

В этих «козарках» и «гусках» нетрудно узнать краснозобых казарок. И нельзя не согласиться, что они действительно «во удивление человеком» и весьма «куриозны». Это самые миниатюрные из всех гусей земного шара. Размером птица всего лишь с крупную утку и весит примерно столько же — около килограмма. Еще сильнее выделяется она среди гусей своей яркой окраской. В оперении ее участвуют и рыжий, и черный, и белый цвета, причем в сочетаниях смелых, но гармоничных. Теперь, когда она неплохо изучена, нельзя не удивляться также тому, насколько ограничена птица в своем распространении, и летнем, и зимнем. Необычными для гусей оказываются и некоторые черты ее поведения.

Родина краснозобых казарок — Гыданский полуостров и Таймыр, причем особенно охотно они селятся здесь в полосе кустарниковых тундр. Обычные по погоде зимы эти птицы проводят на юго-востоке Азербайджана, в самой теплой его части и только там, где они находят одновременно хорошие пастбища, пресную воду для питья и безопасные места почевки. В первую очередь это безлюдные низменности, граничащие с мелководными морскими заливами и озерами. В холодные зимы, когда здесь выпадает снег и замерзают водоемы, краснозобые казарки летят южнее, в Иран и Ирак. А в очень теплые зимы многие птицы не долетают до юга Азербайджана, оседают на севере республики и даже в Дагестане. Правда, в последние годы птицы стали зимовать также в Турции и Румынии. И все равно область их распространения остается ничтожно малой.

На места гнездовий эти казарки прилетают поздно, лишь в середине июня, когда тундра практически полностью освобождается от снега, поверхность почвы успевает протаять и уже трогаются в рост злаки и пушицы; они-то и составляют основной летний корм птиц.

Птицы очень подвижны, даже суетливы, характер у них задиристый, но все равно казарки слишком слабы, чтобы успешно оборонять свое потомство, да и самих себя, от голодных песцов. И они используют для защиты все доступные им пути. Гнездятся колониями, и мелкими, состоящими из пяти — семи пар, и крупными, по двадцать — тридцать пар. Ищут покровительства у соколов, мохноногих канюков, даже крупных чаек (серебристых, больших полярных) и очень часто селятся рядом с их гнездами. Собственно, и расстояния между поселениями каза-

рок в том или ином районе определяются плотностью гнездования пернатых хищников. Наконец, для выведения потомства краснозобые казарки предпочитают занимать труднодоступные островки, вершины скал, обрывы по берегам рек и озер — «яры», как называют их на Севере.

Сами гнезда они строят из стеблей трав, а после начала насиживания обильно выстилают их светло-серым пухом. Самка откладывает три — шесть яиц, редко больше; они обычной «яйцевидной» формы, относительно крупные, принимая во внимание размеры птицы, со скорлупой светло-зеленоватого цвета. Насиживание продолжается примерно двадцать пять дней. Самка сидит на яйцах так плотно и греет их так самозабвенно, что подпускает к себе человека (если, конечно, он подходит медленно, не делая резких движений) вплотную, позволяет фотографировать себя с самого близкого расстояния и даже касаться рукой.

После выведения птенцов семьи казарок собираются в общие стайки, держатся уже главным образом на воде, а если и на берегах, то у самой воды, но даже и в это время не рискуют удаляться от гнезд хищных птиц. В тесной связи с водой как раз и заключается одна из особенностей биологии краснозобых казарок. Причем по продолжительности ныряния, быстроте передвижения под водой с ними, очевидно, не могут соперничать другие гуси.

В конце июля у взрослых птиц начинается линька, и на время они теряют способность к полету. А в середине августа, когда отрастают их маховые и рулевые перья, казарки снова летают. В это же время поднимается на крыло молодежь. В сентябре птицы улетают отсюда на зимовку.

Зимой жизнь их протекает однообразно. Мне приходилось бывать в декабре в Кызылагачском заповеднике в Азербайджане, там, где находится главная «штаб-квартира» зимующих краснозобых казарок, и видеть здесь своих «земляков». Это были как раз «нормальные» по погоде зимы. Зеленела трава. Хотя ночами подмораживало и лужи подергивались звонкой корочкой льда, днем пригревало солнце и лед таял. Солнечное тепло иногда выманивало из укрытий даже змей и черепах. Морские мелководья, порыжевшие бурьяны в степи, заросли тростника — все было забито пернатыми зимовщиками. Многие из них объединялись, держались общими стаями.

Гуси, а среди них и краснозобые казарки, ночевали на открытых мелководьях морского залива. Незадолго до рассвета, между семью и восемью часами — в зависимости от того, ясным начинался день или пасмурным, — доносились первые крики

казарок. Значит, они проснулись и готовятся к утреннему перелету. Перед самым восходом солнца их стаи поднимались и летели к ближайшему источнику пресной воды на водопой. Они тянулись одна за другой в течение почти целого часа.

В это же время покидали места ночевок и белолобые гуси, гуси-пискульки, но ни к тем, ни к другим казарки не присоединялись. И, думается мне, по понятной причине. Такой «свалки», какую они устраивают в воздухе, просто не могут вытерпеть их гораздо более степенные сородичи. Казарки поначалу тоже пытаются лететь по-гусиному, «клином», но вскоре их строй ломается, к основному «клину» подстраиваются все новые, дополнительные, и наконец порядок в стае вовсе нарушается. Казарки летят уже «клубясь», как утки, а скорее даже как комары и, не переставая, звонко, по-галочьи, переговариваются.

После утреннего водооя птицы перелетают на кормежку — в степь, а то и на поля, на всходы озимой пшеницы, но за день еще не раз навещают пресную воду. Сразу после захода солнца, вскоре после семи часов, начинается их обратный путь на залив. В светлые лунные ночи они иногда остаются на суше, на местах своих пастбищ, а в ветреную погоду с привычных мест ночевок перебираются ближе к берегу, под защиту тростников. И так изо дня в день до конца февраля — начала марта, когда подходит срок их отлета на родину.

Красота этих птиц, без сомнения, издавна привлекала к ним внимание. И поэтому Толстоухов и Казимиров, о которых я упоминал, конечно, были не первыми ловцами и добытчиками живых краснозобых казарок, тем более что в неволе даже взрослые казарки очень быстро перестают дичиться и ручнеют. Гусята же сильно привязываются к человеку.

Изображения казарок обнаружены на египетских папирусах, и вполне возможно, что уже древние египтяне содержали этих птиц и любовались ими. В наши дни их можно увидеть в неволе в зоопарках многих стран мира. До недавнего времени, пока их не научились разводить, они очень высоко ценились (например, Московский зоопарк получал в обмен на несколько пар краснозобых казарок и слона, и человекообразную обезьяну).

У белошейной казарки верх тела в основном черный, низ — белый, лоб, щеки и верх горла — чисто-белые (отсюда и происходит название птицы). Она лишь незначительно крупнее краснозобой казарки. Невелика и область распространения казарки: эти птицы размножаются на востоке Гренландии, на Шпицбергене, Лофотенских островах у северного побережья Норвегии, а в СССР — на западном побережье южного острова Новой Земли

и Вайгача. Зимуют казарки в прибрежных районах Западной Европы — от Дании на севере до Англии на западе и Франции на юге. Из Гренландии к местам зимовок они летят через Исландию, со Шпицбергена — над открытым морем, с Новой Земли и Вайгача — вдоль берегов Белого и Балтийского морей.

Можно назвать несколько характерных особенностей биологии этой птицы: и летом, и особенно зимой она тесно связана с морем; гнездится только колониями — либо на прибрежных скалах, либо на обрывистых берегах рек в их низовьях; как правило, для защиты яиц белошекие казарки прибегают к опеке пернатых хищников, и чаще всего сапсанов, о чем говорилось выше.

На свою родину, на Новую Землю и Вайгач, они прилетают во второй половине мая, вслед за другими видами гусей — гуменниками и белолобыми. И хотя на уступах прибрежных скал еще белеют пятна нестаявшего снега, птицы вскоре же начинают строить гнезда: собирают растительную ветошь, выброшенные морем обрывки водорослей и укладывают этот материал в неглубокую ямку в грунте, а то и просто на каменном уступе.

Колонии их могут состоять всего лишь из трех — пяти пар, но встречаются и такие «общезития», в которых насчитываются десятки жильцов. Располагаются они нередко на большой высоте, в пятидесяти метрах над морем, а то и выше. Особенно тесниться гуси не любят, и внутри колонии пара от пары редко гнездится ближе чем в двух метрах. Казарки часто селятся на карнизах птичьих базаров, и их, видимо, мало тревожат шум и суета соседей. Охотно гнездятся они и вместе с гагами, в компаниях гораздо более тихих и спокойных, чем их собственные. Любопытно, что в таких случаях мне не раз приходилось находить в гнездах казарок гагачьи яйца. Как они сюда попадали и какая их ожидала судьба, к сожалению, осталось для меня загадкой.

В начале июня самки приступают к кладке и несут до четырех-пяти яиц, редко больше. Скорлупа их в первые дни чисто-белая, а позже, под наседкой, она приобретает желтоватый оттенок. Начав насиживание, гусыня обильно выстилает свое гнездо светло-серым пухом, и тогда гнезда белошеких казарок становятся заметными на большом расстоянии. Насиживают птицы, как и другие виды казарок, двадцать четыре — двадцать пять дней.

Как же спускаются их птенцы с высоких и обрывистых скал на землю? Этот вопрос давно интересовал натуралистов. Высказывались даже предположения, что родители переносят гусят на своей спине или в клюве. Но на самом деле это совсем не так. Как-то в середине июня мне пришлось попасть на карниз птичь-

его базара, где, как я еще раньше заметил, гнездились несколько пар белошеких казарок.

К появлению здесь человека разные обитатели этого «общегития» отнеслись неодинаково. Большинство кайр, оставшись на местах, лишь повернули в мою сторону головы. Их самки недавно отложили по единственному яйцу, и теперь по-спартански, пренебрегая какой бы то ни было подстилкой, птицы грели их, причем даже не сидя, а стоя на голом камне. Казавшиеся вопросительными взгляды кайр сопровождались хриплым ворчанием, выражавшим то ли недоумение, то ли недовольство. Чайки-моевки, чьи гнезда были прилеплены к каменной стенке у края карниза, хотя их визгливые голоса и зазвучали громче, тоже не проявили особого беспокойства. Большинство их так и не взлетели, а остальные летали надо мной медленно и низко. Невозмутимо лежал на камне совсем рядом чистик. Но казарки, едва моя голова показалась над карнизом, сразу же взмыли в воздух. Несколько птиц опустилось на воду под берегом, другие с отрывистыми, лающими криками закружились высоко над скалами. В ближайшем гусином гнезде среди трепетавших от ветра клочков пуха виднелись яйца. Остальные гнезда, похоже, были пусты, а у самого края обрыва плотной кучкой с писком металась новорожденные, но уже сухие гусята.

«Что же делать? — промелькнула мысль. — Сейчас они разобьются». И я начал было прикидывать, как мне быстрее уйти отсюда. Но необходимость в этом тут же миновала. Один из птенцов, набравшись храбрости, прыгнул со скалы. Мне было хорошо видно, как он по пути несколько раз ударялся о выступавшие камни. Но падал гусенок медленно, почти как комок ваты, и поэтому, достигнув галечникового пляжа, легко поднялся на ноги и засеменял к воде. За первым прыгнул второй, третий, и на карнизе уже никого не осталось. В море гусят ждали взрослые казарки, и они даже не стали разбираться, какой птенец кому принадлежит. Родители окружили малышей и поплыли общей стаей к зеленовшему невдалеке низменному берегу.

Потом мы все-таки измерили высоту, на которой располагался этот карниз. Она составляла около тридцати метров!

Хотя я и вызвал тогда панику среди птиц, но, возможно, она усугублялась недавним появлением птенцов, а для родителей это вообще пора больших волнений. Приходилось мне видеть птиц и во время насиживания. Они были гораздо спокойнее, подпускали к себе близко, почти так же, как и краснозобые казарки.

К корму птицы неприхотливы и поедают большинство тундровых трав, особенно осоки, а кроме того, листики и сережки ив.

Зимой их рацион еще более разнообразен: это и травы, и водоросли, и морские беспозвоночные животные, в том числе мелкие моллюски.

С конца июля до середины августа взрослые казарки линяют. В это время подрастают и оперяются их птенцы. В конце августа — начале сентября птицы трогаются в путь, а в октябре — ноябре достигают своих зимовок. Здесь они остаются до марта или апреля, держатся преимущественно на заболоченных морских берегах и только большими и плотными стаями (их общительность, следовательно, проявляется и зимой), причем жизнь пернатых в это время года тоже весьма однообразна.

В неволе, где их часто содержат, белошекие казарки быстро становятся ручными и живут по многу лет. Однако разводить птиц долго не удавалось. Впервые приплод их был получен в 1930 году в Московском зоопарке лишь после того, как на берегу пруда сложили несколько куч камней. Казарки, очевидно, «поверили», что это скалы, и «обман» остается нераскрытым до сих пор. Те кучи камней лежат на прежних местах, и на каждой из них птицы ежегодно устраивают гнезда...

По-чукотски он называется «итлихлеут», что значит «белоголовый», и это, несомненно, более удачно, чем «гусь-белошей», как зовут его местами русские охотники (таково же и официальное его название), или чем старое книжное «голубой» или «канадский» гусь. Действительно, первое, что бросается в глаза при виде птицы, — ее крупная белая голова. Затем уже можно заметить, что шея гуся относительно короткая, толстая, сзади — белая (остальное оперение его голубовато-серое, с красивым волнистым узором), а весь он — плотного, массивного телосложения.

Распространен этот гусь на севере Тихого океана. Гнездится он только в восточной части Чукотки, на побережье Анадырского залива, а также на крайнем западе Аляски. Места его зимовок лежат недалеко оттуда, на Алеутских и Командорских островах, на восточном побережье Камчатки и на западе Северной Америки вплоть до Калифорнии на юге.

Наиболее характерная особенность его биологии заключается в тесной связи с морскими побережьями, хотя летом он и залетает довольно далеко в глубь суши и даже обосновывается там на гнездовье.

На своей родине, на Чукотке, белоголовые гуси появляются в конце мая — начале июня. Как рассказывают очевидцы, в первое время по прилете самцы токуют (что не очень-то свойственно гусям): довольно неуклюже расхаживают вокруг гу-

сын, покачивая при этом головой и издавая негромкие, хриплые звуки. А в пределах своего обширного гнездового участка гусаки ведут себя воинственно и прогоняют отсюда весной не только своих сородичей, но и вообще любых средней величины пернатых.

Селятся они среди равнинной, часто сырой тундры и довольно далеко пара от пары — в сотнях метров, а то и в нескольких километрах. Гнезда их незатейливы. Птицы утаптывают в грунте неглубокую ямку, устилают ее травой, перьями, обрывками мхов, лишайников, а с началом насиживания также и пухом. Но подстилки и особенно пуха в их гнездах бывает немного. И в этом заключен очевидный смысл: когда взрослые гуси уходят или улетают, заметить их гнездо даже вблизи бывает трудно.

Около середины июня самки откладывают в гнезда по четыре-пять, изредка по восьми яиц и приступают к насиживанию. Интересно поведение птиц в это время. При опасности, например при приближении человека, самка оставляет гнездо, и птицы, пригнувшись, вытянув голову, осторожно пробираются к воде. Если затаиться и не беспокоить их, они отходят лишь на сто — полтора метра и ходят здесь, спокойно пощипывая траву. Постепенно птицы возвращаются к гнезду, а дойдя до него, самка опять садится на яйца. Если гуси сильно испуганы, они проходят несколько метров пешком, а затем поднимаются в воздух и, летя низко над землей, исчезают из виду. Но бывает, что при опасности гусыня лишь расплывается на земле, вытягивая перед собой шею; она и сама становится невидимой, и прикрывает собой гнездо.

В июле взрослые гуси приступают к линьке, а в августе они вновь становятся летными. Молодые в августе тоже летают — к этому времени они подрастают, оперяются и становятся похожими на родителей, с той лишь разницей, что черный цвет на передней стороне шеи у них заменяется пока буроватым. В сентябре, а иногда и в октябре птицы откочевывают на зимовку.

Летом, как и другие гуси, они кормятся травами, особенно охотно злаками и осоками. Но во внегнездовое время, с осени до весны, птицы держатся главным образом на низменных морских побережьях и мелководьях, где поедают не только травы, но и водоросли, морских беспозвоночных животных, и в том числе мелких моллюсков.

Мне довелось встречаться с белоголовыми гусями лишь на острове Нунивак, на Аляске. В середине сентября здесь стояли еще теплые солнечные дни, но с севера уже стая за стаей ле-

тели черные и канадские казарки и вот они, белоголовые гуси. Это был верный признак того, что на их родине послышалось дыхание зимы и скорее всего уже выпал снег. Канадские казарки, не задерживаясь, пролетали над этой сушей, а черные казарки и белоголовые гуси останавливались на неглубоких лагунах у южного побережья острова.

Интересно, что в любое время светлой части суток птиц можно было видеть сидящими на море. Создавалось впечатление, что они даже не летали на водопой, а довольствовались соленой водой. Разные виды не смешивались между собой, держались обособленно. Стаи белоголовых гусей выдавало множество белых точек, которые раскачивались в такт волнам. Когда в лагуне появилась лодка, первыми взлетали черные казарки. Гуси поднимались в воздух неохотно и летели, почти стелясь над самой водой.

Белоголовый гусь и белощекая казарка, казалось бы, имеют между собой мало общего. Однако существует предположение, что они находятся в близком родстве: некоторые орнитологи находят и сходство в их окраске — как взрослых птиц, так и их пуховых птенцов.

Конечно, между ними есть и существенные различия, но несомненно, гораздо больше сходных черт — в биологии, поведении — объединяют все виды гусей.

Гуси живут парами, причем супруги неразлучны не только летом, но и во время перелетов и на зимовках; «брачный союз» их сохраняется много лет, если не всю жизнь. Поражает глубина взаимной привязанности птиц. Если из пары пролетавших гусей убита гусыня (она всегда летит впереди и обычно первой попадает под выстрел охотника), гусак, несмотря на явную опасность, долго не покидает убитую подругу, кружит над ней, зовет ее призывными криками, а иногда и опускается на землю, даже если близко находятся люди. Возле гусыни, погибшей от раны не сразу после выстрела и не доставшейся охотникам, убитый горем супруг способен провести несколько дней подряд. Он яростно защищает даже окоченевший труп самки от песцов, чаек или поморников. На острове Врангеля от одного из охотников я слышал такой рассказ. Весной здесь была убита самка белого гуся. Гусак, ее супруг, имевший клюв необычной формы (очевидно, в него когда-то попала дробь), долго кружил над охотничьей засидкой. Он появлялся над ней еще в течение двух-трех дней, а затем исчез. Следующей весной охотник устроил засидку на прежнем месте. Велико было его удивление, когда от пролетавшей стаи отделился приметный гу-

сак и стал кружить над тем местом, где год назад была убита его гусыня...

В гнездовое время между супругами существует довольно четкое распределение обязанностей. Гусак охраняет гнездовый участок — «семейное пастбище» от посягательств соплеменников, защищает кладку и гусыню от хищников. Если он и насиживает яйца (вообще-то это основная забота самки), то нерегулярно и неподолгу. Поэтому он не так стеснен в своем передвижении вокруг гнезда, имеет возможность часто ципать траву и почти не теряет упитанности. Жизнь самки более спокойна, хотя в этом есть и свои неудобства. Она привязана к кладке и может пасть гораздо реже, чем гусак. Не удивительно поэтому, что к концу насиживания она оказывается сильно истощенной.

Птенцы выводятся покрытыми густым желтоватым или серым пухом, а само рождение их выглядит у разных видов гусей более или менее одинаково. Весь процесс от появления в скорлупе едва заметного отверстия до того момента, когда семья покидает гнездо и свой гнездовый участок, занимает обычно около двух суток. Вначале в скорлупе образуется небольшое отверстие. Проходит немного времени, и подпиленная изнутри скорлупа (как и птенцы всех прочих птиц, гусята пользуются при этом специальным «яйцевым зубом» на клюве) лопается, тупой конец ее отлетает в сторону. Показывается мокрая голова, с любопытством смотрят на свет большие темные глаза. Освободиться от остатков ненужной теперь скорлупы совсем просто. Несколько часов гусята обсыхают под материнскими крыльями, а затем, почувствовав себя самостоятельными, отправляются знакомиться с миром. За выводком следуют родители: другого выхода у них нет...

В первые часы жизни птенцы запечатлевают образ своих родителей, и, хотя потом выводки объединяются в стаи, семьи у гусей сохраняются еще очень долго. Запечатление вида родителей свойственно, конечно, и другим пернатым, особенно выводковым (тем птицам, чьи птенцы вскоре же после вылупления оставляют гнезда, могут двигаться за родителями и самостоятельно добывать корм), но как-то уж очень наглядно оно выражено у гусей; не случайно в первую очередь на них биологи и изучают это интересное явление.

Оно поразило меня еще много лет назад, на Ямале. Здесь у меня были заложены опытные площадки, и в то лето почти каждый день я ходил на них, чтобы провести нужные наблюдения. Рядом с одной из площадок находилось гнездо белолобых гусей. С хозяевами его у нас установились в некотором

роде доверительные отношения. Подходя к площадке, я начинал громко разговаривать сам с собой или петь. Тогда над приметными порослями карликовых берез вытягивались и затем исчезали гусиные шеи. Сигнал был принят. Гуси теперь знали, что приближается «свой», и спокойно, пешком уходили на ближайшее пастбище. Казалось, что они, во всяком случае гусыня, даже были рады воспользоваться случаем «сослаться» на то, что были испуганы человеком, и лишний раз пощипать траву. Уходя отсюда, я обычно заглядывал в гусиное гнездо, чтобы убедиться, что у моих знакомых все в порядке.

Однажды, наклонившись над гнездом, я услышал, как в яйцах хором тонкими голосками попискивают гусята, а на одном из них скорлупа чуть вздулась и обозначилось место будущего отверстия. Я был не просто рад за гусей, рад тому, что их заботы завершаются успешно, но даже как бы разделял с ними этот успех.

Через день, как и обычно, заранее предупредив птиц, я явился на площадку и, закончив свои дела, подошел к гнезду. Теперь в нем лежали полуобсохшие птенцы. Они жалобно пищали, дрожали, и потому, сфотографировав их, я сразу же ушел, чтобы дать возможность родителям вернуться к гусятам. На ходу я слышал какой-то негромкий писк, который доносился до меня время от времени откуда-то сзади. Площадка оставалась все дальше, а писк не утихал. Оглянувшись, я был необычайно поражен. Ковыляя на своих еще неокрепших лапах, то и дело запинаясь и падая, за мной катились желтые пуховые клубочки. Я, конечно, догадывался, что это были птенцы «моих» гусей, но никак не мог поверить, что они предпочли общество впервые увиденного человека обществу своих родителей.

Все еще сомневаясь в справедливости своей догадки, я собрал гусят в шапку и пошел к гнезду. Оно было пусто, а на виду с тревожными криками ходили два гуся. Значит, это те самые птенцы!

Нужно было как-то вернуть их родителям. Я посадил гусят в гнездо, огородив его невысоким частоколом из березовых прутьев, и быстрыми шагами отправился восвояси. Пройдя сотню-другую метров, я сел отдохнуть, довольный тем, что в семье у моих знакомых опять все в порядке. Но тут же послышался жалобный писк и показались совершенно изнемогающие от усталости гусята! Я опять отнес их в гнездо, но повторилось то же самое. Убедившись в том, что мои попытки бесполезны, я принес гусят в лагерь, и здесь они росли, считая меня своим единственным и настоящим родителем.

Родители с гусятами обычно уходят на другие пастбища — более увлажненные, примыкающие к рекам, озерам или к морю. Теперь здесь не только больше корма, и притом более полноценного, но и гораздо безопаснее. У гусей уже начинается линька — выпадают маховые и рулевые перья, и при появлении наземных хищников, например песцов, они могут спастись только на воде. Линька у гусей протекает очень бурно. Как правило, не проходит двух недель, как они оказываются уже в новом перье и поднимаются на крыло.

На этих лучших в тундре пастбищах удивительно быстро растут и развиваются гусята: едва они освобождаются от пуха, как оказываются покрытыми настоящими перьями. Удлиняются их крылья, и молодежь пытается пустить их в ход: птицы часто расправляют крылья, хлопают ими, пробуют подлетывать, а затем уже и летают, хотя еще неуверенно, низко над землей или над водой. Крепнущая с каждым днем уверенность в своих силах явно доставляет юнцам чувство удовлетворения. Они взлетают, не принуждаемые к тому какой-либо опасностью, и, опустившись на землю, издают победные, торжествующие крики.

Бурное протекание линьки у стариков и быстрый рост молодых — качества, необходимые птицам для жизни на Крайнем Севере: едва они начинают летать, как на их родину приходит осень. Сначала — золотая: задорными веснушками тундру расцвечивают пожелтевшие и потому как бы «прорезавшиеся» крошечные кустики ив. Но ее быстро сменяет поздняя осень, когда по утрам землю серебрят иней, лужи и мелководные заливы подергиваются кружевом ледяных игл, а с неба все чаще падают снежинки — либо мелкие и сухие, либо пухлые, влажные. Это уже время отлета гусей на зимовку.

Поведение птиц становится каким-то нервным. Днем они все еще спокойно пасутся у рек и озер, но ночи проводят сумбурно. С наступлением сумерек гуси как будто утихомириваются и засыпают. Но вот к стае подсаживаются новые птицы. Поднимается невообразимый галдеж. Прилетевшие либо обосновываются здесь же, прячут головы под крыло и замолкают, либо, сманив ночлежников, летят дальше, будят новых птиц. Партии гусей непрерывно объединяются и делятся. До самого рассвета тундра то стихает, то наполняется гусиным гогогом. Птицы словно обсуждают какие-то важные проблемы, но никак не могут прийти к единому мнению. Вообще-то такую картину можно наблюдать на острове Врангеля, где живут главным образом белые гуси. Но в принципе то же самое про-

исходит в других районах Севера и так же ведут себя любые виды гусей.

Косяки отлетающих на юг гусей, когда птицы садятся на отдых и кормежку, рассыпаются на семьи, состоящие из родителей и подростков. Семьи сохраняются первое время и на зимовках, а иногда — почти до самого отлета родителей на родину. Но все же молодые находят себе «женихов» и «невест», и старики улетают на север одни. Необычайно интересно наблюдать (а это можно видеть и в зоопарке, где гуси размножаются), как зарождаются симпатии между молодыми птицами, как гусак очаровывает свою избранницу, изгибая вниз шею и принимая перед гусыней издали гордые и в то же время полные смирения позы (кстати, своей подвижной шеей гуси и выражают все эмоции). Признаком состоявшегося «обручения» может считаться то, что оба гуся начинают ходить рядом. А с того момента, когда они впервые вдвоем прогоняют противника и, торжествуя победу, одновременно издают свое триумфальное гоготанье, супруги уже не разлучаются. Постоянство семей у гусей имеет, конечно, и свое биологическое обоснование. Их птенцы долгое время остаются несмышлеными и должны почти целый год находиться под родительской опекой.

Молодежь прилетает на Север самостоятельными стаями (а внутри их — парами) позже стариков. Да им и некуда особенно спешить, поскольку размножаться они начинают, как правило, не раньше чем в трехлетнем возрасте. Они раньше приступают к линьке и раньше улетают отсюда на юг. Интересно, что молодые неполовозрелые гуси часто проводят лето не на своей родине (туда они будут прилетать для размножения), а в других районах Севера.

Родина подавляющего большинства диких гусей Евразии и Северной Америки — тундры и лесотундры, а некоторые из этих птиц селятся даже в самых суровых местах арктических пустынь. И хотя они проводят здесь не больше четырех-пяти месяцев в году, особенности их строения, жизнедеятельности, а тем более распространения несут на себе глубокий отпечаток природных условий Крайнего Севера.

Как и остальные «северяне», они направляют усилия на экономию тепла, сокращение теплоотдачи. Большую роль в этом играет густой пух, покрывающий тело гусей; находящаяся в их гнездах выстилка из пуха, выщипанного гусыней со своей груди и живота, защищает от холода яйца и птенцов. Именно на этих птицах можно проследить и проявление так называемого «правила Аллена» — укорочения выступающих

частей тела по мере продвижения животных к северу. Например, самый длинноклювый из гусей — таежный гуменник. У тундровых гуменников клювы уже гораздо короче. Самые короткоклювые и «компактно» сложенные гуси — казарки; они же и наиболее северные из гусей.

Выше уже шла речь о той роли (правда, недостаточно выясненной), какую играет окраска оперения или меха в экономии животными тепла (согласно так называемому правилу Глогера). В этой связи обращает на себя внимание, что среди гусей встречаются и белые (белый гусь), и преимущественно черноокрашенные птицы (черная, белощекая, канадские казарки), хотя вообще-то для окраски гусей более характерны серые тона. А вот правило Бергмана, согласно которому с продвижением к северу размеры тела животных увеличиваются (а следовательно, и относительно сокращается их теплоотдача), на гусях прямо не проявляется. Даже наоборот: краснозобая, черная, белощекая казарки, белый гусь, тундровый лебедь отличаются от распространенных южнее близких видов самыми мелкими размерами. Но, как это ни покажется странным, гуси вовсе не вступают в противоречие с правилом Бергмана.

Оказывается, что среди арктических теплокровных животных «ненормально» мелкими размерами обладают не только эти птицы. Таковы же и северные олени: самые мелкие и светлоокрашенные из них, как мы уже видели, населяют крайние северные участки суши с особенно скудными пастбищами; и наоборот, южные их подвиды обладают наиболее крупными размерами. По сравнению с лесными небольшой величиной характеризуются тундровые волки (вопреки широко распространенному мнению!), ласки и горностаи. Возможность добывания корма у них неодинакова в разные сезоны года и в разные годы. Когда случаются «неурожаи» леммингов и других мелких грызунов, что происходит здесь периодически, ласки и горностаи в тундре голодают. Таких примеров можно привести много, и все они, пожалуй, говорят о том, что «ненормально» мелкие размеры некоторых арктических млекопитающих и птиц прямо связаны с недостаточной обеспеченностью их кормами. В первую очередь это свойственно травоядным животным, а следовательно, и гусям, что хорошо согласуется с угнетением наземной растительности в высоких широтах по мере продвижения с юга на север. Могут быть здесь, конечно, и другие объяснения. Очевидно также, что небольшие размеры тела компенсируются у таких «северян» какими-то

другими приспособлениями, в частности у гусей — более компактным телосложением.

Очень велика в жизни гусей на Крайнем Севере роль снежного покрова, поскольку даже при самом неглубоком снеге кормиться они не могут. Уже сами сроки прилета птиц на родину и отлета их отсюда хорошо согласуются со сроками схода и залегания снега. А продолжительность залегания снежного покрова по сути дела определяет северные пределы распространения в Арктике тех или иных видов гусей. Естественно, что большинство казарок (а их гнездовый период хотя и ненамного, но короче, чем у «настоящих» гусей) имеют возможность размножаться в более северных районах.

Бесснежный период на Крайнем Севере короток, но в одних местах снег здесь стает раньше, в других — позже. Поэтому и гнезда птиц, особенно тех, кто долго насиживает яйца, распределяются по тундре и лесотундре очень неравномерно. С наибольшей плотностью пернатые, в том числе и гуси, заселяют склоны речных долин, которые раньше освобождаются от снега и где пастбища богаче кормами. Как уже говорилось, возможно, что в основе удивительной «дружбы» в гнездовое время гусей с сапсаном тоже лежит продолжительность периода залегания на Севере снежного покрова.

Для Крайнего Севера очень характерно непостоянство погодных условий. Затянувшаяся холодная весна, необычно поздний сход снега, запоздалое вскрытие рек и озер нередко распространяются здесь на большие пространства. А если учесть вообще краткость здешнего лета, особенно большую ценность каждого летнего дня на Севере, нетрудно понять, насколько неблагоприятными для гусей могут оказаться такие отклонения от «нормальной» погоды. Поздний сход снега задерживает развитие растительности, по этой же причине птицы не только голодают, но и не могут найти мест для постройки гнезд. В эти годы значительная часть гусей, а то и все они вообще не размножаются. Таким было, например, лето в 1933, 1949, 1961 годах, когда во многих районах Арктики большинство гусей не гнездились и, следовательно, пополнения в их поголовье практически не было. А вот что случилось весной 1931 года на острове Врангеля. Тогдашний начальник острова А. И. Минеев писал в своем дневнике: «Весь июнь и часть июля, как никогда раньше, тундра была покрыта снегом, причем даже в середине июня бывала пурга. Нам встречалось бесчисленное множество гусей, носившихся в воздухе в поисках мест для гнездовья, но найти нужные места им не удавалось».

Гуси не только тесно завязят в сроках своего прилета и отлета от сроков таяния и выпадения снега, но и замечательно точно предчувствуют изменения погоды, приближение волны холода. На этой хорошо известной полярникам основе нередко строятся довольно точные прогнозы погоды. Стаи первых прилетевших в тундры гусей всюду здесь метко называют «разведчиками». За этими птицами обычно наблюдают с пристальным интересом. Если «разведчики» вдруг снова улетают к югу — жди возврата холодов. Осенью стремительно летят гуси на юг — значит, вскоре похолодает, выпадет снег.

Из трех видов гусей, о которых здесь идет речь и чья судьба вызывает тревогу, особенно беспокоит будущее краснозобой казарки. Как вид, находящийся под угрозой исчезновения, она включена в Красную книгу СССР. Конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, предусмотрен строгий контроль за торговлей этими птицами (а также, например, их шкурками) и их перевозками.

Еще в середине 50-х годов общая численность их составляла более сорока тысяч, а уже через десятилетие она сократилась примерно до двадцати пяти тысяч, и на севере СССР краснозобые казарки стали самыми малочисленными из гусей. Причины, вызывающие исчезновение птиц, очевидны. Их жизнь колониями, гнездование из года в год в одних и тех же местах, необычайная привязанность к гнездам в сезон размножения — все это делает их особенно уязвимыми. А между тем на некогда безлюдных реках и Таймыра, и Гыданского полуострова, там, где они устраивают гнезда, сейчас живут рыбаки. Сюда часто наведываются разные экспедиции. Среди этих людей много охотников, и далеко не все из них знают, как выглядит краснозобая казарка и что этот вид подлежит абсолютной охране. По тундре бродят вместе с ними или сами по себе их собаки...

Катастрофически сокращается численность соколов-сапсанов — защитников краснозобых казарок, и песцы с каждым годом все более безнаказанно совершают набеги на колонии гусей. Все более многолюдными становятся те местности, над которыми птицы пролетают весной и осенью; все больше здесь становится охотников...

Все интенсивнее развиваются сельское хозяйство и промышленность, растет население там, где зимуют эти птицы. Поэтому сокращаются области их зимовок, казарки вынуждены искать для себя новые прибежища. Тридцать — сорок лет

назад они перестали появляться зимой в Туркмении; в последние пятнадцать — двадцать лет резко ухудшились возможности их зимовок в Азербайджане, и одновременно стали известны новые зимние квартиры казарок — в Турции и Румынии.

Совсем ли безнадежно их будущее?

Хочется думать, что нет. В самые последние годы на их родине — на севере Западной и Средней Сибири — количество птиц, кажется, перестало убывать. Разрабатывается план организации на Таймыре государственного заповедника. Местом их зимовки в Азербайджане все еще остается Кзылагачский заповедник, и судьба птиц во многом зависит от его гостеприимства...

В середине 50-х годов считалось, что численность белошеких казарок, гнездящихся в СССР, вряд ли намного превышает тысячу. Однако сейчас количество их заметно возросло. Например, в последние годы над Эстонией весной пролетает около двадцати тысяч белошеких казарок. Наиболее вероятно, что они летят на Новую Землю и на Вайгач, а указанная цифра — показатель общей численности птиц, проводящих лето на этих островах. Кстати, как можно судить по учетам их на зимовках, этих птиц становится все больше и в других местах их гнездования.

Белоголовый гусь тоже включен, как редкий вид, в Красную книгу СССР, но положение с ним гораздо хуже, чем с белошекой казаркой. Считается, что всего в мире этих гусей насчитывается меньше тридцати тысяч (большая часть их обитает в США), и с каждым годом эта цифра сокращается. Необходимы особые меры, чтобы сохранить этих птиц.

ЛИЧНО ИЗВЕСТНЫ

Началось это в феврале 1964 года. К тундровым лебедям, живущим на пруду с подрезанными крыльями, присоединился их дикий сородич. Вскоре он исчез, а затем появился снова.

— А ведь это уже другой лебедь,— сказала Даффила, десятилетняя дочь Питера Скотта.

— Откуда ты это знаешь? — удивился отец.

— Но у него же совсем другое лицо, посмотри сам!

Разговор происходил перед большим окном над самой водой, и отсюда, из рабочего кабинета Скотта, известного английского зоолога, художника и деятеля по охране природы, даже невооруженным глазом можно было хорошо рассмотреть головы и своих, полудомашних птиц, и диких гостей.

Действительно, есть разница! У того клюв почти весь желтый, у другого — розовый с черным, у третьего — черный цвет образует характерный рисунок. А вот этого вообще ни с кем не спутаешь, такой он забияка. Так появились Двухточечный

и Веснушчатый, Лимонный и Розовый, Цезарь — самый большой драчун... Получили имена Ланселот, супруги Кон и Тики...

В ту зиму здесь гостили двадцать четыре тундровых лебедя, через год количество их возросло до пятидесяти пяти, а еще через год — до ста двадцати. Через десять лет на пруду в Слимбридже, там, где располагается штаб-квартира Общества по изучению водоплавающих птиц, регулярно зимовало около четырехсот лебедей. Круг знакомств Питера Скотта и его дочери быстро расширялся. Осенью они с нетерпением ждали возвращения своих знакомых. Вот, например, Ланселот: он зимует здесь уже одиннадцать лет подряд. Исследователи грустили, если та или другая птица больше не появлялась, но особенно радовались прилету зимовщиков, пропадавших по нескольку лет и уже считавшихся погибшими. Так было с Инн («В») и Аут («Из»). Их не видели в Слимбридже целых шесть лет. И вдруг они явились как ни в чем не бывало, и не одни, а со своим потомством.

Из множества рисунков, фотографий, записей постепенно сложилась система распознавания «в лицо» этих пернатых. Определительные таблицы учитывают как общий тон, так и особенности окраски клюва. В них есть, например, такие группы, как «зубатые» и «плаксы» (с черными вертикальными полосками под глазами), «чернобровые» и «желтобровые», «усахи» и «насмешники» (с черной полоской, идущей от угла рта вверх). Опознавательными признаками тундровых лебедей оказались форма клюва и посадка головы, особенности окраски глаз. Поэтому в таблице фигурируют «курносые» и «прямоносые», с головой, поднятой вверх и «спящей», «реснитчатые» и «сетчатоглазые». Учитываются, кроме того, размеры птиц и, конечно, особенности их поведения.

Всего Скотт выделил одиннадцать категорий отличительных признаков и подсчитал, что они могут составить более двадцати трех тысяч различных комбинаций. А это значит, что практически не найти двух абсолютно одинаковых тундровых лебедей и у каждого из них есть что-то свое собственное, неповторимое, как у человека — отпечатки его пальцев. Конечно, запомнить всех птиц невозможно. Но все-таки сам Питер Скотт в состоянии узнать сто пятьдесят — двести лебедей, а Дафила (об этом отец говорит даже с долей зависти) — почти тысячу! Есть у нее и свои любимцы. Среди них пара — Пезант (Селянин) и Джипси (Цыганка). Они зимуют здесь регулярно с 1967 года. Велика была радость Дафилы, когда она встретила Пезанта и Джипси в Голландии, при перелете их в Слимбридж.

Открытие Питера Скотта и его дочери заинтересовало орнитологов. Оказывается, тундровых лебедей не нужно ловить, как других пернатых, чтобы окольцевать или пометить иными способами. Свои природные «метки» они носят всю жизнь, и иногда в бинокль их можно рассмотреть на большом расстоянии. Эта птица тем самым оказывается особенно удобной для наблюдений, для изучения, например, ее поведения. (Кстати, Дафила Скотт, когда она выросла и стала специалистом-орнитологом, сохранила к тундровым лебедям симпатии и интерес и на основе своих наблюдений написала докторскую диссертацию.) Однако не только этим птица привлекает к себе внимание. Тундровый лебедь — один из слабо изученных, редких и охраняемых видов птиц земного шара.

Из трех видов лебедей, встречающихся в Евразии, он самый маленький (хотя это все же крупная птица: размах его крыльев достигает двух метров, а вес — пяти-шести килограммов). Поэтому его называют не только тундровым, но также и малым лебедем. Он очень похож на лебедя-кликуну, обитающего главным образом в таежной полосе, и отличается от него кроме размеров лишь некоторыми особенностями окраски клюва.

Родина его — Крайний Север СССР. Он гнездится здесь в тундровой зоне, от Кольского полуострова до северо-востока Якутии (на Чукотке он не встречается), но почти всюду относится к числу редких пернатых. Исключение составляют лишь несколько ограниченных участков равнинных тундр, сырых, изобилующих мелководными озерами, реками и речными протоками. Таковы, например, Гусиная Земля — полуостров на западном побережье южного острова Новой Земли, некоторые районы северо-востока Европейской России и Ямала, дельта реки Лены. Если в других частях тундр, тоже пригодных для их жизни, лебедей можно увидеть, скажем, однажды в течение недельного путешествия, а то и еще реже, то в этих очагах птицами можно налюбоваться вдосталь! Поднявшись на бугор, здесь видишь одновременно несколько, а то и сразу больше десятка лебединых семей. А стаи «холостых», еще не размножающихся птиц, когда, сбившись в плотную толпу, они бегут от человека, иной раз кажутся большим облаком, которое случайно зацепилось за землю и никак не может от нее оторваться.

На свою родину лебеди прилетают рано, нередко уже в начале мая и даже в конце апреля, когда лишь первые проталины зачернеют на южных склонах, появятся водяные забереги на реках и озерах. Чаще пары (а лебеди, как и гуси, обычно

становятся супругами на всю жизнь) занимают свои прошлогодние гнезда, только поправляют и достраивают их. А так как это солидные сооружения, до метра и более в диаметре и до полуметра высотой (сложены они из травы и мха, пащипанных птицами поблизости), то гнезда показываются над снегом одновременно с первыми проталинами. Лебеди поэтому-то и могут приступать к своим гнездовым делам так рано, задолго до полного таяния снежного покрова.

Распределение птиц по тундре не всегда происходит гладко и спокойно. Нередки весной схватки между самцами из-за удобного участка, когда птицы, на воде или на суше, спшибаются, пускают в ход и крылья, и клювы. Вообще характер у тундрового лебеда, как и у его более крупного собрата — кликуна, довольно сварлив и неуживчив. Вблизи лебединого гнезда уже не поселится ни утка, ни гусь. Но особенно нетерпимо относятся они в сезон размножения к своим соплеменникам. А в этом заключается большой смысл, поскольку речь идет о защите семейного пастбища: из-за большой потребности птиц в корме при в общем бедной тундровой растительности оно должно быть достаточно обширным. Характерно, что там, где растительность богаче, птицы гнездятся с большей плотностью, становятся как бы более уживчивыми и миролюбивыми.

Зато у гнезда лебеди могут постоять за себя. Песец, например, обходит их далеко стороной. Но не только он. Мне вспоминается такой случай, происшедший на Новой Земле. Как-то моим спутником в маршруте оказался крупный ездовой пес Моряк. Он слыл задирой, был опытен в драках и побеждал любую из собак в нашей упряжке. Моряк увязался за мной против моего желания. И видимо, опасаясь быть посаженным на поводок, а тем более не желая принудительного возвращения домой (здесь мы держали собак на цепи), он рыскал по тундре хотя и на виду, но на солидном расстоянии от меня.

Моряк радовался свободе и резвился, как щенок. С упоением и не без корысти он раскапывал норки леммингов, гонялся то за куличком, то за поморником, которые, притворяясь ранеными и ковыляя перед самой собачьей мордой, ловко отводили его от своих гнезд. На какое-то время я потерял его из виду и вновь заметил, когда он уже мчался к паре лебедей, плававших на небольшом озерке.

Дальнейшее развитие событий было для меня неожиданным. Вместо того чтобы оставаться в безопасности на воде или взлететь, один из лебедей посуху направился навстречу собаке и первым же ударом полусогнутого крыла сбил ее с ног. Подробности расправы мне, к сожалению, рассмотреть не удалось,

поскольку развивались события довольно далеко. Однако сразу же стало ясно, что Моряку несдобровать. Собака то появлялась на виду, то исчезала, а большая белая птица с полуразвернутыми и полусогнутыми крыльями — отчего она казалась гораздо больше, чем есть на самом деле, — виднелась все время, и движения ее напоминали движения боксера.

Бойцовского духа хватило Моряку ненадолго. До меня донесся собачий визг, потом показался пес, позорно бегущий с поля боя, и послышался торжествующий, трубный крик лебедя.

Каких-либо следов побоев на собаке я не заметил, но пса будто подменили. Он уже не радовался свободе, тащился рядом со мной, с подозрением оглядывался по сторонам. Думаю, мне, что полученный урок запомнился ему на всю жизнь. Вообще-то отделался он дешево: мне не раз приходилось слышать там же, на Новой Земле, что, защищая свое гнездо, лебеди даже ломали собакам ноги.

К концу мая — началу июня самки откладывают по два-три, иногда до четырех и даже до пяти яиц, затем, так же как и гусыни, выстилают гнезда выщипанным с груди и живота пухом и уже после этого приступают к насиживанию. Примерно через месяц выводятся лебедята, покрытые густым серым пухом, более темным на голове и вверху шеи и светлым, беловатым — на спине и особенно на животе.

С появлением птенцов семьи переселяются на озера, речные заливы, протоки и держатся уже в основном на воде. Здесь взрослые птицы линяют. Так же как и гуси, они теряют одновременно маховые и рулевые перья и на время лишаются способности к полету. В это время лебедята успевают подрасти и сменить свой пуховой наряд на оперение, хотя пока еще серое. К концу августа и взрослые, и молодые птицы начинают летать, и вскоре же они отправляются на зимовку. Холостые лебеди прилетают в тундры позже, чем взрослые, и держатся все лето стаями; раньше, чем взрослые, они успевают перелететь и улететь на юг.

Зимуют тундровые лебеди как в Западной Европе — Англии, Франции, Голландии, Дании, Швеции, так и в Южной Азии — Индии, Японии, Китае. Часть их иногда проводит зиму и в пределах СССР — на Южном Каспии, в Средней Азии.

Их зимняя жизнь лучше всего изучена, конечно, в Слимбридже. Тундровые лебеди начинают прилетать сюда уже в октябре, но больше всего их скапливается здесь в декабре — январе. В марте большинство пернатых зимовщиков покидают этот район. Вообще же основная масса лебедей проводит в Слимбридже шестьдесят — восемьдесят дней; около ста — ста

двадцати дней длится их пребывание на родине, и, следовательно, сто пятьдесят — двести дней в году они тратят, весной и осенью, на дорогу. Жизнь их на зимовках, так же как и у гусей, однообразна: днем лебеди обычно держатся на пруду, где их подкармливают размоchenными сухарями и зерном, а на ночь улетают на илистые мелководья протекающей неподалеку реки Северн. Здесь они и спят, и продолжают кормиться.

Общая численность тундровых лебедей в мире невелика и, по-видимому, не превышает двадцати тысяч (около шести тысяч из них зимуют в Западной Европе). Вместе с другими видами лебедей — ведь они составляют одно из лучших украшений мира пернатых — в большинстве стран он находится под охраной закона. Как редкий вид, тундровый лебедь включен в Красную книгу СССР. Но, несмотря на почти повсеместную и длительную его охрану, число птиц, во всяком случае заметно, не увеличивается. И теперь ясно, почему.

Если учесть, что впервые птицы приносят потомство не раньше чем в трехлетнем возрасте, а выводки их малы, размножаются тундровые лебеди медленно. Правда, пернатые отличаются завидным долголетием. Например, постоянно живущая в Слимбридже с подрезанными крыльями Миссис Ной (от Ноя, строителя библейского ковчега) все еще регулярно выводит птенцов, хотя ей исполнилось уже тридцать лет!

Выяснилось к тому же, что в лебедей исподтишка стреляют, и даже совсем нередко... Обнаружилось это тоже в Слимбридже во время обследования зимующих птиц при помощи рентгеновского аппарата: тридцать четыре процента всех тундровых лебедей оказались «нашпигованными» дробью! Причем в некоторых птицах засело по многу дробинок и разных номеров; значит, стреляли в них неоднократно!

Позорные это выстрелы!

СТРАННЫЙ КАРЛИК

Если бы не отличала его одна особенность телосложения, он бы и вовсе не выделялся среди мелких рыжевато-бурых куличков-песочников, несколько видов которых населяют север Европы, Азии и Северной Америки. Однако эта птица невольно обращает на себя внимание необычайно странной формой своего клюва: на конце он приплюснут, расширен и в общем похож на лопату. Отсюда и происходит русское название птицы — лопатень или лопатонос.

Латинское название *Platalea pygmaea* (колпица карлик*) дал ей еще в 1758 году Карл Линней. Однако в своем описании вида основатель естественной системы органического мира допустил ошибку: типичной местностью, откуда происходит птица, он назвал Суринам, на северо-востоке Южной Америки,

* Из всех пернатых мира такой же удивительной формы клюв имеют только настоящие колпицы. Они сродни цаплям. Одна из них населяет юг Европы и Азии; в СССР обитает в низовьях южных рек.

где кулик оказаться никак не мог. Этот промах великого систематика натуралиста исправили только через столетие, когда в коллекциях зоологических музеев появились первые кулички-лопатни, достоверно добытые на крайнем северо-востоке Азии. Затем птица опять долгое время была зоологической загадкой. Лишь в 1910 году капитану Ф. Клейншмидту, американцу по национальности, впервые удалось обнаружить гнездо куличка с яйцами, и добыть первых пуховых птенцов.

Сейчас окончательно выяснено, что родина лопатня — это всего лишь узкая прибрежная полоса Чукотского полуострова и Анадырского залива. Зимует же он на крайнем юго-востоке Азии — во Вьетнаме, Бирме, Восточной Индии. Осенью и весной, во время пролета, птиц встречают на Камчатке и Сахалине, в Приморье, в Китае и Японии. Изредка они залетают на Аляску.

Места гнездования лопатней — равнинная, относительно сухая тундра, изобилующая озерами, речками и ручьями. Появляются они здесь в начале июня одновременно с другими куликами, вообще с большинством мелких тундровых пернатых, и сразу же приступают к размножению. Некоторым натуралистам посчастливилось наблюдать их брачное поведение. Как пишут очевидцы, токующий самец зависает в воздухе, часто трепеща крыльями, и издает в это время мелодичные жужжащие трели, сходные с «песнями» цикад. Продолжая серенаду, он планирует к земле, к тому месту, где находится его гнездо. В общем своим поведением птицы напоминают токующих жаворонков, а их трели настолько приятны, что лопатней относят к числу лучших пернатых певцов чукотских тундр.

Один из натуралистов подсмотрел, как птица строит гнездо. Она «гребла ногами и долбила клювом стебли старой травы и мох, пока не образовалась ямка. Затем она присела в углубление и стала вертеться, прижимая мох по бокам гнезда. Таким образом получилась ямка около 3,5 дюйма в диаметре и в 1 дюйм глубиной. Для выстилки гнезда были использованы старые листья ползучей полярной ивы. Оно было расположено в месте, где трава росла наиболее густо». Сходными приемами пользуются при устройстве гнезд и другие песочники, и это подтверждает родство с ними куличка-лопатня.

Как и у подавляющего большинства куликов, кладка лопатней состоит из четырех яиц, по отношению к размерам тела птицы — очень крупных, грушевидной формы. Окраска их буроватая, с темными пятнами и крапинами. Но вот распределение родительских обязанностей у птиц, как и продолжительность срока насиживания, точно неизвестны. Еще Клейншмидт

заметил, что все заботы по насиживанию яиц и воспитанию птенцов у них будто бы несет самец (он, кстати, размером немного меньше самки). За постройкой гнезд натуралисты заставали как будто тоже самцов. Однако в других случаях у гнезд и при выводках встречались оба родителя, причем самцы якобы вели себя заметно активнее, и даже казалось, что они защищают не только птенцов, но и самок.

В июле, в разгар тундрового лета, когда заморозки уже маловероятны, а в воздухе звенят мириады комариных крыльев, следовательно, в самое теплое и сытное для птиц время, в гнездах лопатней вылупляются птенцы. Они появляются на свет, одетые густым, буроватым с пятнышками пухом, и в общем были бы очень похожи на птенцов других куличков-песочников, если бы не их клюв. Он пока намного короче, чем у родителей, но с теми же «фамильными» чертами — с характерной «лопатой» на конце.

Едва обсохшие куличата в состоянии сами добывать корм: пушистые шарики юрко рыщут в дебрях низкорослой осочки, среди стелющихся по земле ивнячков и ловко схватывают зазевавшихся комаров и других мелких насекомых. Забота родителей (или только отца) о малышах заключается в обогревании их и защите от врагов. Мастерски прикидываясь раненым, волоча по земле крылья, кулик храбро ковыляет перед песцом, оленем или человеком, отвлекая на себя опасность и отводя ее от затаившихся птенцов. В середине августа, еще до того, как в тундре повеет настоящей осенью, лопатни улетают на зимние квартиры. Молодые в это время уже хорошо летают и отличаются от взрослых лишь более тусклым по окраске оперением.

Естественно, возникает вопрос: какие же преимущества дает лопатням их странный клюв?

Вот с колпицами, пожалуй, все ясно. Их «лопаты» благодаря множеству нервных окончаний очень чувствительны, и птицы даже ночью успешно выбирают ими из ила рачков, насекомых и других мелких животных. Да и по манере добывания корма они не похожи на остальных (во всяком случае родственных им) пернатых. Выстроившись в ряд, колпицы бродят по мелководьям и, не вынимая клювов из воды, размахивают ими вправо-влево, будто косами. Поэтому колпиц называют также «косарями». Иное дело лопатень. Он, по-видимому, поедает то же, что и другие песочники: комаров и их личинок, других мелких насекомых, наземных и водных, мелких рачков. Лопатень добывает корм там же, где и другие песочники; птицы даже держатся во время кормежки в смешанных стайках. Кое-кто из натуралистов видел, правда, как лопатни ловили

насекомых в воздухе или, зайдя в воду, «косили» своими клювами. Однако «кошение» для них далеко не столь характерно, как для колпиц. Следовательно, вопрос этот тоже ждет еще своего решения.

Встретить кулика-лопатня в природе мечтают многие орнитологи. Но увидеть его, даже попав на Чукотку, не так-то просто, поскольку распределяются там птицы очень неравномерно. В одних местах они относительно обычны, в других, даже со сходными условиями, очень редки или вовсе отсутствуют. В этом я убедился, пройдя по здешним тундрам не один десяток километров. С биноклем и фотоаппаратом я ходил и вдоль морских побережий, и по долинам рек, поднимался на сухие увалы, спускался в заболоченные низины. У меня было здесь множество интересных встреч, но, увы, не с куличком-лопатнем. Когда я улетаю отсюда, мне невольно вспоминается легендарный цветок папоротника, что расцветает в ночь под Ивану-купалу. Он ведь тоже дается не каждому...

Размером лопатень с воробья, вес его лишь ненамного превышает двадцать граммов, и поэтому он не привлекает внимания охотников, если, конечно, это не специалисты-орнитологи. Известны, правда, два случая, и они вошли в историю, когда из этих куличков был приготовлен обед, да еще на весь офицерский состав. Это произошло в 1879 году на судне «Вега», в экспедиции известного исследователя Арктики А. Норденшельда (за что, кстати, его потом сильно упрекали зоологи). Но это, конечно, не в счет. Лопатень включен в Красную книгу СССР, как редкий вид, из тех соображений, что область гнездования его крайне ограничена и распределен он здесь неравномерно, следовательно, общая численность этих птиц невелика.

БОРОДАЧИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Таймырская речка Бикада ничем особенно не примечательна, таких рек здесь много. Тем не менее в сентябре 1974 года о Бикаде заговорили и в Хатанге, и в Норильске; это слово со значением произошло в московских учреждениях. На Бикаду потянулись «аннушки» и вертолеты с металлической сеткой, трубами, сеном и, конечно, с людьми. Здесь, в глубине Таймырского полуострова, должно было обосноваться первое в СССР стадо овцебыков. Переселенцы уже летели из канадской Арктики, с острова Бэнкса. И теперь охотоведы и зоотехники, строители и механики готовились к их встрече — строили вольеры, жилой дом, склад, гараж — все, что необходимо для жизни в тундре и овцебыкам, и людям.

Животное это поистине удивительно. Специалисты долгое время даже не могли найти ему места в ряду парнокопытных млекопитающих. С кем соседствует он в естественной системе? Кто его ближайшие родственники?

Внешне он больше похож на быка (или на корову). Бывает, что овцебыки присоединяются к стадам домашних коров, и тогда животные, нашедшие что-то родственное друг в друге, дружно пасутся вместе. Однако во время бега (кроме галопа, при таких коротких ногах, конечно, никакой другой аллюр невозможен) животные больше напоминают овец. Новорожденный теленок блеет почти так же, как ягненок. Взрослые быки в брачное время издают низкий, утробный рык, похожий на львиный.

На вопрос: «Кто же он?» — зоологи смогли ответить только недавно. Оказалось, что овцебык все-таки стоит ближе к козам и овцам. А его ближайший родственник отыскался, как ни странно, в тропиках. Им оказался ни на кого не похожий такин — и не козел, и не антилопа — обитатель горных лесов Индии, Бирмы и некоторых других стран Юго-Восточной Азии.

Научное, латинское его имя — *Ovibos moschatus* (овцебык мускусный). Поэтому и по-русски животное называют то овцебыком, то мускусным быком. Первое название, если не быть формалистом, еще как-то соответствует действительности. Второе же лишь сбивает с толку. Никаких особых мускусных желез у овцебыка нет, и ему, следовательно, не свойствен какой-либо специфический запах. По-эскимосски он зовется «умингмак», что значит «бородатый» или «бородач», и это название, наверное, самое удачное.

История овцебыков богата событиями. Когда-то они обитали только в Старом Свете и были распространены здесь вплоть до Западной Европы, заселяли и большую часть территории нашей страны. Перешеек, существовавший на месте нынешнего Берингова пролива, послужил им мостом для перехода в Северную Америку. Это произошло примерно девяносто тысяч лет назад. Здесь они тоже широко распространились — почти до юга территории современных Соединенных Штатов, а отсюда проникли в Гренландию.

Менялся климат, отступали к северу ледники, оставалось все меньше земель, пригодных для жизни овцебыков. Животные исчезали, и этому немало способствовал человек. Нет сомнений, что наш далекий предок ценил вкус мяса бородачей, превосходные качества их шкур, рога как замечательный — прочный и упругий — материал для разных поделок, тем более что добывать эту дичь было проще простого. Овцебыки в состоянии защищаться, увы, только от четвероногих хищников.

В первую очередь стада овцебыков исчезли на их исконной родине — в Евразии. На Таймырском полуострове был найден череп животного, пробитый пулей еще при его жизни (охот-

ник, следовательно, был оснащен огнестрельным оружием). Отсюда можно заключить, что эти спутники и современники мамонта лет двести назад жили на Таймыре. Именно к такому выводу пришел известный советский зоолог и палеонтолог Н. К. Верещагин. Еще позже, менее ста лет назад, овцебыки исчезли на Аляске. Известно не только место, где паслось последнее стадо, но и имена истребивших его охотников. Это были двое «белых» скупщиков пушнины. Никакими другими подвигами они себя не прославили и вряд ли предполагали сами, что таким не славным путем «войдут в историю».

Сильно сократилась численность овцебыков и в Канаде, и это не удивительно. Только Компания Гудзонова залива — она ведет почти монопольную торговлю на севере Канады — с 1862 по 1916 год скупила больше пятнадцати тысяч шкур этих зверей. К началу нашего столетия овцебыки сохранились лишь на северо-востоке Канады и на востоке Гренландии, а общая численность их здесь была близка к двадцати тысячам.

По поверьям аляскинских эскимосов, эти животные продолжали жить здесь до последнего времени, они лишь вознеслись на небо и стали недоступными для нагрешивших охотников. Теперь овцебыки вернулись на Аляску, и, конечно, не с небес. В 1930 году три десятка телят, пойманных в Гренландии, поселились в вольерах невдалеке от города Фербенкса. Впрочем, путь их сюда был не прост. Телят погрузили на пароход и вначале привезли в Норвегию. Затем, опять на пароходе, переправили в Нью-Йорк. Потом овцебыки пересекли на поезде Северную Америку и приехали в Сиэтл. Дальше переселенцы добирались морем, потом опять по суше и только тогда (но не все, часть их погибла в дороге) достигли окрестностей Фербенкса и подготовленных для них помещений.

Вначале их поселили на поляне среди настоящего высокоствольного леса. Но, несмотря на столь необычные условия, животные прижились, в стаде каждый год появлялись новорожденные. Численность их, однако, не росла, и главными виновниками этого были медведи, которые высоко оценили новый вид дичи.

Пять лет спустя три десятка овцебыков — все, что оставалось в вольерах около Фербенкса, — снова были переселены, теперь — на остров Нунивак в Беринговом море. Это был период сильного «потепления» Арктики, трудное для новоселов время. Зимой часто случались гололедицы, выпадали глубокие снега, но все же дела здесь пошли гораздо лучше. В 1939 году на острове жили уже пятьдесят овцебыков, в 1959 году — двести, а в 1969 году — восемьсот. В последние годы животных

отсюда стали перевозить обратно на материк, и они здесь успешно приживаются. Впрочем, это не первый опыт переселения овцебыков. Еще в начале нашего века их пытались акклиматизировать в Швеции и Исландии, однако животные не смогли приспособиться к тамошнему климату, к теплым и сырым зимам, и погибали. Удачнее оказались попытки выпуска овцебыков в Норвегии и особенно на Шпицбергене.

В общем, «бородачи» показали себя очень «прочными» зверями. Выяснилось, что им нипочем сильные морозы, а при необходимости они мирятся и с жарой; они неплохо живут и даже размножаются во многих зоопарках, в том числе в Берлине и в Москве. Однако влажный климат для них губителен — они часто заболели воспалением легких. Кроме того, мягкие зимы обычно связаны с оттепелями, гололедами, глубоким снегом. В этих условиях овцебыкам трудно добывать корм, они голодают, перестают размножаться, а то и гибнут от истощения.

Зимой бородачи предпочитают держаться на плато и склонах гор: ветер сдувает оттуда снег, обнажая участки со скудной растительностью, или слой снега там бывает достаточно тонок для того, чтобы животные могли «копытить» себе корм. Весной, по мере того как тает снег, а также летом и осенью они придерживаются участков с наиболее богатой растительностью — речных долин и сравнительно низких участков тундры.

Характерная черта образа жизни овцебыков — относительная оседлость. Бывает, что стадо проводит и год, и два в одной и той же долине, на одном и том же склоне. Способность же овцебыков жить продолжительное время на сравнительно небольшой площади определяется очень интересной экологической особенностью животных — умением исключительно полно использовать для питания окружающую растительность, как бы скудна она ни была. Питаются они в основном листьями и побегами многочисленных разновидностей полярных ив, осоки, злаками, арктическим разнотравьем — остролодочником, астрагалами, мытниками. Поедают иногда также лишайники и мхи.

Овцебыки живут стадами. Летом обычно преобладают небольшие группы, состоящие из самок и молодняка, отдельно — взрослых быков и быков-одиночек. В период спаривания, в августе — сентябре, быки собирают гаремы из десяти, а иногда и больше самок. Зимой самцы и самки, взрослые и молодые животные объединяются, и тогда стада их достигают наибольшей величины, иногда ста и больше голов.

Мужают бородачи сравнительно поздно, чаще лишь на четвертый год. Во время брачного сезона самцы ожесточенно дерутся между собой, разбегаясь и сталкиваясь рогами, как это делают бараны. В апреле или мае самка приносит телянка. Как правило, она кормит его молоком больше года и поэтому телится не ежегодно. Плодовитость бородачей, следовательно, невысока. Интересно, что овцебыки, обитающие в Субарктике, сильно отличаются по своим биологическим признакам от арктических. Первые начинают размножаться уже в трехлетнем возрасте, причем коровы нередко телятся ежегодно. Если в Арктике стада могут увеличиваться в год лишь на десять процентов, то в Субарктике — на двадцать пять процентов.

Переселения овцебыков преследовали прежде всего практические цели. Что же может получить человек от овцебыка? Во-первых, мясо: считается, что оно похоже на говядину, но гораздо нежнее и ароматнее. Вес же бородача-быка может достигать полутонны (самка весит вдвое меньше). Во-вторых, шкуры, используемые как прекрасное кожевенное сырье или как мех. Далее, шерсть (вернее, пух, или подшерсток) исключительно высокого качества, которая ценится намного выше шерсти тонкорунных овец и даже прославленного пуха южноамериканских викуний или кашмирских коз. С убитого овцебыка собирают до пяти килограммов пуха, с прирученного (одомашненного) — вычесывают до трех килограммов. Цена же одного килограмма пуха достигает в США ста долларов. И наконец, молоко (в принципе не исключено создание ферм этих животных молочного направления), приятное на вкус и жирное, как сливки.

Бородачи, как мы видели, очень неприхотливы к кормам, хорошо переносят невзгоды арктического климата и поэтому в состоянии обитать на самых северных участках полярной суши, даже там, где уже не могут жить северные олени. К тому же их по сути дела оседлые стада могут быть постоянно в поле зрения человека. Неизвестны случаи массовой гибели этих животных от каких-либо болезней. Они не конкурируют из-за кормов с северными оленями. Им не страшны даже волки. При нападениях хищников стадо занимает «круговую оборону» — образует круг, внутри которого оказываются телята и коровы, а снаружи — взрослые быки, вооруженные наиболее мощными острыми рогами.

Планы возвращения овцебыков в советскую Арктику, их реакклиматизации разрабатываются уже давно. Зоологи и охотоведы установили, что переселенцы найдут неплохие условия для жизни особенно на гористых и малоснежных участках на-

ших тундр. А таких мест здесь много. Это Новосибирские острова, остров Врангеля, Таймырский полуостров, тундры севера Якутии и Магаданской области.

Разрабатывая эти планы, советские специалисты рассчитывали, что переселенцы заполнят пустующую «экологическую нишу», станут потребителями скудной арктической растительности, а значит, будут способствовать вовлечению в хозяйственный оборот этих неиспользуемых пастбищ. Учитывалось и другое: жизнь в Арктике находится в состоянии «неустойчивого равновесия». Иначе говоря, здешний органический мир особенно уязвим и терпит большой урон при стечении неблагоприятных климатических обстоятельств либо под воздействием непродуманной человеческой деятельности. Исчезновение здесь какого-либо вида не проходит бесследно, как это бывает в южнее расположенных районах, а зачастую ведет к глубоким изменениям в растительности и животном населении. Следовательно, с возвращением овцебыков в советскую Арктику органический мир ее становится как бы более прочным, более стойким. Поэтому-то с таким нетерпением ждали в СССР четвероногих переселенцев.

Итак, осенью 1974 года начался эксперимент по реакклиматизации овцебыков в советской Арктике: на Таймыре поселились десять животных, доставленных сюда из Канады. Через полгода в СССР поступила вторая партия, состоящая уже из сорока бородачей. Все они родились на острове Нунивак, и мне довелось участвовать в их отлове, приемке и перевозке из США в СССР.

Остров Нунивак почти в прямом смысле слова затерялся у западного побережья Аляски, несмотря на то что он довольно велик — больше ста километров в длину, расположен совсем близко от материка и находится в очень приметном месте, между устьями крупнейших рек Северной Америки — Юкона и Кускоквима.

Даже здесь, на Аляске, он известен не каждому. Запомнил-ся, например, разговор с администратором гостиницы в Фербенксе. Взяв в руки советские паспорта, он доброжелательно улыбнулся, назвал свое имя, добавив, что сам он — коренной житель Аляски. Сказал, что рад приветствовать нас, и поинтересовался, куда же мы держим путь. Услышав в ответ: «На остров Нунивак», администратор пожал плечами. «Что-то не знаю такого. Это что, в Канаде или в Калифорнии? — После паузы он добавил: — А, вспомнил, так эскимосы называют свои лодки из шкур».

Но наш собеседник ошибался: эскимосская лодка из шкур называется умпак. Впрочем, удивляться было нечего: Нунивак окружен мелководьями, лежит в стороне от торных морских путей, а от посадки самолетов и вертолетов его защищают частые густые туманы. На острове нет достопримечательностей, о которых упоминали бы красочные туристские проспекты, и здесь редко бывают приезжие. Словом, это настоящая аляскинская «глубинка».

Впрочем, на этой суше можно увидеть немало интересного. Прибрежные, круто обрывающиеся к морю скалы сменяются здесь песчаными пляжами и дюнами, которые поросли густыми, сочными травами. Большие и малые морские заливы, прозрачные реки и ручьи, часто не замерзающие и зимой, каменные россыпи с пятнами лишайников на склонах гор и заросли ивняков высотой по пояс взрослому человеку — в речных долинах. Туманы и не заходящее коротким летом солнце, кучные серые дни, пурга и твердые, как бетон, снежные заструги — в долгие зимние месяцы. Таков остров Нунивак.

Здесь с незапамятных времен обитают эскимосы — рыбаки и охотники. Теперь они еще и олениводы, и все живут в Мекорьюке, единственной на острове деревне. В 1929 году на острове был организован заказник.

Но пожалуй, самое интересное на Нунивике — стада разномножившихся бородачей.

Вместе с Вадимом Сергеевичем Тарховым, охотоведом из Магадана, и признанными в США знатоками овцебыков — доктором Питером Лентом и Джерри Хоутом (Хоут к тому же заведовал заказником на острове и был «главным опекуном» живущих здесь овцебыков) мы попали сюда в самом конце марта. С нами были также переводчица американка Рапса Скрябина и кинооператоры; поскольку здесь, в Соединенных Штатах (не говоря уже о самом острове), интерес к переселению животных на сибирскую землю оказался очень велик, операторам предстояло снять специальный фильм о том, как ловят животных и грузят их в советский самолет.

Мне особенно запомнились первая встреча с пойманными бородачами и один из выездов за ними в глубь острова.

Кандидаты в переселенцы (их поймали день-два тому назад, поэтому еще не было известно, как они проявят себя во время карантина и будут ли приняты нами или нет), дюжина бурых, косматых подростков-овцебычков, сбились в дальнейшем углу загона и настоятельно, исподлобья косились на людей. Загон был устроен в стороне от деревни, но сюда уже пролегли торные дороги, и здесь весь день толпился народ. Для некоторых

это обязанность: присмотр за животными, их кормление. Для других — развлечение: они приходили и приезжали сюда как в клуб — обменяться новостями, посмотреть на новых людей, а эскимоски помелоче — и щегольнуть туалетами. К счастью, пленники оказались не слишком пугливы. Едва стихал шум, овцебычки спешили к кормушкам, и охапки сена в них на глазах начинали уменьшаться. В общем, пленники вели себя солидно, с достоинством, и к ним невольно, «с ходу» рождалось чувство симпатии.

На острове стояла неустойчивая погода. Кратковременные оттепели сменялись морозами, бывали пурги. Но чаще перепали те ласковые, тихие и солнечные дни, что случаются только на Севере и лишь ранней весной. Ловцы (к ним относилась большая часть взрослых мужчин Мекорьюка, и для многих это была единственная возможность заработать) торопились использовать погостее время. Обожженные ветром и солнцем, они появлялись в деревне с очередной партией пленников и тут же вновь отправлялись на промысел.

В этот раз вместе с ловцами выезжали почти все участники нашей экспедиции. Джерри, на правах «главнокомандующего», отказал в поездке только Раисе: не женское это, мол, дело — гоняться за дикими овцебыками. Однако вслух он мотивировал огорченной переводчице свой отказ деликатнсе, «на ее долю не досталось исправных мотонарт» (а они служили сейчас единственным транспортным средством).

Солнце поднялось уже довольно высоко и заметно припекало, когда разномастное ревущее стадо мотонарт (некоторые — с тяжелыми санями на прицепе) вырвалось из Мекорьюка. Темперамент водителей проявился уже на первых метрах пути. Передовые нарты тронулись с места на предельной скорости. Мотостадо вытянулось в цепочку, длина которой то сокращалась, когда кто-нибудь выскакивал в сторону и, мчась по целине, пытался если не выйти в передовые, то хотя бы кого-нибудь обогнать, то увеличивалась, когда строй восстанавливался. Приметные «мотоджигиты» то забирались в начало колонны, то оказывались оттертыми чуть ли не в самый хвост. Но никому не удавалось обойти передовую нарту: впереди неизменно маячил красный, круглый, как скафандр космонавта, шлем Генри Иванова. Нунивакский Иванов приходился всего-навсего однофамильцем нашим землякам (на мой вопрос, почему у него такая фамилия, он лишь недоуменно пожал плечами). Но все равно его упорство и ловкость воспринимались с какой-то особой гордостью.

Гонки длились час, другой, третий. Темп им задавали два-

три заводилы, включая, конечно, Генри. Иногда к ним пристраивался наш Джерри; у него, чувствовалось, большой стаж езды на мотонартах. Азартным гонщиком оказался и Вадим Сергеевич. Его черную куртку я все время видел перед собой; он даже перенял «почерк» у наиболее отпетых лихачей и ехал не сидя, а стоя то на коленях, то в полный рост. При встрече с каждым застругом нарты взлетали в воздух и тут же тяжело плюхались оземь. Удары отдавались где-то во внутренностях, и начинало казаться, что все там не только сместилось со своих мест, но и безнадежно перепуталось. Глаза забивала снежная пыль, в горле першило от выхлопных газов, лицо обжигал встречный ветер.

Но вот сумасшедшей езде пришел конец. Вот они, Близнецы — так называются две стоящие рядом довольно крутые и очень похожие друг на друга горушки. И на вершинах, и на склонах их чернеет земля. Это как раз то, что нужно овцебыкам, их типичные зимние пастбища. Побывавшие здесь разведчики уже все высмотрели. Оказалось, что на Близнецах держится несколько стад бородачей, и среди них немало двухлеток, которых особенно не хватает в загонах.

Двухлетние овцебыки весят килограммов по полтора, и под их рога уж лучше не попадать. Наверное, поэтому на привале, где разрабатывается окончательный план операции, лица охотников посерьезнели, хотя вообще-то эскимосы любят пошутить и улыбки редко сходят с их лиц. План принимается такой: из двух десятков ловцов (кинооператоры и мы с Вадимом Сергеевичем не в счет) половина на мотонартах объезжает горы, заходит стадам в тыл и сгоняет их в долину. Другие ловцы должны оставаться здесь и быть с сетями наготове. Овцебыки на своих коротких ногах не могут долго бежать по глубокому снегу и вскоре остановятся. Наши командиры так хорошо знают и эту местность, и повадки животных, что предвидят дальнейший ход событий и заранее расставляют кинооператоров на самых «бойких» местах. Нам с Вадимом Сергеевичем предоставлена полная самостоятельность, и мы немного поднимаемся по склону, чтобы увидеть все «поле боя».

— Берегитесь! — послышался отчаянный и почему-то женский крик. Я обернулся и увидел, что со склона, противоположного тому, откуда мы ждали стадо, прямо на нас галопом мчатся овцебыки. Головы бородачей опущены, рты приоткрыты, изо рта и ноздрей вырываются облачка пара.

Дерева, на которое можно было бы залезть, здесь не найдешь, пытаться убежать бесполезно. Вадим Сергеевич бросил было к мотонартам, но замерзший мотор не заводился.

«Нападение — лучшая защита», — промелькнуло в голове, и с криком «Стой!», размахивая над головой руками, я побежал стаду навстречу. Расчет оказался верным. В нескольких шагах от нашего наблюдательного пункта животные остановились, а затем, развернувшись и тяжело дыша, потрусили в гору.

— А я ведь подумал, что затопчут, — облегченно произнес Вадим Сергеевич, вытирая шапкой потное лицо.

С соседнего пригорка пешком спускалась Раиса. Это ее крик нас насторожил и, быть может, даже спас.

Раиса оказалась человеком упрямым, предприимчивым, и отказ Джерри ее не обескуражил. Проводив нас, она стала искать, кто бы мог довести ее до Близнецов. Единственным мужчиной, оставшимся в деревне и владевшим исправными мотонартами, был местный священник патер Чарли. К нему-то и обратила Раиса свои чары и красноречие, конечно, вместе с обещанием неплохо заплатить. Зерна упали на подготовленную почву. Патер встретился мне накануне вечером. На мой вопрос, поедет ли он ловить овцебыков, он ответил, что очень хочет, но стесняется посторонних, почему-то особенно кинооператоров: «А вдруг неприличествует это занятие моему сану?» Долго уговаривать патера Раисе не понадобилось, и вот наша симпатичная переводчица здесь.

Между тем загонщики уже согнали стадо в долину. Утопая по брюху в снегу, животные встали было, заняв «круговую оборону», но тут же вновь пустились галопом, высоко подкидывая зады и теряя на бегу космы длинной темной шерсти. Пробежав еще с сотню метров, загнанное стадо окончательно остановилось.

Существуют разные приемы ловли этих животных; большинство их было разработано американским биологом Джоном Тиллом, энтузиастом их одомашнивания, влюбленным в бородачей. Однако нунивакские эскимосы применяют свой собственный способ и достигли очевидного успеха. Поимка овцебыков обходится на острове дешевле, чем где бы то ни было, а гибели их при отлове почти не бывает.

Загнав стадо в глубокий снег, местные ловцы безбоязненно и безнаказанно въезжают в глубь его на мотонартах, расчлениют стадо и в первую очередь отгоняют взрослых быков, которых тут же отпускают на волю. Группы, в которых есть молодые животные, отделяют одну от другой. Каждую из них затем дробят («лишних» зверей тоже отпускают) до тех пор, пока не останутся только овцебычки, пригодные для переселения, то есть нужного пола и возраста, не имеющие каких-нибудь заметных увечий.

Все это было проделано в считанные минуты. Убедившись, что «товар» заказчикам нравится, ловцы приступили к самому главному. В ход пошел бредень, сплетенный из толстого желтого шнура. Ловят им овцебыков в принципе так же, как добывают в наших прудах карасей. Набрасывают сеть двое. Однако, чтобы удержать запутавшегося зверя, требуются усилия многих людей.

На снегу, со спутанными ногами, уже лежало несколько пленников. Очередной бычок прыгал в сетке, но повалить его никак не удавалось. Я побежал на подмогу, однако меня опередил человек, которого я сразу узнал, хотя и видел только со спины. Он лихо бросился на добычу, и бычок был вмиг повержен на снег. Человек повернулся ко мне лицом и лукаво подмигнул. Это был патер Чарли. Поскольку в его глазах ярко горел охотничий азарт, было ясно, что сомнения священника рассеялись.

Стада пригонялись с гор постепенно, и у ловцов не было больших перерывов в работе. Люди действовали слаженно и уверенно. Они мельтешили на мотонартах под самыми мордами у старых и действительно опасных быков, управляли стадами так же, как домашним скотом. У каждого была своя специализация: кто набрасывал сеть (для меня не оказалось неожиданностью, что главным «рыбаком» считался Генри), кто первым кидался на добычу, кто держал наготове веревочные путы, чтобы сразу связать ими пленнику ноги.

Конечно, случалось и непредвиденное. Бычок, по какой-то причине забракованный ловцами и отпущенный на все четыре стороны, не стал догонять стадо, а помчался было к кинооператору, возможно уловив в единстве человека, штатива и кинокамеры какое-то сходство с родителями и братьями. Когда оператор побежал от него, утопая по колено в снегу, бычок одумался и побрел за соплеменниками. Другой бычок со спины подкрался к пешему охотнику (кстати, самому пожилому из ловцов) и поддел его рогом. Человек упал, но отделался легко: удар смягчили несколько слоев теплой одежды. Телка отогнали, а пострадавший поднялся на ноги, отряхнулся и опять включился в работу. Если первое происшествие вызвало у охотников сдержанные смешки, то по поводу второго раздался дружный смех, причем громче всех смеялся сам пострадавший.

Охота подходила к концу. Долина выглядела так, будто здесь и в самом деле шли бои. Снег был истоптан людьми и животными, испещрен следами гусениц, тут и там на снегу или уже на санях чернели неподвижные фигуры связанных боро-

дачей. Усталые и возбужденные ловцы стягивались к краю долины, собирались в кучки. Появились бензиновые плиты, термосы, коробки с продовольствием и посудой. Как это бывает только на морозе, особенно сильно и вкусно запахло свежесваренным кофе.

Пурга началась, когда мы были еще на пути к деревне. Пока выпускали в загоны привезенных животных и расходились по домам, дуло еще терпимо. Однако среди ночи ветер достиг ураганной силы. Стены домика, хотя это была капитальная постройка, заметно вздрагивали, что-то гремело и монотонно звякало на крыше.

О том, как овцебыки переживают пургу, среди зоологов нет единого мнения. Некоторые утверждают, что бородачи и в непогоду остаются верны своим привычкам и как ни в чем не бывало продолжают добывать корм, пережевывать жвачку, отдыхать. По заверениям других, в пургу животные якобы стоят, плотно прижавшись друг к другу, и сутки, и двое, пока не стихнет ветер, причем взрослые быки укрывают своими телами от вьюги коров и телят. Третьи говорят, что овцебыки в непогоду лежат по нескольку суток и не кормятся. И вот теперь появилась возможность самим понаблюдать, как ведут себя эти животные в непогоду.

Вместе с Вадимом Сергеевичем и Джерри мы пошли к загону. Пурга неистовствовала. Сырая снежная пыль залепляла глаза и нос, секла кожу. Видимость иногда ограничивалась расстоянием вытянутой руки. Держась друг за друга, часто останавливаясь и отворачиваясь от ветра, чтобы передохнуть, мы брели, кажется, целую вечность, пока не наткнулись на стену знакомого сарая, а за ней и на ограду из металлической сетки.

А вот у решетки и часть наших пленников. Они лежали, сбившись в кучу, на животах, поджав под себя ноги, и все — задом к ветру. У передних перед головой намело пологие сугробы. Бородачи, похоже, спали, а когда я потормошил ближайших ко мне за косматые загривки, они нехотя встали, повернувшись мордами, сплошь залепленными снегом; видны были только глаза и кончики рогов. На местах лежек животных не было и следов сырости или льда: настолько хороша теплоизоляция их «одеял» и «матрацев» — длинной шерсти, растущей на животах и боках. К тому же шерсть эта так густа, что снег не проникает глубоко в ее толщу. Стоило бородачам отряхнуться, и они уже были чисты.

Вскоре удалось найти и остальных пленников; они также

дремали, собравшись в кучки и отвернувшись от ветра. Сено, с вечера положенное в кормушки, оставалось нетронутым.

Так вот как они переносят пургу! Они и здесь оказываются верны своему главному жизненному принципу — экономить как можно больше сил и энергии. Проявляется этот принцип различно. Это оседлость бородачей — черта, отнюдь не характерная для четвероногих обитателей Арктики, — удивительно высокие теплоизолирующие свойства шерсти и слоя подкожного жира, сохраняющегося круглый год. Это и особенности кровеносной системы. Кровь в ногах овцебыков течет относительно медленно, ноги поэтому могут стынуть, но зато организм теряет мало тепла. И вот еще — экономия сил и энергии во время пурги, серьезного испытания, которое так часто преподносит им арктическая зима.

Загоны пополнялись все новыми животными. Рядом с загонами визжали пилы, стучали молотки; из толстой фанеры и деревянных брусков строились клетки для транспортировки животных. Потом началась перевозка пленников на материк, в город Бэтел, на ближайший аэродром, где могут садиться большие самолеты.

Незаметно подошел и день нашего расставания с островом, с друзьями-островитянами. В Бэтеле мы встретили прилетевший сюда впервые в истории советский авиалайнер. В его чреве удалось разместить все сорок клеток с четвероногими переселенцами и даже небольшой запас сена на непредвиденный случай.

Еще шла погрузка, когда заморосил дождь, впервые в этом году. Ко времени вылета самолета с Аляски разразился настоящий ливень.

— Какая хорошая примета! — радостно воскликнул провожавший нас доктор Лент, хотя его уже промочило насквозь. — Вам везет! Значит, переселение будет удачным!

Из сорока аляскинских бородачей двадцать попали на Таймыр и двадцать — на остров Врангеля. На Таймыре их поместили в обширные загоны; по соседству с ними, тоже за оградой из сетки, жили их соплеменники, на полгода раньше прилетевшие из канадской Арктики. Первую зиму, конечно, гораздо более суровую, чем на острове Нунивак, «американцы» перенесли труднее, чем «канадцы», и несколько животных погибло зимой от воспаления легких.

На острове Врангеля переселенцев сначала поместили в небольшой загон, но вскоре им была предоставлена полная свобода. Правда, здесь тоже не обошлось без потерь, но похоже, что эксперимент тут проходит удачнее, чем на Таймыре. Все-

го через месяц после выпуска на волю животные разбились на несколько групп, каждую из которых возглавил свой вожак, осмотрелись и обосновались в самых кормных местах острова. В июне 1977 года с острова пришло радостное известие. В одной из групп овцебыков были замечены два новорожденных теленка.

Акклиматизация живых организмов — процесс длительный, нелегкий, и на первых порах биологов здесь часто ждут огорчения. Не все гладко шло и в эксперименте с овцебыками. Но тем не менее он продолжается, уверенность в успехе крепнет, и наглядное подтверждение тому — стада выросших и возмужавших бородачей, которые можно увидеть сейчас на земле их предков. Доктор Лент, похоже, не ошибся!

Овцебыки с острова Нунивак были переданы Советскому Союзу Соединенными Штатами Америки в соответствии с заключенным между ними Соглашением об охране окружающей среды. И конечно, эти совместные усилия советских и американских специалистов не напрасны. В мире складывается новый очаг обитания овцебыков, создается как бы «страховой фонд» на тот случай, если в других частях Арктики с ними произойдет что-либо непредвиденное.

Но только ли дикие овцебыки могут жить в наших тундрах?

На Аляске, невдалеке от города Колледж, мне пришлось увидеть необычную ферму. Она располагается на просторной лесной поляне. Небольшой скотный двор, сарай и несколько загонов, обнесенных сеткой (ворота большинства загонов были открыты настежь, и животные могли выходить, когда им вздумается), — такова недвижимость фермы. «Движимость» — около ста пятидесяти овцебыков разного пола и возраста. Управлялись с ними два пастуха; и одного, и другого звали Билл. Билл-старший — старший и по возрасту, и по положению — работал на ферме третий год. На мой вопрос: «Трудно ли иметь дело с овцебыками?» — он ответил: «Теперь-то работа у меня благодать! Раньше, когда я пас коров, приходилось куда тяжелее».

На ферме царила будничная, обыденная атмосфера. Пахло сеном, навозом и, как-то очень по-домашнему, самими животными. У яслей бок о бок с овцебыками хрумкало сено поджарый рыжий конь. Загоны маловаты, и уже с ранней осени скотину приходится подкармливать сеном и концентратами. Отличались эти овцебыки от диких тем, что у них на всякий случай, из соображений безопасности, были удалены рога. Однако, как считал Билл-старший, особой необходимости в этом уже не было: опасны разве что старые быки, и то лишь осенью, в брачный сезон.

Весной на ферме начинается самая горячая пора. В это время бородачи линяют, и пастухи собирают гивиот (так по-эскимосски называется ценный пух). Не только с коров, но и с большинства взрослых быков оба Билла попросту выщипывают пух руками, обходя загоны утром и вечером. Лишь немногих быков, отбившихся от рук, приходится загонять в специальный станок. Животные весной в общем-то и сами жмутся к людям, поскольку освобождение от ключев ненужной зимней шерсти приносит им облегчение.

На первый взгляд может показаться, что «интеллект» бородачей невысок. Однако каждый, кому пришлось долго общаться с одомашненными животными, придерживается противоположного мнения. Джон Тилл, имя которого уже было упомянуто, пишет, например: «Работая на вермонтской ферме, я быстро убедился, что мускусные быки порой наблюдают за человеком не из столь уж праздного любопытства. Когда я запираю ворота загона, животные всегда внимательно следили за моими действиями. На скобу, вбитую в забор, я накидывал цепочку от ворот, а затем висячий замок, причем защелкнуть замок мне и в голову не приходило. Как-то раз, когда я проделывал эти манипуляции, к воротам подошел один бык. Дождавшись, пока я закончу, он принялся дергать за цепь, пока не вывалился замок, и открыл ворота настежь. Вскоре этот трюк научились проделывать и его соплеменники, затрачивая на всю операцию не больше пяти минут.

Но самое незабываемое для меня событие на вермонтской ферме произошло в тот день, когда стадо показало, что признает меня за своего. Я работал в загоне, когда к забору подошли наши собаки. Быки же решили, что это не иначе как волки, которые готовятся к нападению. Но в тот момент я этого не успел понять — слишком быстро все произошло. Стуча копытами и шумно сопя, стадо вдруг кинулось в мою сторону. Не успев я опомниться, как быки образовали вокруг меня оборонительный круг. Они защищали меня от собак, как своего детеныша!»

Одомашненные бородачи проявляют себя любопытными, общительными, даже веселыми животными. Любят игры; например, как эшправские футболисты, с увлечением гоняют по загону мяч. Подражая людям, заходят в воду и подолгу, фыркая и сопя, резвятся здесь. Они подбегают к знакомому человеку, ластятся, подставляют для ласки загривки. И пока человек треплет и гладит их густую шерсть, хитрецы шарят носами по его карманам в поисках чего-нибудь вкусного.

У фермы то и дело останавливались автомобили, и к сетке подходили люди, чтобы хоть издали взглянуть на необычный

домашний скот. Предвосхищали возможные вопросы к Биллам большие щиты, выставленные у ограды со стороны шоссе. На них было написано, для чего и как здесь разводят овцебыков. Впрочем, посетителей сюда приводит не только праздное любопытство. Свою ферму домашних бородачей решил организовать эскимосский кооператив на побережье Берингова моря, и к работе Биллов, к нравам и потребностям животных присматривались двое молодых эскимосов — будущие пастухи будущей фермы.

Еще в 1918 году канадский исследователь Арктики Вельямур Стефансон писал в своей книге «Гостеприимная Арктика» (хорошо известной и советским читателям): «Мы привыкли думать, что корова и овца являются наилучшими возможными видами домашнего скота, и нам трудно поверить, что существует животное, которое в случае его приручения окажется более полезным... Я убежден, что в течение ближайшего столетия главным домашним животным в северной половине Канады и северной трети Азии будет овцебык, а не олень». В этих словах звучит, конечно, излишняя увлеченность автора. Но ведь есть здесь и рациональное начало! Доказательство тому — фермы одомашненных животных, и экспериментальные, и производственные, уже существующие и в США, и в Канаде, и в Норвегии, — фермы, дающие их владельцам иногда неплохой доход.

Не привьется ли эта отрасль животноводства и в нашей стране, в колхозах и совхозах Крайнего Севера? Может быть!

Овцебыки пока не числятся в Красной книге. Но их в СССР так мало, что они могут быть названы животными редчайшими из редчайших, и их с полным основанием можно включить в эту книгу по соседству со стерхами, белыми медведями и розовыми чайками.

ДРУЗЬЯ ИЛИ ВРАГИ?

Чтобы увидеть белого медведя, жителям канадского города Черчилла не нужно ходить в зоопарк, которого, кстати, здесь и нет. Звери сами переступают черту города. Они прогуливаются по улицам, вызывают заторы в движении автомобилей, сумятицу среди пешеходов. С ними возникают и свои специфические проблемы. Первое, что бросается в глаза при въезде в город, — похожие на большие бочки металлические ловушки на медведей, смонтированные на автомобильных прицепах. Хотя заборы в Канаде не в моде, здания школ и больниц здесь издали можно узнать по высоким дощатым оградкам — это тоже защита от незваных четвероногих гостей.

В провинции Манитоба, к которой относится Черчилл, охота на белых медведей запрещена, и поэтому горожане вынуждены держать лишь «пассивную оборону» от зверей. Конечно, не всех, но многих из них удается поймать у городских окраин в ловушки. Согласно существующим порядкам, пленников отбуксировывают за несколько десятков миль в безлюдную местность

и там выпускают. Занимаются этим специальные сотрудники Службы охраны природы. В их обязанности входит также выдворение из города все-таки проникших туда медведей; особенно строптивых приходится предварительно обездвигивать при помощи «летающих шприцев». Эти же сотрудники дежурят у школ, а в сумерках разводят школьников по домам. Большое значение в «обороне» от медведей придается контролю за состоянием городских свалок и помоек, поскольку именно они в первую очередь привлекают зверей.

Белые медведи — исконные обитатели Гудзонова залива. Как и в других частях своего ареала, они проводили здесь большую часть года среди льдов и кормились тюленями. Лишь во второй половине лета, после таяния льда в заливе, звери были вынуждены осесть на побережье. Перебиваясь скудными кормами суши, медведи ждали ледостава, чтобы вернуться в привычную обстановку. Однако в последние десятилетия в их поведении и образе жизни наметились изменения, косвенным виновником которых был человек. С появлением на побережье городов (Черчилл, один из крупнейших городов в этом районе, вырос в основном в годы второй мировой войны) все больше и больше белых медведей становятся «горожанами». Даже в то время года, когда залив покрыт льдами, некоторые звери предпочитают теперь охоте на тюленей «легкую жизнь» у свалок и помоек, создавая в современных городах «медвежью проблему».

«Медвежья проблема» — явление отнюдь не чисто канадское. Международная охрана этих зверей и рост их численности совпадают с другим процессом, происходящим в Арктике повсеместно, — ростом населения, появлением новых городов и поселков. Поэтому всюду, и на Крайнем Севере СССР тоже, встречи людей с медведями участились, а в будущем, надо полагать, они станут еще более обычным явлением. Например, в поселке Мыс Шмидта на севере Чукотки нет-нет да и приживается четвероногий путешественник, что забрел сюда с ближайшего ледяного поля. Как правило, он пользуется симпатией местных жителей, иногда его начинают даже подкармливать (или он сам разыскивает помойки, где можно найти что-нибудь съестное), хотя, как уже говорилось, было бы гораздо разумнее прогнать медведя, скажем, выстрелом из ракетницы при первой же встрече с ним.

Но не только белые медведи находят на Севере нечто привлекательное для себя в соседстве с человеком. Порой ищут покровительства у людей обыкновенные гаги — морские утки, поставщики лучшего природного утеплителя — гагачьего пуха. Там, где эти птицы встречают доброжелательное к себе отношение, — местами на севере Европейской России, в Норвегии, в

Исландии — они без боязни селятся рядом с домами, даже на завалинках домов, занимают искусственные гнездовья, сделанные из бревен, досок или камней. Иногда соседствуют с человеком, как уже говорилось, даже белошекие казарки, несмотря на то что вообще-то гуси относятся к людям очень настороженно. Летом 1896 года Нансен и его спутники были поражены поведением пары пуночек. Хотя корабль «Фрам» в это время дрейфовал в Центральной Арктике, у восьмидесяти трех градусов северной широты, и вокруг судна громоздились льды, птицы, будто дело происходило на суше (а до нее было более двухсот километров), устроили на палубе гнездо. Подобный случай произошел и на советской дрейфующей станции СП-7. В конце июня 1958 года, когда льдина находилась у восьмидесяти пяти градусов северной широты, на станции появилась пара пуночек. Вскоре они свили гнездо, устроив его в пустом ящике. В начале июля в гнезде было пять яиц. Однако благополучно высидеть их птицы не смогли — гнездо разорили собаки.

Вокруг поселков и особенно промышленных предприятий на Севере можно видеть иногда техногенные, созданные искусственно, пустыни. Выйдя из дома, не услышишь тогда весенней задорной песенки пуночки или звонкой, журчащей ручейком серенады куличка-песочника. Даже вдали от поселка или города не увидишь на озере обычных в других местах уток-морянок или гагар. Нечего здесь делать и рыбаку, поскольку в этих водах перевелась рыба.

Однако техногенные пустыни вовсе не обязательная примета цивилизации в этих районах. Есть множество убедительных доказательств, множество примеров того, что человек и дикие животные и здесь могут сосуществовать, что они скорее друзья, нежели враги.

Люди пришли на Север давно, по крайней мере за шесть — семь тысяч лет до нашей эры. И несомненно, что уже с тех пор так или иначе проявлялось их влияние на природу, в том числе и на животный мир. Но ясно и другое. Очень долго население здесь было немногочисленным, люди вели преимущественно кочевой образ жизни и не вносили в облик этих районов скольнибудь ощутимых изменений. Влияние человека на природу Крайнего Севера Евразии и формирование на морских побережьях, в тундрах и лесотундрах так называемых антропогенных (созданных человеком) ландшафтов началось по сути дела лишь в XVI—XVII веках, когда здесь появились постоянные зимовья и поселки. Наиболее бурно этот процесс развивается на Севере, как уже говорилось, в последние десятилетия. Следовательно,

местные антропогенные ландшафты еще очень молоды. В этом одна из главных их особенностей. Они очень интересны для исследователей, поскольку именно здесь можно видеть, какими путями и с какой скоростью формируется окружающий человека мир животных. На их примере, следовательно, можно воссоздать и ход становления синантропных (обитающих вокруг человека) группировок животных в южнее расположенных областях.

Что же такое современные антропогенные ландшафты Крайнего Севера? Они очень разнообразны. Относятся к ним и большие города с широкими шумными улицами и многоэтажными домами, как, например, Норильск или Воркута. Это оснащенные современным оборудованием рудники и шахты, заводы, электростанции, многочисленные поселки различной величины, строившиеся в разное время, застроенные деревянными и каменными, одноэтажными и многоэтажными зданиями. Элементы антропогенного ландшафта — это и отдельный домик охотника на морском побережье, и обложенная дерном поварня на севере Якутии, всегда готовая предоставить путнику тепло и кров. Сюда же можно отнести и нежилые сооружения — навигационные знаки, вышки, каменные пирамиды на приметных местах («гурии»), разного рода дороги, «чумовища» — места регулярных стоянок оленеводов — и даже постоянные пути перегонов оленьих стад.

Почти все это — города, поселки, отдельные дома, дороги — есть и южнее. Но на Крайнем Севере антропогенный ландшафт и его элементы обладают еще одной важной специфической особенностью: они разобщены. В то время как в районах развитого земледелия и животноводства в результате распашки земель, интенсивного выпаса скота ощутимое влияние человека проявляется на громадных сплошных площадях, здесь оно сказывается на незначительных, изолированных один от другого участках, по сути дела лишь на территориях поселков и в их ближайших окрестностях. И оказывается, есть в этих антропогенных ландшафтах, во всех их проявлениях и элементах, нечто привлекательное для многочисленных видов животных.

На Крайнем Севере, как и всюду, прямо или косвенно человек улучшает кормовые возможности многих птиц и млекопитающих. Конечно, эти возможности более ограничены, если население ведет кочевой образ жизни. Тем не менее и у чумов, и у яранг оленеводов можно видеть воронов, поморников, чаек, которых привлекают сюда съедобные отбросы. Хотя человек этому вовсе не рад, но стада домашних оленей — основной источник существования на Севере волка, особенно зимой. К числу

так называемых посетителей (то есть видов, связи которых с человеком непрочны и непостоянны) относится даже розовая чайка. Этих замечательных птиц ранней весной можно видеть, не выходя из дома, на улицах некоторых поселков севера Якутии. Цель их пребывания здесь и поведение весьма прозаичны: они обследуют помойки и переругиваются хриплыми голосами из-за найденных съедобных крох (что-нибудь мало-мальски существенное гораздо раньше было выбрано собаками). Весной же на улицах северных городов и поселков, в том числе на асфальтированных проспектах Воркуты, не особенно обращая внимание на шум, людей и автомобили, устраивают свои турниры нарядные и задиристые самцы турухтанов — «петушки», как их часто здесь называют. Зимой на тех же улицах в пятне света от уличного фонаря какой-то бесплотной тенью может промелькнуть песец, а то и послышится хруст снега под грузным телом белого медведя. Это тоже посетители антропогенных ландшафтов Севера.

Итак, возле человека легче прокормиться. Ведь даже там, где пролегла пешеходная тропа, неизбежно нарушается целостность моховой дернины и глубже протаивает почвенная мерзлота. Здесь часто повышается интенсивность биологических процессов в почвах, и исходная растительность тундрового типа сменяется более богатым травостоем «антропогенных лугов», а в низинах образуются непересыхающие и богатые кормами лужи. Поэтому окрестности поселков и даже отдельных домов, «чумовища», а иногда и тракторные дороги, места регулярного выпаса оленей резко выделяются среди соседних участков то сочной зеленью разнотравья, то черными пятнами болотин. К тому же запыленный снег вокруг поселков тает на неделю, а то и на две раньше, чем в окружающей тундре, отчего большинство пролетных птиц жметя ранней весной к человеческому жилью. Все это происходит, конечно, при умеренной «нагрузке» человека на ландшафты Севера, там, где не родились еще антропогенные пустыни.

Лучше всего обеспеченными кормом в здешних антропогенных ландшафтах оказываются растительноядные птицы и мелкие грызуны. Прилетают к домам, чтобы подкормиться, даже гнездящиеся далеко отсюда пуночки и лапландские подорожники, многочисленные кулики. Из грызунов в поселках Европейского Севера и Ямала можно встретить немного похожих на домашних мышей короткохвостых узкочерепных полевок, а в поселках северо-востока Сибири — красных полевок. Да и один из самых типичных тундровых зверьков — обский лемминг в те годы, когда его численность невысока, ютится главным образом

вблизи человека. Грызуны в свою очередь привлекают в поселки четвероногих хищников — горностаев и ласок. Мухи и другие насекомые — неизбежные спутники человеческого жилья — привлекают в антропогенные ландшафты насекомоядных птиц.

В равнинной тундре трудно найти возвышения или укрытия, необходимые для устройства гнезд, и такие удобства многим пернатым тоже предоставляет человек. Навигационные знаки, вышки, гурии, несомненно, воспринимаются птицами как скалы или какие-нибудь другие природные образования. На них охотно гнездятся и креты, и сапсаны, и мохноногие канюки. В городах на севере Норвегии можно видеть гнездящихся на карнизах домов чаек-моевок — типичных обитателей птичьих базаров.

Именно животные-«посетители» в первую очередь и связывают свою судьбу с человеком. В каждом поселке в Арктике, в каждом одиночном доме здесь гнездятся пуночки. И полярники не случайно называют их арктическими воробьями. Еще стоят трескучие морозы, в окрестной тундре нет и намека на проталины, а звонкая, незатейливая песенка жизнерадостных птах уже несется откуда-нибудь с крыши или с кучи угля. Сам певец в это время — сущий невидимка: на фоне белесого неба мелькают, словно сами по себе, лишь черные концы его крыльев (остальное оперение пуночки почти чисто-белое). В естественных условиях пуночки используют для устройства гнезд любые укрытия — расщелины в скалах, кучи камней, выброшенные морем бревна, даже норки леммингов, на какой бы высоте они ни находились. Столь же нетребовательны птицы при выборе укрытия для гнезд и тогда, когда они селятся вблизи человека. С равным успехом пуночки используют вентиляционные отверстия в фундаменте и застрехи под наличниками окон, пустоты в каменной кладке стен, груды металлического лома, поленицы дров. На чердаке нашего дома на Новой Земле пара пуночек из года в год гнездилась в старом валенке.

В антропогенных ландшафтах более южных районов (на юге Арктики и в Субарктике) почти так же обычны из воробьиных птиц белые трясогузки и каменки.

Белая трясогузка занимает в естественных условиях любые укрытия, лишь бы они располагались недалеко от воды — от берега реки, озера или моря. Когда она гнездится в человеческих сооружениях, ее связи с водой и водоемами проявляются гораздо слабее, а использует она здесь для устройства гнезд самые разнообразные ниши и углубления — в фундаментах, на стенах, чердаках. Довольно часто трясогузки селятся внутри необитаемых летом домов, конечно, если они находят туда лаз.

А однажды на побережье Югорского полуострова мне пришлось увидеть их гнездо в жилой рыбацкой избе (видимо, птицы гнездились здесь и в прошлом году, когда изба пустовала). Оно располагалось на полке у стола, всего в полуметре от голов сидящих людей; вылетали трясогузки наружу через раскрытую форточку. Когда я попал сюда, в гнезде были уже довольно крупные птенцы. А пока я гостил у рыбаков, на улице похолодало, пошел снег. Мы было встревожились за судьбу пернатых жильцов, но все обошлось благополучно: день-два они вообще не летали на «улицу», а ловили мух и для себя и для птенцов в самом жилье. Вот и еще одно преимущество тесного соседства с человеком!

Каменка ростом меньше воробья. В неярком, но контрастном ее оперении сочетаются белый, серый и черный цвета. В естественных условиях каменки занимают укрытия, находящиеся на уровне земли: трещины скал, норы грызунов, пустоты под камнями или бревнами. Поселяясь в антропогенных ландшафтах, они гнездятся в пустотах и углублениях искусственных сооружений, но уже вне зависимости от высоты, на которой эти пустоты расположены: гнезда их можно найти здесь и в трещинах фундаментов, и за наличниками окон, и на крышах под листьями шифера.

Уже говорилось, что среди млекопитающих на Крайнем Севере СССР наиболее обычные обитатели человеческих поселений — узкочерепные и красные полевки. Они селятся в жилых домах, на складах, в амбарах, часто заменяя здесь домовых мышей; в поселках сельского типа они прокладывают густую сеть ходов в земляных завалинках.

Все звери и птицы, о которых только что шла речь, были как бы «вобраны» человеком из числа исконных местных обитателей (исследователи так и называют их — «вобранными»). Если присмотреться к ним внимательнее, окажется также, что эти виды наиболее неприхотливы в выборе кормов и убежищ. Некоторые из них нашли в антропогенных ландшафтах настолько благоприятные для своей жизни условия, что селятся здесь с гораздо большей плотностью, чем в «дикой» природе, и даже интенсивнее размножаются. Такова, например, красная полевка. Местами в Якутии зверьки наиболее многочисленны именно в жилых домах, складах, амбарах. А приносят потомство они в тепле не только летом, как их «дикие» сородичи, но и зимой. Или вот куличок — белохвостый песочник. Он относится к числу наиболее обычных тундровых пернатых (добавлю, что его без всякой натяжки можно считать и одним из лучших тундровых певцов). Но наиболее многочислен этот вид на гнез-

довье в ближайших окрестностях поселков; он селится здесь с плотностью, превышающей «естественную» в пять, а то и в десять раз. Что привлекает его сюда, не очень-то ясно, но вероятнее всего — более сытая жизнь.

Лишь благодаря человеку некоторые животные имели возможность продвинуться далеко к северу. Хорошим примером тому может служить чечетка. Исконные местообитания этой небольшой серой птички с красной «шапочкой» на голове и черным пятном на горле — заросли кустарников. А там, где естественных кустарников уже нет, чечетки используют для поселения их искусственные «заменители». В окрестностях поселка Тикси их гнезда находили в мотках брошенной проволоки и стального троса. Какое-то сходство с кустом птицы усмотрели даже в срубе нежилого дома: в углу между верхними венцами бревен гнездо чечеток мне встретилось на севере Югорского полуострова.

В окрестностях поселка Диксон, который расположен уже в открытой тундре, я однажды неожиданно для себя увидел нескольких варакушек и даже дроздов-белобровиков, судя по их поведению, здесь гнездящихся. Но ведь варакушки обычно строят гнезда в густых, хотя и не обязательно высоких кустарниках, а дроздам-белобровикам для выведения птенцов необходимы кусты высотой по крайней мере в рост человека! Как же птицы выходят из положения?

Несколько дней я потратил на то, чтобы разрешить эту загадку. И вот первая находка. Небольшая бурая птичка с приметным рыжим пятном у основания хвоста (это самка варакушки; у самца горло и грудь ярко-голубые, и он относится к числу самых нарядных пернатых не только на Севере, но и вообще в нашей стране) вылетела из большой кучи стружек, то ли сложенных, то ли брошенных у склада. Среди этой кучи и находилась ее гнездо с шестью недавно появившимися на свет птенцами. Дальше искать уже было легче. Следующее гнездо, и тоже с птенцами, обнаружилось в другой куче стружек, а еще несколько гнезд — среди кип выгруженного с парохода сена. И в стружках, и в сене все-таки можно усмотреть отдаленное сходство с чашей кустарников. Дрозды поразили меня гораздо сильнее. Одно из их гнезд я нашел в груде пустых ящиков, другое — на ступеньке приставленной к стене лестницы, третье — на бревенчатом основании маяка. Что общего здесь с кустами? На этот вопрос могли бы ответить только сами птицы...

Продвигаясь на север, человек невольно привел за собой из более южных районов и своих обычных «захребетников» — домового и полевого воробьев, домовую мышь, серую крысу.

Домовый воробей нуждается на Севере в человеческой опеке гораздо сильнее, чем в других местах, и может существовать здесь лишь в том случае, если люди полностью обеспечивают его кормами. Кроме того, необходимые укрытия для гнезд он находит лишь в постройках определенного типа и наиболее охотно заселяет рубленые русские дома. Поэтому расселение его на территории нашей страны к северу и к востоку было тесно связано с развитием там земледелия, возникновением русских поселений и появлением лошадей. По образному выражению известного русского ученого А. Ф. Миддендорфа, в Сибири «воробей шел вслед за сохой». А ханты называли домового воробья не менее метко «птичкой, сидящей на углу русской избы».

Северная граница распространения этого вида сейчас в общем совпадает с северной границей земледелия. У обитающих здесь птиц выработались интересные приспособительные особенности. В отличие от распространенных южнее северные воробьи совершают регулярные сезонные перелеты. Например, они улетают на зиму из северных частей Архангельской области, с низовьев Печоры, Таза, Оби, Енисея, из Якутска. С другой стороны, известны случаи, когда по мере приспособления к новым условиям перелетные воробьи вновь становились оседлыми. Так, в Березове в первые годы после своего появления птицы на зиму улетали, но затем стали жить круглый год.

Среди зимующих на Крайнем Севере домовых воробьев явно преобладают самцы (как и у большинства других птиц, они легче мирятся с низкими температурами, чем самки). Эти воробьи отличаются от распространенных южнее большим весом, то есть склонны к накоплению в организме большего количества жира, играющего важную роль в теплоизоляции, и, следовательно, лучше защищены от холода.

Однако, даже значительно изменив свой образ жизни, домовые воробьи оказываются недостаточно приспособленными к обитанию во многих районах Крайнего Севера. В холодные зимы они иногда полностью вымирали в Салехарде, Туруханске, Якутске и в других северных поселках и городах. Плотность обитания вида у северных пределов его распространения всюду оказывается очень невысокой. Например, в Воркуте в 1950 году гнездилось не более пятидесяти пар воробьев; они зимовали в городской котельной, где большее количество птиц, видимо, и не могло поместиться.

Полевой воробей не смог распространиться к северу так же далеко, как воробей домовый, но и он (хотя в других местах это вполне оседлая птица) на северном пределе своего обитания совершает регулярные сезонные перелеты. Городская ласточка-

воронок распространена к северу вплоть до низовьев Таза, Енисея, Оленька, Колымы. Так же как и домовый воробей, она, очевидно, распространялась здесь вслед за русскими переселенцами, поскольку может гнездиться только в домах русского типа; якутские юрты, не имеющие коньков и наличников на окнах, а равно и якутские открытые сеновалы для поселения птиц непригодны. Места для постройки гнезд ласточка может находить и гораздо севернее современной границы своего обитания, но дальнейшему ее продвижению на север, надо полагать, также препятствуют краткость и суровость лета. Например, в низовьях Колымы птицы уже едва успевают вырастить птенцов за короткое лето и улетают отсюда очень дружно, тотчас же по вылете из гнезд молодых.

А вот домовая мышь поселилась на Севере и особенно на северо-востоке СССР относительно недавно, и до сих пор область ее распространения продолжает расширяться. В 1843 году Миддендорф считал наиболее северным пунктом ее обитания на Енисее Туруханск, где мыши, однако, были тогда еще очень редки. А в 20-х годах нашего века они уже жили здесь в большом количестве. Сейчас домовые мыши обычны во всех приенисейских поселках вплоть до Диксона. В последние десятилетия этот вид вообще широко расселился в Восточной Сибири и во многих местах вышел на побережья Северного Ледовитого океана. Известно, например, что в городе Анадыре и в поселках Олюторского района, где мыши теперь обычны, их не было еще в начале 30-х годов; примерно в 1960 году мыши и появились в низовьях Лены, на острове Тит-Ары и, возможно, в то же время в поселке Тикси.

В отличие от южнее расположенных областей на Севере домовая мышь, как правило, теснее связана с жилыми и хозяйственными постройками человека и проводит в них большую часть года. Благодаря более высокой температуре воздуха в помещениях (здесь тщательнее следят за теплоизоляцией) эти зверьки, как правило, размножаются на Севере интенсивнее, чем в областях умеренного климата. Однако в последние годы летом все чаще можно встретить гнезда домовых мышей в тундре, вдали от поселков. Не исключено поэтому, что здесь складывается и особая раса «диких» мышей.

Другой широко распространенный «захребетник» — серая крыса продвигается к северу, к счастью, значительно медленнее. Главной причиной можно считать суровую, долгую зиму. Например, на реке Лене уже много лет крайним северным пунктом ее обитания остается поселок Витим. Конечно, вместе с грузами серую крысу неоднократно завозили и в Якутск, и в

самые низовья Лены, вплоть до поселка Тикси, но здесь она так и не прижилась. Исключения из этого правила, к сожалению, есть, но их не так много. На Енисее Миддендорф не встречал крысу севернее Енисейска, а уже через несколько десятилетий она заселила Дудинку. Какие-то особо благоприятные условия способствовали ее распространению на северо-востоке СССР, и она встречается теперь в Анадыре, Певеке и некоторых других здешних поселках.

Итак, одни виды животных соседствуют с человеком на Севере лишь в самые трудные и голодные для них периоды года, другие составляют его постоянное окружение, выводят и выращивают в антропогенных ландшафтах потомство и иной раз чувствуют себя здесь лучше, чем в естественных местообитаниях. Большую часть своих пернатых и четвероногих спутников человек «вобрал» из числа ископных местных видов. Некоторые же «захребетники» (их гораздо меньше) пришли за ним из более южных районов. Но в этом нет ничего принципиально нового; по сути дела таким же образом формируется окружающий человека животный мир в любой другой части земного шара. На Крайнем Севере, как и повсюду, среди спутников человека можно выделить даже «городской» и «сельский» комплексы, несмотря на то что по-настоящему «сельских» ландшафтов здесь нет. Вот один из примеров. В самом поселке Диксон среди домов гнездятся пуночки, белые трясогузки, каменки — это «горожане». В ближайших окрестностях поселка можно найти гнезда варакушек, дроздов-белобровиков, белохвостых песочников, а в некотором удалении от домов, но еще в сфере явного влияния человека обитают краснозобые копытки — мелкие насекомоядные птицы, хорошие певцы, устраивающие свои гнезда на земле, а также чечетки; все они как бы «селяне».

И все-таки в животном мире антропогенных ландшафтов Крайнего Севера есть нечто специфическое, только ему присущее. Прежде всего бросается в глаза его пока еще бедный видовой состав. Если не принимать во внимание «посетителей» или представителей «сельских» комплексов, связи у которых с человеком подчас слабы и непостоянны, можно считать, что группы «вобранных» и «приведенных» птиц и млекопитающих (примерно то же относится и к насекомым) включают в себя лишь около десяти процентов всех местных видов, причем большая часть их может просуществовать и без опеки человека. Южнее, там, где сами антропогенные ландшафты имеют более давнюю историю, доля местных видов в их животном мире несравненно выше.

Нельзя не заметить, что человек привел за собой на Север

лишь очень немногих животных — самых стойких и неприхотливых. Надо полагать, что других переселенцев с юга здесь и не появится: им не преодолеть трудностей, особенно связанных с коротким летом, долгой зимой, недостатком тепла. Можно заключить, далее, что видовой состав окружающего человека на Севере животного мира будет постепенно расширяться, но за счет преимущественно своих, исконных «северян».

Итак, многие звери и птицы все-таки могут поладить на Севере с человеком, находят в соседстве с ним иной раз даже важные преимущества. В принципе это относится также к редким и исчезающим видам. Во всяком случае некоторых из них, как мы уже видели, не назывешь «беглецами от цивилизации», и они в принципе вписываются если не в «городские», то в «сельские» комплексы антропогенных ландшафтов. Таковы, например, розовая чайка, кулик-лопатень, сапсан, может быть, даже кречет. Менее вероятно, но тоже не исключено вовлечение в антропогенные ландшафты Севера гусей, особенно казарок — белошеюк и краснозобой.

Конечно, нужно еще думать над тем, как это осуществить, нужно экспериментировать, и здесь открывается широкое, интересное поле деятельности для натуралистов-полярников. В средней полосе и на юге мы уже давно привлекаем к своему жилью скворцов, мухоловок, синиц; в охотничьих хозяйствах разработаны и успешно применяются методы поселения на водоемах водоплавающих птиц. А разве не заманчиво научиться привлекать пернатых, конечно с выбором, в наши северные города и поселки, на ближайшие к ним озера и реки?

В антропогенные ландшафты, во всяком случае в качестве «посетителя», все настойчивее стремится войти белый медведь, хотя как раз он-то здесь и нежелателен. Стерхи на своей родине — птицы осторожные и подозрительные. Однако на зимовках, там, где они видят доброжелательное к себе отношение, их поведение заметно меняется. Не исключено поэтому, что и на Севере к близости людей они могут относиться терпимее. Моржи с большим подозрением воспринимают любые изменения в пейзаже знакомого им лежбища, а также шум, движения, посторонние запахи в этом районе. У них, следовательно, существует связь с человеком, но не «положительная», а «отрицательная». Гренландские киты, естественно, ни в каких взаимоотношениях с антропогенными ландшафтами не состоят.

Накопец, у северного оленя отношения с цивилизацией довольно противоречивые. Там, где это животное считается охотничье-промысловым (в большей части области своего распространения), «дикари», конечно, избегают антропогенных ланд-

шафтов. Они не только не видят в них ничего привлекательного, но и терпят большие неудобства, встречая на своем пути во время миграций дороги, нефте- и газопроводы и другие искусственно сооруженные препятствия. Однако, если олени находятся под охраной закона (например, на некоторых арктических островах), они охотно пользуются подкормкой, в том числе солонцами, которые обнаруживают вблизи поселков; и вообще с людьми у них устанавливаются здесь довольно хорошие отношения, основанные на взаимном доверии. Вот один из случаев, о котором я узнал от полярников. В поселке советских горняков на Шпицбергене Баренцбурге в 1977 году «квартировали» десятка три «дикарей». Вели они размеренную жизнь: вечером шли к выложенному специально для них стожку сена, ночью спали под горой в облюбованном месте, а утром и в середине дня опять навевывались к подкормочной площадке, хотя и не так регулярно, как вечером. Появились свои «подшефные» олени и в других советских поселках на Шпицбергене — у геологов, буровиков, астрономов.

Антропогенный ландшафт часто называют также культурным и подразумевают под ним здоровые, полноценные для жизни и работы людей условия. Понятие это, конечно, очень большое, емкое. Но при всех обстоятельствах оно включает в себя и живое солнечное тепло, и зелень и пестроту разнотравья, и птичьи песни. На Севере все это особенно необходимо человеку, и все это может его окружать. Рядом с человеком могут обитать здесь и некоторые из тех животных, что считаются редкими и исчезающими. У человека есть все основания, есть возможность быть и сегодня и завтра не врагом им, а другом!

КАК ИХ СОХРАНИТЬ?

Ресурсы животного мира Крайнего Севера используются с каждым годом все шире, и охота, надо полагать, еще долгие годы будет занимать большое место в хозяйственном освоении обширных северных территорий. Промысловое направление остается ведущим в экономике местных совхозов и колхозов. Все чаще встречаются в тундрах охотники-спортсмены. Они составляют немалую часть жителей арктических городов и поселков, приезжают сюда и из других мест как туристы: поездка на Север стала сейчас сравнительно простой и доступной. Растет спрос на северную пушнину, гагачий пух, гивиот — ценный пух овцебыков — и на многое другое, что производит северная природа.

Большие по площади, но скудные пастбища Северного Таймыра непригодны для разведения домашних оленей: отсюда трудно перегонять стада на зимние выпасы, здесь нет топлива, без которого немислима жизнь пастухов. Однако дикие олени в этих условиях могут прокормиться. Здесь обитает крупнейшее в мире их стадо, и промысел его позволяет вовлечь в хозяйственный оборот растительность таймырских тундр. Мало того, что мясо и шкуры диких оленей обходятся гораздо дешевле; у «дикарей» есть и другие преимущества перед их домашними сородичами. Они не вытаптывают так сильно пастбища и вообще полноценнее используют съеденный корм. К тому же, как мы видели, они не испытывают зимой столь большой потребности в лишайниках, запасы которых возобновляются так медленно.

Из-за бедности видового состава северной фауны и флоры охотничий промысел превращается здесь в своего рода «ниточку»; потянув за нее, можно получить доступ сразу к значительной части природных ресурсов, вовлекать в хозяйственное использование одни ресурсы при помощи других. Примеров такого рода достаточно. Разумный промысел моржей позволяет вовлечь в хозяйственный оборот запасы донных моллюсков арктических морей, а добывая в прошлом гренландских китов, человек имел возможность особенно полно утилизировать планктон северных морей. Животный мир Крайнего Севера имеет, следовательно,

большую практическую ценность, и не только «прямую», но и «косвенную». При выпадении из него каких-то видов (а ими в первую очередь и могут оказаться редкие и исчезающие животные) он резко обесценивается, а природные комплексы в таком случае становятся еще более неустойчивыми и уязвимыми.

Итак, они, эти животные, нужны нам, их необходимо охранять, и не только потому, что некоторые из них вновь могут стать ценными объектами охоты и промысла. Белый медведь, например, в принципе хороший индикатор состояния природной среды Северного Ледовитого океана. Дело в том, что здесь трудно вести прямые наблюдения за чистотой морских вод, регистрировать загрязнение моря, особенно нефтью. Между тем звери чутко реагируют на эти явления и сразу же уходят из зоны загрязнения: в этой зоне гибнет планктон, исчезает рыба, а за ними и тюлени. Поэтому систематические наблюдения за медведями, снабженными радиопередатчиками (скажем, с искусственного спутника Земли), могут помочь в сохранении чистоты природной среды Арктики. По накоплению в жире белых медведей остатков пестицидов можно судить, насколько загрязнены ими те или другие части Арктики (для этого совсем не обязательно убивать зверей: небольшой кусочек жира извлекают у них из-под кожи в то время, когда их обследуют и метят).

О том, что большинство этих животных относится к числу лучших украшений Севера, о том, что в них, как и в каждом виде животного или растения, могут быть обнаружены какие-то полезные для человека и еще неизвестные качества и свойства, говорилось выше, но об этом нелишне напомнить и еще раз.

В СССР делается многое для охраны природы Крайнего Севера, для разумного сочетания природоохранных мер с развитием на Севере современной индустрии, хотя эта задача отнюдь не проста. Помимо общих государственных актов — Закона об охране природы в РСФСР (1960 год), постановления Верховного Совета СССР «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов» (1972 год), постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» (1972 год) ряд важных постановлений правительства был направлен на сохранение именно арктической природы.

Еще в 1921 году В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море». В 1956 году Совет Министров РСФСР

принял специальное постановление «О мерах по охране животных Арктики», а в 1959 году — постановление «Об установлении защитных полос в северной части притундровых лесов».

Подписанный Лениным декрет, как следует уже из его названия, имел в виду защиту интересов Советского государства в рыбных и зверобойных промыслах Севера, охрану ресурсов промысловой фауны. Постановление 1956 года предусматривало полный запрет в СССР охоты на белых медведей, промысла моржей и диких северных оленей (добывание моржей и оленей в ограниченном количестве разрешается только местному населению по специальным лицензиям), а также другие меры по их охране, ограничивало и вводило в строгие рамки промысловое использование птичьих базаров и колоний гаг. Это постановление, как мы видели, сыграло очень важную роль в сохранении белого медведя, чукотского стада моржей, в восстановлении стад обитающих в Советском Союзе северных оленей. Постановление 1959 года было направлено на охрану лесов на северном пределе их произрастания.

Охрана природы Севера как часть большой и важной проблемы охраны природы СССР предусматривается, конечно, и принятой 7 октября 1977 года новой Конституцией СССР.

Угрозу полного вымирания редких и исчезающих видов животных несет с собой как изменение условий их обитания (осушение или, наоборот, обводнение территорий, загрязнение суши и вод), так и непосредственное истребление их человеком. Очевидна поэтому исключительно важная роль, которую играют в их сохранении заповедники и заказники (поскольку деятельность человека проявляется на Крайнем Севере преимущественно в отдельных очагах, польза от этих учреждений здесь может быть особенно большой), а также охотничье законодательство.

Государственные заповедники в СССР — это система научных учреждений, проводящих многолетние комплексные исследования на территориях, изъятых из хозяйственного использования (в них, следовательно, полностью охраняются и животный мир, и растительность). Один из них, Кандалакшский заповедник, располагается на крайнем северо-западе СССР, на островах Белого и Баренцева морей. Основной объект его охраны и изучения — морские птицы — обитатели птичьих базаров — и колонии гаг. Весной и осенью над заповедными островами Белого моря пролетают стаи белошеких казарок, а с заповедных островов в Баренцевом море удается иногда увидеть фонтаны гренландских китов. Заповедник был организован в 1938 году. Входящие в него Семь Островов (они находятся у северного побережья Кольского полуострова), как уже говори-

лось, в XVII веке указом царя Алексея Михайловича охранялись как места размножения кречетов; эти замечательные птицы гнездятся здесь и в наши дни.

На противоположном краю советской Арктики, на острове Врангеля, еще в 1960 году был организован долговременный заказник. Он играл большую роль в сохранении главного в Арктике «родильного дома» белых медведей, крупнейшего в мире лежбища моржей, громадных колоний белых гусей. С 1976 года этот заказник превращен в государственный заповедник, и его полезная роль, несомненно, возрастает.

Правила охоты, действующие в северных областях страны, содержат немало важных положений по охране и рациональному использованию арктической фауны. Естественно, что эти правила предусматривают полную охрану всех редких и исчезающих видов животных.

Поскольку большинство представителей фауны либо распространены кругополярно, либо совершают далекие миграции, меры по их охране и вообще по охране природы Крайнего Севера, предпринимаемые каким-либо одним государством или несколькими государствами без достаточного взаимного согласования, часто не дают желаемых результатов. Здесь, следовательно, особенно необходимо международное сотрудничество. Началом ему было положено созданием в 1948 году Международного союза охраны природы и природных ресурсов. Заключены уже важные в решении судеб животных, в том числе и «северян», международные соглашения и конвенции: по охране китов и белых медведей, водоплавающих птиц и их местообитаний, по предотвращению загрязнения нефтью открытого моря и по охране его живых ресурсов, по экспорту и импорту охраняемых видов животных.

Важную роль в системе охраны редких и исчезающих видов играют международная Красная книга, которую ведет с середины 1960 года Международный союз охраны природы и природных ресурсов, и Красная книга СССР — она ведется с 1974 года Центральной лабораторией охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР. Эти книги — не только «сигнал бедствия», адресованный государственным и общественным организациям, но и конкретная программа действий по спасению тех или иных представителей животного мира и растительности.

Природа Крайнего Севера может и должна сохранить свою самобытность и привлекательность. Здесь могут и должны жить и белые медведи, и моржи, и розовые чайки...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
В НЕУСТОЙЧИВОМ РАВНОВЕСИИ	5
СЛЕДЫ ВЕДУТ В ТОРОСЫ	20
ФОНТАНЫ НА ГОРИЗОНТЕ	49
ПОДВОДНЫЕ ПАХАРИ	57
РАЗГРЕБАЮЩИЕ СНЕГ	75
ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ КЫТАЛЫК	86
ПОТОМКИ СЫНА СОЛНЦА	93
ЖАР-ПТИЦА СЕВЕРА	103
СУДЬБА ЭТИХ ГУСЕЙ ТРЕВОЖИТ	115
ЛИЧНО ИЗВЕСТНЫ	132
СТРАННЫЙ КАРЛИК	138
БОРОДАЧИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ	142
ДРУЗЬЯ ИЛИ ВРАГИ?	158
КАК ИХ СОХРАНИТЬ?	171

Успенский С.

У 77 Живущие во льдах. М., «Мысль», 1978.

175 с.; 16 л. ил. (Рассказы о природе).

Известный полярный исследователь-зоолог рассказывает о своих арктических экспедициях, о природе Арктики и характерных особенностях ее животного мира, о редких и исчезающих видах полярных животных (овцебык, розовая чайка и др.), об охране арктической природы и международном сотрудничестве в этой области. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

У $\frac{20901-086}{004 (01)-78}$ 179-78

91 (98)

ИБ № 637

УСПЕНСКИЙ САВВА МИХАЙЛОВИЧ

ЖИВУЩИЕ ВО ЛЬДАХ

Заведующий редакцией *К. О. Добронравова*

Редактор *Т. М. Галицкая*

Младший редактор *И. А. Невзорова*

Оформление художника *А. Б. Семенова*

Художественный редактор *С. М. Полещицкая*

Технический редактор *Е. А. Данилова*

Корректор *С. С. Новицкая*

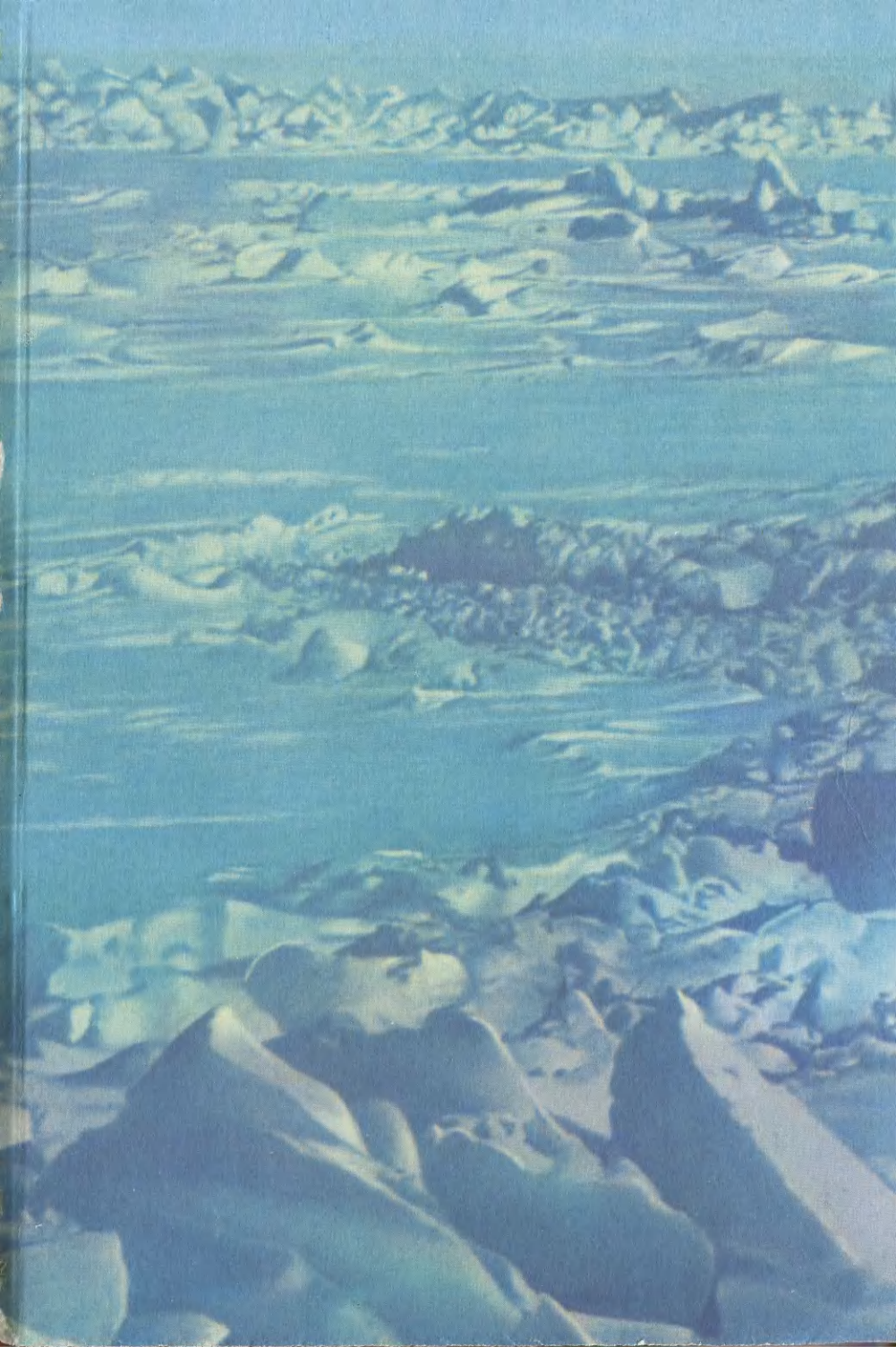
Сдано в набор 11.11.77. Подписано в печать 23.01.78. А 05014. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага типографская, № 2. Обык. нов. гарн. Высокая печать. Усл. печатных
листов 12,09 с вкл. Учетно-издательских листов 12,43 с вкл. Тираж 70 000 экз.
Заказ № 2078. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
113054. Москва, М-54, Валовая, 28

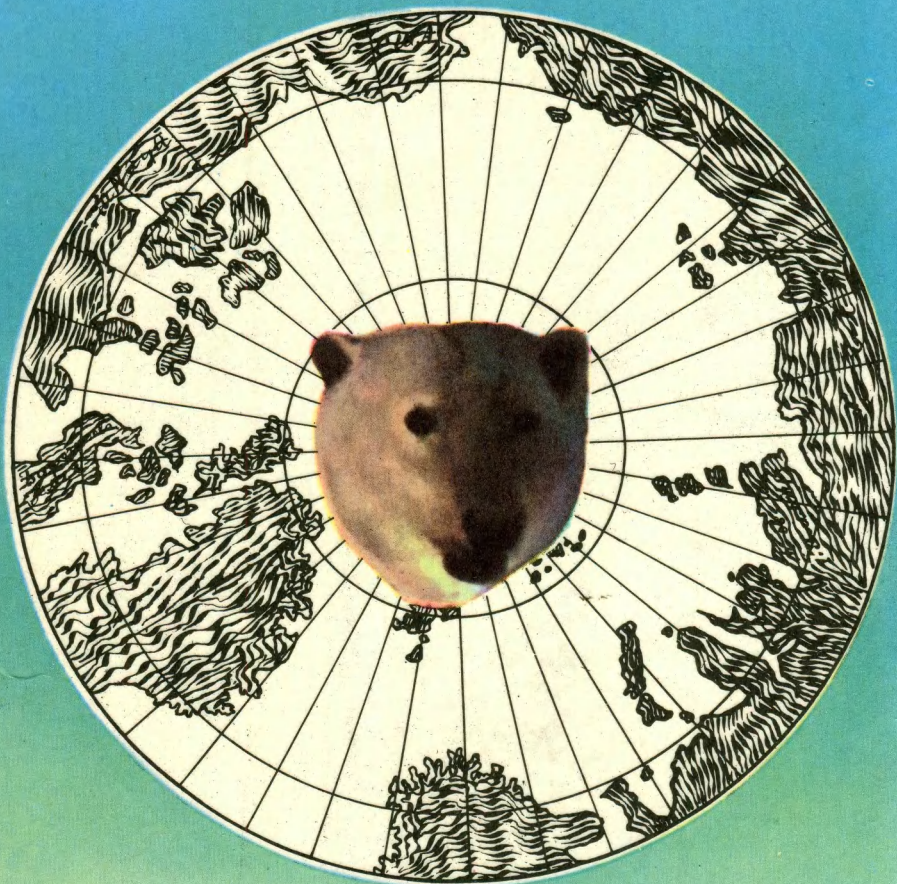
Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

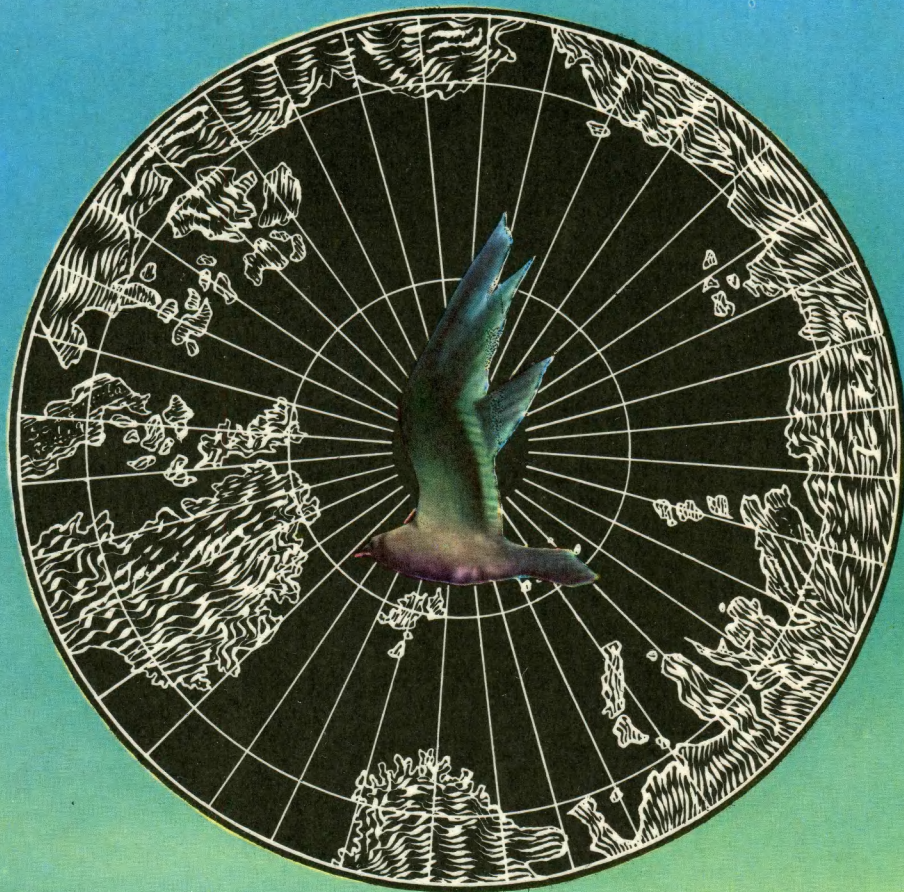
1р. 10к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МЫСЛЬ •

С. УСПЕНСКИЙ

ЖИВУЩИЕ ВО ЛЬДАХ

С. УСПЕНСКИЙ ЖИВУЩИЕ ВО ЛЬДАХ

С. УСПЕНСКИЙ

